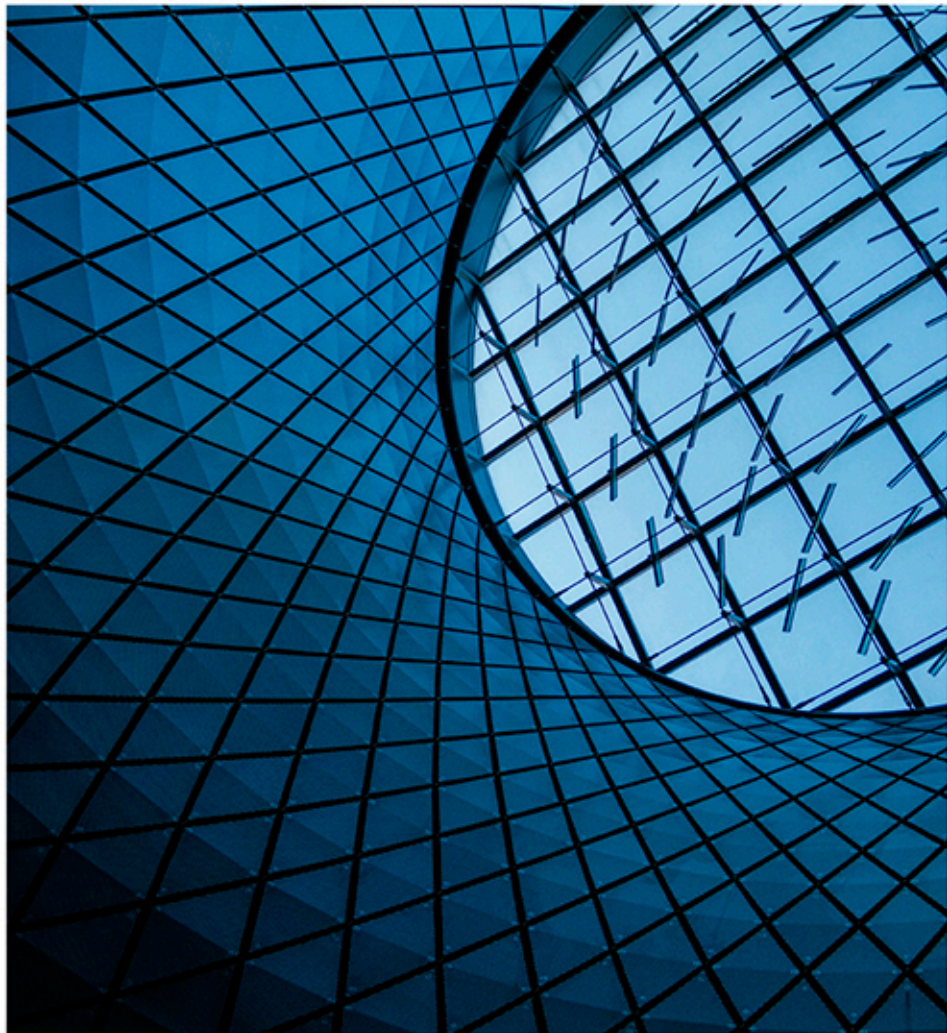

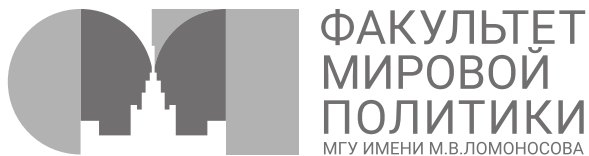
ВЕСТНИК МАГИСТРАТУРЫ ФМП 2024

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЕСТНИК МАГИСТРАТУРЫ ФМП

СБОРНИК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Л.Э. СЛУЦКИЙ

МОСКВА
КУРС
2024

УДК 327
ББК 66.4
В38

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 11
----------------	---

Ответственный редактор:

Президент факультета мировой политики (ФМП) МГУ имени М.В.Ломоносова,
председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ
по международным делам, председатель Правления Международного общественного
фонда «Российский фонд мира», д-р экон. наук *Л.Э. Слуцкий*

Научные редакторы:

доцент кафедры внешней политики России и стран СНГ ФМП МГУ
имени М.В. Ломоносова, заместитель декана по научной работе, канд. социол. наук
А.М. Пономарева; доцент кафедры информационного обеспечения внешней политики
ФМП МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель декана по магистратуре,
д-р ист. наук *Т.В. Скороспелова*; профессор кафедры региональных проблем мировой
политики ФМП МГУ имени М.В. Ломоносова, д-р социол. наук, канд. ист. наук
С.А. Татулиц

Вестник магистратуры ФМП : Сборник ; отв. ред. Л.Э. Слуцкий. — Москва :
В38 КУРС, 2024. — 1 файл.pdf. — 152 с. — Электронная копия печатной версии.

ISBN 978-5-907064-63-8

«Вестник магистратуры ФМП» предлагает читателям подборку статей и на-
учных рефератов, подготовленных студентами магистратуры факультета
мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках учебного курса
«История и методология мирополитических и глобальных исследований».

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-907064-63-8

© Коллектив авторов, 2024
© Факультет мировой политики
МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024
© КУРС, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

Статьи

Юринский Д.Д. Идеологические нарративы бразильской внешней политики в период администрации Инасиу Лулы да Силва	8
Чачуа Т.Г. Роль Арктического совета в милитаризации Арктики	19
Соколова Ю.А. Критическое осмысление статуса Международного олимпийского комитета в зарубежной литературе по международным отношениям.....	29
Шестакова С.С. Неправительственные организации как актор политических процессов в Республике Армения.....	48
Блинкова З.А. Женская повестка дня в деятельности Международной организации франкофонии в Африке южнее Сахары	62

Рефераты

Кумар Ш., Газтамбиде-Фернандес Р. Неужели мы все вместе в этом замешаны? COVID-19, империализм и политика принадлежности Веселов Ю.А.	68
Арнил Б. Колониализм versus империализм Мамаев З.В.	72
Доруссен Х., Бемельт Т., Клейтон Г. Последовательное миротворчество Объединенных Наций: политические инициативы и операции по поддержанию мира Концевенко И.Ю.	78
Юэ Л. Экономическая дипломатия в XXI веке: принципы и вызовы Зайцев М.Р.	84
Хейворд К. «Гибкое и творческое»: включение Северной Ирландии в соглашение о выходе Великобритании из ЕС Идрисова Д.В.	89

СОДЕРЖАНИЕ

Опдал И. Привлечение нефтегазовых компаний к развитию Арктики в России. Имплементация в рентном государстве Еремеев И.Д.	96
Бадеску Г. Сложное наследие в Юго-Восточной Европе: локальные и транснациональные трудности в увековечивании политических тюрем в постсоциалистический период Мотин М.Н.	99
Сим Л-Ч. Обеспечение Ближнего Востока и Северной Африки ядерной энергией: заинтересованные стороны и технополитика Герасимова А.В.	108
Рейнор Б. Тень санкций: репутационный риск, финансовая реинтеграция и экономическая политика смягчения санкций Жукова П.Ю.	116
Шамси Р. С., Сафеи С. Внедрение искусственного интеллекта в полицейскую деятельность для прогнозирования эффективности борьбы с преступностью Ляховский Г.С.	121
Линь Н., Цзе В. Стратегическое реагирование неправительственных организаций на новую кампанию партийного строительства в Китае Череповский О.С.	125
Гринчева Н. За рамками дипломатии оценок: от рейтингов «мягкой силы» к критической индуктивной географии Скрыльников А.В.	131
Ларс Г., Рурман Г., Бишофф Дж., Пензел Т., Вебер А. Стратегическое фреймирование и взаимодействие в социальных сетях: анализ мемов, размещенных «Германским движением за идентичность» в социальных сетях Сиромская Я.О.	138
Гуадагно Р., Гутьери К. Фейковые новости и информационная война: исследование политических и психологических процессов Бабаева О.	147

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий учитель — не тот, кто тебя постоянно воспитывает,
а тот, кто помогает тебе стать самим собой.

М.А. Светлов

Уважаемые читатели, вы держите в руках сборник, объединяющий статьи и рефераты исследовательских текстов, представленных в авторитетных зарубежных журналах по проблематике международных отношений. Но, что крайне важно, составлен он из работ молодых специалистов, прошедших или проходящих обучение в магистратуре факультета мировой политики (ФМП) Московского университета.

Начатый в 2021 г. эксперимент по вовлечению студентов в академическую жизнь за счет создания специализированного факультетского издания как платформы апробации наработок начинающих международников успешно продолжается. Очередной выпуск «Вестника магистратуры ФМП» получился обстоятельным, «взрослым» и заслуживает внимания специалистов без каких-либо скидок на возраст его авторов.

Открывает сборник статья **Д.Д. Юринского** «Идеологические нарративы бразильской внешней политики в период администрации Инасиу Лулы да Силва», в которой на основе изучения документов профильных ведомств, применения метода *case-study* и дискурс-анализа определяется характер трансформации геостратегической ориентации Бразилии после победы на президентских выборах 2022 г. кандидата от Социалистической партии трудящихся. Соотнесенность этой темы с практическими задачами, стоящими перед системой МИД России, очевидна, с учетом того что Бразилия, наряду с Аргентиной, долгое время была «форпостом» России в Латинской Америке. Отметим, что именно в период первого президентского срока г-на да Силвы (2003–2011) сформировалось объединение БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР). Сегодня же этот инновационный формат межгосударственного взаимодействия, объединяющий различные культуры и цивилизации, воспринимается, как справед-

ливо отметил заместитель министра иностранных дел С.А. Рябков, «в качестве одного из столпов нового более справедливого миропорядка, который призван дать всем странам равные возможности, избавить государства Глобального Юга и Глобального Востока от навязываемой им Западом роли послушных поставщиков дешевой рабочей силы и сырья, закрепить право всех наций на сохранение самобытности, самоопределение, проведение независимой внутренней и внешней политики, защиту традиционных ценностей»¹.

Занимательный исследовательский разворот представлен в статье **Т.Г. Чачуа** «Роль Арктического совета в милитаризации Арктики», где автор раскрывает механизм трансформации сугубо гуманитарных начинаний в средство военно-политического влияния. Дополнительную актуальность исследованию придает то обстоятельство, что в условиях затяжного конфликта на Украине задача сдерживания коллективным Западом российского влияния в Арктическом регионе вышла на передний план во внешней и оборонной политике «Арктической семерки», равно как и стран — наблюдателей Арктического совета (АС).

Тему политизации институтов управления, изначально позиционировавшихся в качестве находящихся «вне политики», продолжает аналитический обзор **Ю.А. Соколовой** «Критическое осмысление статуса Международного олимпийского комитета в зарубежной литературе по международным отношениям». В материале раскрывается взаимозависимость политической сферы и «мягкосиловых» направлений, к которым относится и спорт.

В статье **С.С. Шестаковой** «Неправительственные организации как актор политических процессов в Республике Армения» предпринимается попытка определить степень вовлеченности западных стран в гражданский сектор РА, а также — обозначить механизмы, которые могли бы быть использованы для продвижения выгодной им повестки.

Завершает первый раздел сборника исследование **З.А. Блинковой** «Женская повестка дня в деятельности Международной организации франкофонии в Африке южнее Сахары», содержащее описание комплекса мероприятий, проводимых Международной организацией франкофонии (МОФ), для обеспечения гендерного равенства и продвижения роли женщин в жизни общества.

¹ Цит. по: *Рябков С.А.* «Сегодня БРИКС воспринимается в качестве одного из столпов нового более справедливого миропорядка»: интервью о перспективах БРИКС и его расширении в преддверии российского председательства / ред. С.А. Аров, Е.А. Карнаухова, К.А. Минеева. М.: ПИР-Центр, 2023. — (Индекс Безопасности — Научные записки). Режим доступа: SIRUS-4-47-Ryabkov.pdf (pircenter.org) (дата обращения: 31.03.2024).

Целая мозаика мирополитических сюжетов представлена во втором разделе книги, содержащем научные рефераты статей таких изданий, как «European Journal of International Relations», «International Journal of Sustainable Construction Engineering and Technology», «China Information», «Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies», «Social Media + Society» др. В подборке рефератов нашли отражение как проблема нового империализма XXI в. (**Ю.А. Веселов**), так и вопросы соотношения колониализма и империализма (**З.В. Мамаев**). Были проанализированы различные аспекты миротворчества ООН (**И.Ю. Концевенко**), экономической дипломатии (**М.В. Зайцев**), включения Северной Ирландии в Соглашение о выходе Великобритании из Евросоюза (**Д.В. Идрисова**), привлечения нефтегазовых компаний к развитию Арктики в России (**И.Д. Еремеев**), политики памяти в странах Юго-Восточной Европы (**М.Н. Мотин**), технополитики (**А.В. Герасимова**), применения санкций (**П.Ю. Жукова**), искусственного интеллекта (**Г.С. Ляховский**) и мягкой силы (**А.В. Скрыльников**), работы неправительственных организаций (**О.С. Череповский**) и ведения информационных кампаний (**Я.О. Сиromская, О. Бабаева**).

Интересного чтения!

СТАТЬИ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ БРАЗИЛЬСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ ИНАСИУ ЛУЛЫ ДА СИЛВА

Д.Д. Юринский¹

Аннотация. В статье проанализированы идеологические нарративы, составляющие основы бразильской внешней политики в период президентства Инасиу Лулы да Силва. Рассмотрено влияние декларируемых внешнеполитических принципов на реализацию «Доктрины Лулы» в контексте становления многополярности. Выводы исследования получены на основе изучения документов профильных ведомств, применения метода *case-study* и дискурс-анализа. Отмечается, что политика нового президента характеризуется ярко выраженным ревизионистским нарративом по отношению к на-

следию Жаира Болсонару. В качестве стратегических целей заявлены следование приоритетам национальных интересов и становление в качестве глобальной державы.

Ключевые слова: внешняя политика; Бразилия; «Доктрина Лулы»; многополярность; Глобальный Юг.

30 октября 2022 г. на президентских выборах в Бразилии одержал победу Луис Инасиу Лула да Силва. В своей инаугурационной речи новый президент провозгласил «возвращение Бразилии», пророча новые достижения для страны, региона и системы глобального управления в целом. Основными приоритетами внешнеполитической стратегии, обозначенными новым президентом, стали экологическая повестка, укрепление интеграционных объединений в Латинской Америке и странах Карибского бассейна, реформа глобального управления и сотрудничество по линии Юг—Юг.

Спустя год с момента принятия им полномочий становится возможным проанализировать стратегические направления внешнепо-

---

¹ Данил Дмитриевич Юринский — студент магистратуры ФМП МГУ (2023–2025); магистерская программа «Дипломатия в архитектуре евразийской интеграции».

литической деятельности новой администрации, основываясь не только на риторике избирательных кампаний, но и на проводимой политике — подписанных соглашениях, заявлениях бразильских политиков и тех принципах, которые транслирует бразильская дипломатия при реализации своих задач.

В рамках настоящей статьи мы с использованием таких методов анализа, как *case-study*, дискурс-анализ, изучение документов профильных ведомств, рассмотрим основные направления внешней политики Бразилии при администрации Луиса Инасиу Лула да Силва.

Преимственность и традиции во внешнеполитическом планировании администрации Лулы

Раскрытие базовых принципов внешнеполитического планирования при администрации Лулы требует обращения к ключевым принципам, оказавшим влияние на формирование политической традиции Бразилии. Прежде всего это положения о мирном сосуществовании с соседями, мирном разрешении споров и невмешательстве в дела других государств. Вышеозначенные идеи сформировались в конце XIX — начале XX в. при министре иностранных дел бароне Рио Бранко, который руководствовался принципом «дипломатия выше политики»¹. Эти же постулаты сегодня закреплены на правовом уровне: в Конституции², Стратегии национальной обороны³, Белой книге национальной обороны⁴ и Политике национальной обороны.

«С 1930-х годов национальное развитие становится ключевым элементом внешней политики Бразилии, сквозь призму которой нужно рассматривать всю историю страны»⁵. В данный исторический период закладываются основные положения концепции «национального развития» или «десаррольизма»⁶, также оказавшей влияние на формирование внешнеполитических приоритетов администрации

¹ Тимофеева Ю.А. Внешняя политика Бразилии при Ж. Болсонару: смена парадигмы? // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 163–171.

² Constituição da República Federativa do Brasil de 1988 // Presidência da República do Brasil. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. Available at: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (accessed: 06.03.2024).

³ Estratégia Nacional de Defesa (2008); Política Nacional de Defesa (2005, 2012). Available at: <http://www.defesa.gov.br> (accessed: 06.03.2024).

⁴ Livro Branco de Defesa Nacional. Brasília: Ministério da Defesa. 2012. Available at: Livro Branco de Defesa Nacional (LBDN) — Ministério da Defesa (www.gov.br) (accessed: 06.03.2024).

⁵ Тимофеева Ю.А. Внешняя политика Бразилии при Ж. Болсонару: смена парадигмы? // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 163–171.

⁶ Там же.

Лулы да Силва. Десарролизм (*desenvolvimento*) — это экономическая концепция, которая фокусируется на внутреннем развитии и индустриализации страны с помощью активного вмешательства государства в экономику. Она включает такие средства экономического регулирования, как диверсификация, импортозамещение, протекционистские меры в отношении иностранного капитала¹.

Обращая внимание на принципы, транслируемые политической элитой новой администрации, можно отметить приверженность современной бразильской дипломатии традиционным идеям, лежащим в основе внешнеполитического планирования Бразилии. Прежде всего — это достижение суверенного положения страны в мире и становление Бразилии как мировой державы. Согласно заявлениям министра иностранных дел Бразилии, основополагающий принцип, которым руководствуется политическая элита страны на современном этапе, — это «следование национальным интересам в рамках многосторонности международного права»². Также видение Лулой мирового порядка «основано на диалоге, многосторонности и многополярности»³. Таким образом, новая администрация принимает попытки укрепить свои отношения не только с латиноамериканскими соседями, но и государствами за пределами региона, будь то двусторонние или многосторонние отношения. Одним из декларируемых принципов стала идеологическая непредвзятость, направленная на поддержание контактов и переговоров со всеми странами.

Новые вызовы — новые ответы

Однако стоит понимать, что, став президентом в 2023 г., Лула столкнулся с качественно новыми проблемами, вызванными как внутривнутриполитическим расколом, так и международной нестабильностью. Третий срок полномочий Луиса Инасиу Лула да Силва пришелся на период усиления геополитической напряженности и обострения вызовов экономики. В сложившейся ситуации внутривнутриполитические проблемы в значительной степени ограничивают международную роль президента.

---

¹ Тимофеева Ю.А. Внешняя политика Бразилии при Ж. Болсонару: смена парадигмы? // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 163–171.

² Q&A: Brazil's foreign minister Mauro Vieira on the «Lula Doctrine» // Americas Quarterly. 23.03.2023. Available at: <https://americasquarterly.org/article/qa-brazils-foreign-minister-mauro-vieira-on-the-lula-doctrine/> (accessed: 06.03.2024).

³ Ibid.

Политический кризис, вызванный недовольством сторонников бывшего президента Жаира Болсонару, безусловно, останется существенным фактором, который кабинет Лулы не сможет игнорировать. Учитывая лозунги «возврата Бразилии», можно отметить ревизионистский характер политики, проводимой Лулой, который сохраняется с момента запуска его предвыборной компании. В свою очередь, это оказывает влияние не только на внутривнутриполитические процессы, но и на внешнюю политику. В частности, риторика «борьбы с авторитаризмом» в защиту демократии «во всем мире» стала важным аспектом формирования внешнеполитической парадигмы, активно поддерживаемой лидерами, в первую очередь европейских стран и США.

Необходимость борьбы с авторитарными режимами стала важной риторической составляющей, позволяющей определить положение, занимаемое Бразилией в сложившейся на сегодняшний день международной системе. Победа Инасиу Лулы де Силва на президентских выборах в Бразилии была с энтузиазмом отмечена европейскими и американскими элитами. Внутривнутриполитический кризис позволил Луле заручиться поддержкой западных лидеров, которые возлагали свои надежды на расширение сотрудничества Бразилии по двум приоритетным направлениям — изменение климата и борьба с предполагаемой угрозой, которую авторитарные государства представляют для либерального международного порядка. После протестов в Бразилии Джозеф Байден выразил свою «непоколебимую поддержку» демократии в стране. «Две крупные демократии в Западном полушарии отстаивают права человека во всем мире и во всем полушарии», — заявил американский президент¹.

Что же касается реализации приоритетов, обозначенных новым президентом, то с самого начала своего срока Лула проводил достаточно активную внешнеполитическую деятельность. За первый месяц своего президентства новоизбранный лидер осуществил более половины двусторонних визитов, которые Жаир Болсонару совершил за четыре года своего срока. А за два последующих месяца он провел встречи с представителями Соединенных Штатов, Китая и России².

¹ Biden Can't Ignore America's Role in Brazil's Insurrection // Foreign Policy. 10.02.2023. Available at: <https://foreignpolicy.com/2023/02/10/biden-lula-brazil-united-states-jan-6-jan-8-bolsonaro-far-right-democracy-disinformation/> (accessed: 06.03.2024).

² Carlos M., Ives D. 2023. A política externa brasileira a partir de 2023: a necessidade de uma frente ampla nacional, regional e internacional // CEBRI-Revista Ano 2. 2003. № 5 (Jan—Mar). P. 127—146.

«Экологическая карта» в борьбе за повышение статуса на международной арене

Экологическая повестка действительно занимает центральное положение во внешнеполитической стратегии Бразилии. «Ни у одной другой страны нет условий для того, чтобы позиционировать себя как экологическую державу», — обозначил президент в одном из своих выступлений¹. Еще до вступления в должность Лула заявил о важности данного направления на 27-й конференции Сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций по изменению климата (COP27) в Египте².

Приверженность Лулы охране окружающей среде сделала эту повестку одним из его приоритетов. Он инициировал меры по борьбе с вырубкой лесов, насильственным перемещением коренного населения, незаконным оборотом биологических видов и незаконной добычей полезных ископаемых в бассейне Амазонки.

Данная проблема особенно актуальна в свете достаточно пренебрежительной экологической политики прошлой администрации. В свой первый день на посту президента Лула подписал указ о возобновлении деятельности Фонда «Amazon»³. Германия и Норвегия незамедлительно возобновили свои инвестиции в этот фонд, которые были приостановлены в 2019 г. из-за риторики Болсонару⁴.

Несмотря на поддержку отдельных стран, правительство Лулы испытывает определенные сложности, сталкиваясь с вызовами экологической повестки дня, на которую влияют политические, экономические и социальные аспекты.

Тем не менее экологическую повестку в политике Бразилии стоит рассматривать и с учетом растущей актуальности экологической повестки во всем мире, как фактор укрепления национальных позиций на мировой арене. Образ лидера в области защиты окружающей

¹ Lula diz não ter ânimo de revanche, critica herança de Bolsonaro e anuncia revogação sobre armas // Folha de S. Paulo. 01.01.2023. Available at: <https://www1.folha.uol.com.br/poder/2023/01/lula-diz-que-democracia-venceu-as-eleicoes-e-defendeu-urnas-em-discurso-de-posse.shtml> (accessed: 06.03.2024).

² Lula falou como um líder mundial, avaliam brasileiros e estrangeiros na COP27 // Folha de S. Paulo. 16.11.2022. Available at: <https://www1.folha.uol.com.br/ambiente/2022/11/lula-falou-como-um-lider-mundial-avaliam-brasileiros-e-estrangeiros-na-cop27.shtml> (accessed: 06.03.2024).

³ Seven reasons to be cheerful about the Amazon in 2023 — and three to be terrified // Guardian. 20.12.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2022/dec/20/seven-reasons-to-be-cheerful-about-the-amazon-in-2023-and-three-to-be-terrified> (accessed: 06.03.2024).

⁴ Putin's financial interest in Brazil's Amazon highways (commentary) // Mongobay. 04.05.2022. Available at: <https://news.mongabay.com/2022/05/putins-financial-interest-in-brazils-amazon-highways-commentary/> (accessed: 06.03.2024).

среды позволяет Бразилии взять на себя ведущую роль в обсуждении ключевых экологических проблем, таких как глобальное потепление, что способствует формированию имиджа Бразилии как международного игрока мирового масштаба.

Лула, безусловно, использует данную повестку как актив для достижения внешнеполитических целей. На недавнем саммите, посвященном сохранению Амазонки, Лула обвинил Евросоюз в использовании протекционистских мер под видом заботы об окружающей среде и формировании «зеленого неокOLONIALИЗМА». «Деньги нужны не Бразилии, Колумбии или Венесуэле, а природе. Именно ей нужно, чтобы развитые страны заплатили, чтобы исправить то, что было разрушено за 200 лет промышленного развития»¹, — заявил президент.

Активная позиция по защите окружающей среды является важным преимуществом Бразилии. Однако некоторые действия местных властей иногда противоречат отчаянным заявлениям о защите природы, нивелируя благие намерения до риторического приема. Спустя почти год президентства Лулы экологические обещания, вероятнее всего, не оправдали ожиданий. Согласно данным национального института космических исследований, вырубка лесов Амазонки скорее увеличилась², чем уменьшилась. Точно так же вызвавшее недовольство в профессиональных кругах затопление авианосца с тоннами ядовитого асбеста и тяжелых металлов нанесло вред прибрежным водам³. Защита экологии — важная сфера, однако периодически финансовые или политические интересы имеют тенденцию занимать доминирующую позицию.

Роль Бразилии в формировании альянсов Глобального Юга

Возросшие амбиции Бразилии отмечаются не только на международном, но и региональном уровне. Несмотря на смелые заявления, Бразилия на сегодняшний день не обладает достаточным потенциалом для оказания значительного влияния на глобальную политику, однако

¹ Lula acusa a la UE en la cumbre amazónica de disfrazar medidas proteccionistas como preocupación ambiental // El País. 09.08.2023. Available at: <https://elpais.com/internacional/2023-08-09/lula-acusa-a-la-ue-de-disfrazar-medidas-proteccionistas-como-preocupacion-ambiental.html> (accessed: 06.03.2024).

² Desmatamento cresce no cerrado e na Amazônia em 2023 // Revista OESTE. 07.04.2023. Available at: <https://revistaoste.com/brasil/desmatamento-recorde-no-governo-lula/> (accessed: 06.03.2024).

³ Brazil sinks aircraft carrier in Atlantic despite presence of asbestos and toxic materials // The Guardian. 04.02.2023. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2023/feb/04/brazil-sinks-aircraft-carrier-in-atlantic-despite-presence-of-asbestos-and-toxic-materials> (accessed: 06.03.2024).

Лула имеет проверенный опыт мобилизации других стран для создания или консолидации ключевых институтов¹. Само избрание Лулы да Силва президентом повышает вероятность консолидированных действий левых правительств латиноамериканских стран на международной арене. Еще во время своей президентской кампании Лула заявил, что будет стремиться к увеличению роли Латинской Америки в БРИКС.

Уже в январе Бразилия предприняла попытку укрепления Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), объявив о возвращении Бразилии в эту организацию и впоследствии посетив саммит стран-участниц. Позже Бразилия вернулась в Союз южноамериканских наций (UNASUR), который был распущен в результате политических разногласий, связанных с идеологическими позициями предыдущих администраций Чили, Аргентины и Бразилии. На этот раз Луле не удалось достичь консенсуса между участниками «из-за склонности региональных лидеров использовать дипломатию в качестве инструмента мобилизации на внутренних выборах»².

Укрепление единства стран Латинской Америки посредством развития интеграционных структур также позволит претендовать Бразилии на роль главного игрока в формировании альянсов стран Глобального Юга. На мировой арене эта страна получает возможность внести свой вклад в налаживание диалога между развитыми и развивающимися странами, в том числе в таких сферах, как «зеленая повестка» и охрана окружающей среды. В ближайшие годы для Бразилии складываются благоприятные для этого условия: в 2024 г. Бразилия будет председательствовать в «Группе 20» (G20), а в 2025 г. — в БРИКС.

Развитие интеграционных структур и консолидация стран Глобального Юга также необходимы Бразилии, чтобы укрепить свои позиции в продвижении ее инициатив по реформе глобального управления, что являлось одним из приоритетов предвыборной кампании Лулы. Социальная и экологическая повестки играют важную сопровождающую роль в данном контексте, так как интегральной идеей продвижения реформы выступает критика модели глобального управления, не учитывающего реалии, интересы и потребности развива-

¹ Lula's new government Prospects for Brazilian foreign policy and relations with the EU // The Foundation for European Progressive Studies (FEPS). Available at: <https://feps-europe.eu/publication/lulas-new-government/> (accessed: 06.03.2024).

² *Кравцов Д.* Контуры Бразильской внешней политики // РСМД. 10.08.2023. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kontury-vneshney-politiki-brazilii/> (дата обращения: 06.03.2024).

ющихся стран. Здесь в дополнение к председательству Бразилии в БРИКС в 2025 г. и G20 в 2024 г. Лула сможет использовать площадку форума Индия — Бразилия — Южная Африка (IBSA), чтобы способствовать реформированию глобальной экономической и финансовой архитектуры¹.

БРИКС в данном контексте является фундаментальной площадкой для реализации внешнеполитических амбиций Бразилии. Стремительное развитие данной организации, отчасти форсированное кризисом глобального управления, способствует формированию новой архитектуры международных отношений. Попытка внести свой вклад в налаживание равноправного сотрудничества позволяет рассматривать Бразилию как страну с глобальными интересами, что она уже многократно подтверждала как регулярными предложениями изменения Совета Безопасности ООН, так и реформирования Бреттон-Вудской системы.

Безусловно, укрепление регионального партнерства будет способствовать становлению Бразилии и как международного игрока не только из-за того, что Бразилия этим укрепляет свой статус регионального лидера или консолидирует развивающиеся страны Глобального Юга, но и по той причине, что сегодня Латинская Америка — это регион, где переплетаются интересы ключевых мировых держав — Китая, России и США.

Отношения Бразилии с США, Китаем и Россией

В данном контексте ситуация нестабильности в международных отношениях может быть использована бразильскими элитами для достижения статуса глобальной державы. Как и во многих странах мира, в Бразилии осознают, что растущая внутренняя фрагментация и неустойчивая внешняя политика Соединенных Штатов в сочетании с подъемом Китая предоставляют уникальную возможность для ускорения перехода к новому миропорядку.

Однако в то же время стоит заметить, что отношения Бразилии и США уже давно носят двойственный характер. Стоит вспомнить, что еще во время первого срока Лулы группа Рио, куда входит Бразилия, осудила действия НАТО в Косово, а в 2003 г. выступила против вторжения США в Ирак. Так и на современном этапе Бразилия отказывается занимать однозначную позицию. Например, когда адми-

---

¹ Индия, Бразилия и ЮАР подчеркнули необходимость реформирования СБ ООН // РИА новости. 23.09.2023. Режим доступа: <https://ria.ru/20230923/oon-1898208763.html> (дата обращения: 06.03.2024).

нистрация Байдена призвала весь мир присоединиться к кампании тотальных санкций против России, союзники Лулы призвали к осторожности и выступили против введения санкций вне рамок ООН. В то же время не стоит забывать, что Бразилия была единственным членом БРИКС, проголосовавшим в марте 2022 г. за резолюцию A/ES-11/L.1. ГА ООН¹.

Несмотря на заявление о единстве и укреплении отношений, США выступают определенным препятствием на пути достижения Бразилией своих глобальных интересов. Эта дихотомия — одна из ключевых во внешней политике Бразилии. Открытым остается вопрос — как долго ей удастся балансировать между извлечением выгоды от союзнических отношений с США и достижением своих национальных интересов?

Представляется, что в отношениях с США подход Бразилии характеризуется скорее прагматичностью, нежели приверженностью к каким-то общепринятым ценностям, по крайней мере по отдельным вопросам. В частности, в настоящее время Вашингтон не всегда может получать ожидаемую поддержку в сохранении возглавляемого США международного порядка против предполагаемых авторитарных угроз. Примером можно считать принятие иранских военных кораблей² в Рио-де-Жанейро или восстановление отношений с президентом Венесуэлы Николасом Мадуро³.

Точно так же Бразилия заинтересована в развитии отношений с Россией и Китаем. Китай импортирует 54% основных продуктов питания — сои, кукурузы, сахара и хлопка, произведенных в Бразилии. Несмотря на западные санкции, товарооборот между Бразилией и Россией в прошлом году резко вырос. Бразилия импортирует 30% своего дизельного топлива из России по сравнению с 0,7% в 2022 г.

Вскоре после возвращения из Китая Лула принял визит министра иностранных дел России С.В. Лаврова. Во время своей встречи с Лавровым министр иностранных дел Бразилии заявил журналистам, что Бразилия не поддерживает санкции против России, и призвал к не-

¹ Aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/1 02.03.2022. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/3965290?ln=ru> (accessed: 06.03.2024).

² Iranian warships in Rio de Janeiro stirring concern abroad // New York Post. 03.03.2023. Available at: <https://nypost.com/2023/03/03/iranian-warships-in-rio-de-janeiro-stirring-concern-abroad/> (accessed: 06.03.2024)..

³ Assessor especial de Lula, Celso Amorim visita a Venezuela e se reúne com Maduro // Brasil de Fato. 09.03.2023. Available at: <https://www.brasildefato.com.br/2023/03/09/assessor-especial-de-lula-celso-amorim-visita-a-venezuela-e-se-reune-com-maduro> (accessed: 06.03.2024).

медленному прекращению огня на Украине¹. С тех пор Лула сделал еще несколько публичных заявлений о военном конфликте на Украине, которые привели его ко все большему разногласию с Соединенными Штатами. Например, о том, что «Украина должна уступить Крым»² России и что «Соединенным Штатам следует прекратить разжигать войну и стремиться к миру». Впоследствии Лула да Силва заявил о желании выступить посредником в украинском конфликте, что в очередной раз подтверждает заявления бразильского министра иностранных дел о том, что видение мирового порядка «основано на диалоге, многосторонности и многополярности. Мы всегда будем разговаривать со всеми. Независимо от идеологической ориентации»³.

Заключение

Подводя итог, можно отметить достаточно прагматичный подход бразильской дипломатии в реализации внешнеполитических задач. В частности, экологическая повестка позволяет Бразилии позиционировать себя в качестве «экологической державы», консолидировать страны и региональные объединения на основе данной повестки, таким образом достигая реализации своих национальных интересов.

Тенденция к проведению независимой политики приобретает все более явный характер. Продвижение идеи реформы ООН демонстрирует решительное намерение возобновить прежнюю роль Бразилии в решении глобальных проблем, как уже упомянутая экологическая повестка или разрешение конфликтов, что проявляется в прямом участии в посредничестве или продвижении идей мирного разрешения конфликтов. В частности, мы могли наблюдать активную деятельность Лулы по предложению мирного разрешения продолжающегося конфликта между Россией и Украиной.

Стратегическая автономность также проявляется в нежелании Бразилии присоединяться к какому-либо идеологическому блоку, например, при решении уже упомянутого конфликта между Россией

¹ Ucrânia: Brasil contra sanções sobre a Rússia, Kremlin agradece // Expresso50. 17.04.2023. Available at: <https://expresso.pt/internacional/guerra-na-ucrania/2023-04-17-Ucrania-Brasil-contra-sancoes-sobre-a-Russia-Kremlin-agradece-e109aa8e> (accessed: 06.03.2024).

² Президент Бразилии призывает Киев отказаться от Крыма для прекращения конфликта // RT. 07.04.2023. Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/1133411-braziliya-prezident-krym> (дата обращения: 06.03.2024).

³ Q&A: Brazil's Foreign Minister Mauro Vieira on the «Lula Doctrine» // Americas Quarterly. 23.03.2023. Available at: <https://americasquarterly.org/article/qa-brazils-foreign-minister-mauro-vieira-on-the-lula-doctrine/> (accessed: 06.03.2024).

и Украиной или в процессе экономического партнёрства Бразилии с Китаем и США.

Таким образом, внешняя политика Бразилии направлена на то, чтобы избежать автоматического сближения с полюсами великих держав, в частности с Китаем и Соединенными Штатами, чтобы предотвратить складывание новой биполярности. Вместо этого делается акцент на многосторонности и более активном международном сотрудничестве.

Логичным предположением при сохранении актуальной стратегии станет изменение в будущем характера отношений между Соединенными Штатами и Бразилией в сторону «конкурентного соперничества», по крайней мере в Латинской Америке. Как известно, геополитические интересы Бразилии в данном регионе уже давно пересекаются с внешнеполитическими интересами США. Так, если Вашингтон не признает легитимным правительство Н. Мадуро в Венесуэле, Лула да Силва, став президентом, восстановил дипломатические отношения с этой страной. Данный тезис также подтверждается отказом Бразилии от доллара в торговле с Китаем, активное участие и развитие институтов БРИКС, сотрудничество по линии Юг—Юг. Все эти события приводят к постепенному обострению отношений между Бразилией и США на современном этапе.

Одним из ключевых выводов, сделанных в данной работе, становится концептуальное разграничение стратегий Бразилии и США касательно развития международных отношений. «Торжество демократии», озаглавленное победой Инасиу Лула да Силва, европейскими и американскими элитами понималось в парадигме противостояния «свободного мира» (либеральных демократий) и стран с авторитарными режимами. Однако, основываясь на результатах анализа, приведенного в данной работе, можно сделать вывод, что во внешнеполитической концепции Лулы понимание свободного мира отождествляется с автономностью и независимостью стран в принятии своих решений. Такой мир должен формироваться, «основываясь на диалоге, многосторонности и многополярности». Следовательно, роль, которую должна сыграть Бразилия, заключается не в защите существующего порядка, но в том, чтобы принять активное участие и внести свой позитивный вклад в формирование многополярного мира.

РОЛЬ АРКТИЧЕСКОГО СОВЕТА В МИЛИТАРИЗАЦИИ АРКТИКИ

Т.Г. Чачуа¹

Аннотация. В статье на основе применения неинституционального подхода выделяются негативные последствия милитаризации для Арктики. Актуальность исследования обусловлена значимостью данного региона для Российской Федерации. Автор дает собственное определение термина «милитаризация», проводит контент-анализ министерских деклараций Арктического совета, представляет типологизацию акторов региона по критерию их участия в милитаризации Арктики. В заключение обосновывается вывод о трансформации Арктического совета в площадку противостояния России и КНР с США.

Ключевые слова: милитаризация; Арктический совет; безопасность; институционализм.

В 1996 г. представители Канады, США, России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии и Исландии подписали в Оттаве Декларацию о создании Арктического совета. Этот документ получил название Оттавская декларация². В организацию также входят 13 стран-наблюдательниц. Столь впечатляющее количество неарктических стран, вовлеченных в обсуждение арктических вопросов, свидетельствует об осознании большинством акторов мировой политики стратегической значимости данного региона и стремлении их усилить в нем свое влияние.

Отметим, что Оттавская декларация не содержит описания одной из важнейших сфер реальной политики региональных акторов — их вовлеченности в процесс милитаризации. Те или иные аспекты указанного процесса в национальных нормативно-правовых документах описываются с использованием терминов «сохранение национальной

¹ **Тамара Гурагиевна Чачуа** — студентка магистратуры (2022–2024) факультета мировой политики; магистерская программа «Региональные проблемы мировой политики».

² Декларация об учреждении Арктического совета от 19 сентября 1996 года. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901880137> (дата обращения: 06.03.2024).

безопасности», «поддержание суверенитета» и т.п. Риторикой заботы о национальных интересах оправдывают проведение военных учений, создание военных баз.

Арктический совет является единственной организацией, в которой задействованы все основные акторы региона, и одновременно — выступает важнейшим институтом, определяющим «правила игры» в регионе.

Представленная работа направлена на оценку роли Арктического совета в вопросе сохранения региональной стабильности как главной институциональной площадки региона. В основе методологии исследования лежит неоинституциональный подход в трактовке Дугласа Норта. В известной работе последнего — «Институты, институциональные измерения и функционирование экономики» — акцент делается на том, что институты — это «правила игры» в обществе. Если придерживаться более академического стиля — ограничительные рамки, созданные сообществом для оптимизации взаимодействия своих членов, т.е. институты востребованы во всех сферах, включая политику, экономику и др. Основной целью институтов является обозначение границ и «правил игры» для акторов, которые, опираясь на это знание, используют институты для достижения своих целей. Институты служат уменьшению неопределенности путем установления (хотя и не всегда эффективной) структуры взаимодействия¹. Соответствующая оптика исследования позволяет нам рассматривать милитаризацию Арктики как нарушение «правил игры». Однако на него можно с легкостью закрыть глаза, если в доминирующем политико-правовом дискурсе, сформированном СМИ и поддерживаемом на нормативно-правовом уровне, описывать данный процесс не как милитаризацию, а как «восстановление потенциала в военной сфере» или «защиту национальной безопасности».

Риски неучтенной милитаризации и категоризация «игроков»

Отечественные специалисты А.А. Сергунин и В.Н. Коньшев под процессом милитаризации понимают наращивание военного присутствия прибрежных стран в регионе, модернизацию их вооруженных сил (или планы о проведении модернизации), включая закупку техники, а также регулярное проведение военных учений и осуще-

---

¹ Норт Д. Институты, институциональные измерения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. С. 17–21.

ствление военного сотрудничества стран (как арктических, так и не-арктических) в регионе¹.

Применительно к участию в милитаризации региона значимым для настоящего исследования представляется ответ на вопрос о статусе акторов, вовлеченных в этот процесс. Необходимо понять, кого мы вправе назвать мировой державой, кого — региональной, а кого — только претендующей на роль регионального игрока. Это требуется и для лучшего понимания мотивации акторов при последующем анализе министерских деклараций Арктического совета. Детальное описание категорий приводится в табл. 1.

При составлении типологии акторов автор исследования опирался на работу Т.А. Шаклеиной, посвященную критериям выделения мировых и региональных держав².

Одной из важнейших проблем Арктического региона в последнее десятилетие становится вопрос вовлечения в милитаризацию региона не только основных региональных игроков, но также стран, входящих в военно-политические альянсы Запада.

В Арктическом совете в качестве стран-наблюдателей присутствует значительное количество акторов, которые не вносят вклад в развитие региона, но активно участвуют в военных учениях (табл. 2).

Министерские декларации Арктического совета: ключевые темы

Согласно Оттавской декларации вопросы регулирования военной сферы не входят в зону ответственности организации, и это увеличивает риски милитаризации региона. Однако, каждые два года на министерских сессиях Арктического совета создаются и подписываются министерские декларации.

Автором исследования с помощью традиционного анализа документов и контент-анализа были проанализированы министерские декларации Арктического совета с 1998 по 2021 г. Результаты работы нашли отражение в табл. 3.

¹ Хрестоматия РСМД «Арктический регион: проблемы международного сотрудничества». Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/common/upload/Arctic%20Anthology%20Vol%201.pdf> (дата обращения: 06.03.2024).

² Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. № 26. С. 29–39.

Категории акторов в Арктическом регионе

Категория	Мировые державы	Региональные державы	Державы, претендующие на роль региональных акторов	Страны, участвующие в процессе милитаризации, но не имеющие влияния в регионе
	Обладающие влиянием акторы, которые заявляют о своих притязаниях в регионе, а также оказывают воздействие на международные отношения в целом, не ограничиваясь Арктикой	Акторы, которые реализуют арктическую политику и являются важными игроками в регионе, но не обладают достаточными ресурсами и влиянием, чтобы оказать существенное влияние на ситуации в регионе	Акторы, которые входят в Арктический совет в качестве наблюдателей и взаимодействуют с другими странами в регионе, но имеют минимальное влияние на процессы в регионе	Страны, которые не имеют своих арктических стратегий и заявки на статус «наблюдателя» в Арктическом совете, но периодически участвуют в милитаризации региона. Существенного влияния на ситуацию в регионе не имеют
Страны, которые входят в категории	Китай, Россия, США	Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Финляндия, Швеция	Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Испания, Италия, Корея, Нидерланды, Польша,	Австрия, Албания, Бельгия, Болгария, Венгрия, Греция, Ирландия, Латвия, Литва,

Окончание табл. 1

Категория	Мировые державы	Региональные державы	Державы, претендующие на роль региональных акторов	Страны, участвующие в процессе милитаризации, но не имеющие влияния в регионе
			Сингапур, Франция, Швейцария, Япония	Люксембург, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Турция, Хорватия, Чехия, Эстония

Источники: составлено автором на основе анализа деятельности стран в Арктике и Арктическом совете.

**Неарктические государства в Арктическом совете и их участие
в военных учениях**

№ п/п	Страна	Дата вхождения в организацию	Участие в военных учениях в Арктике
1	Великобритания	1998	+
2	Германия	1998	+
3	Польша	1998	+
4	Нидерланды	1998	+
5	Франция	2000	+
6	Испания	2006	+
7	Италия	2013	+
8	Япония	2013	+
9	КНР	2013	+
10	Индия	2013	-
11	Южная Корея	2013	-
12	Сингапур	2013	-
13	Швейцария	2017	+

Источник: составлено автором на основе анализа деятельности стран в Арктике и Арктическом совете.

Заключение

Отметим, что международные документы можно подразделить на два типа: декларации и конвенции. Декларации отличаются от конвенций тем, что не являются юридически обязывающими. Они необходимы, чтобы продемонстрировать наличие у сторон общего видения и чаяний. Однако содержание министерских деклараций Арктического совета носит исключительно обобщенный характер. Не прописаны конкретные цели, даты.

В контексте украинского кризиса семь стран Арктического совета (все, кроме Российской Федерации) отказались участвовать в заседаниях и министерских сессиях организации под председательством России. Таким образом, значение председательствования России в организации сводится к нулю. При этом, не прикладывая усилий для приостановки процесса милитаризации региона и даже не позиционируя этот процесс в качестве проблемы, Арктический совет теряет свою институциональную значимость и превращается в инструмент реализации интересов западных держав.

Министерские декларации Арктического совета

№ п/п	Название декларации, год	Традиционный анализ документов	Контент-анализ
1	Икалуитская декларация, 1998 г. ⁱ	Это первая встреча в рамках министерской сессии (не считая сессии самого создания Арктического совета). В ней вопросы милитаризации не поднимались, но обсуждалось будущее Арктики с точки зрения устойчивого развития и работы с коренными народами Севера	«Устойчивое развитие» (15 раз); «народы Севера» (7 раз)
2	Барроузская декларация, 2000 г. ⁱⁱ	Обсуждались вопросы климата и коренных народов Севера. Вопросы милитаризации не поднимались	«Устойчивое развитие» (10 раз); «народы Севера»; (6 раз)
3	Инарийская декларация, 2002 г. ⁱⁱⁱ	На третьей сессии обсуждались вопросы климата и коренных народов Севера, но также был поднят вопрос о развитии инфраструктуры, включая авиацию, флот, телекоммуникации. Вопросы милитаризации не поднимались	«Устойчивое развитие» (13 раз); «коренные народы» (22 раза); «диалог» (4 раза); «сотрудничество» (17 раз)
4	Рейкьявикская декларация, 2004 г. ^{iv}	Помимо традиционного обсуждения климата и проблем коренных народов Севера, обсуждалось международное сотрудничество, перспективы работы с парламентскими организациями, готовыми разделить с Арктическим советом идею мира в регионе. Был поднят вопрос о сотрудничестве в области чрезвычайных ситуаций. Поставлен вопрос создания общего финансового фонда Арктического совета, участие в котором должно быть добровольное. Вопросы милитаризации не поднимались	«Устойчивое развитие» (9 раз); «коренные народы» (7 раз); «сотрудничество» (18 раз); «диалог» (2 раза)
5	Салехардская декларация, 2006 г. ^v	Арктическому совету в 2006 г. исполнилось десять лет. Обсуждались вопросы климата и коренных народов Севера. Было отмечено поло-	«Устойчивое развитие» (14 раз); «диалог» (3 раза); «сотрудничество»

№ п/п	Название декларации, год	Традиционный анализ документов	Контент-анализ
		жительство продвижение в области международного сотрудничества. Вопросы милитаризации не поднимались	(15 раз); «коренные народы» (12 раз)
6	Декларация Тромсе, 2009 г. ^{vi}	Было отмечено, что интерес международного сообщества к региону возрос, поэтому необходимо привлекать участников, которые разделяют цели и работу организации. Первый раз встал вопрос об энергетических проектах в регионе. Подчеркивалось, что, несмотря на значительный прогресс в сфере технологий, управления и правил, который значительно сократил негативное воздействие деятельности в области нефти и газа, риски для окружающей среды не могут быть полностью устранены. Вопросы милитаризации не поднимались	«Устойчивое развитие» (13 раз); «сотрудничество» (12 раз); «коренные народы» (13 раз); «энергетика» (4 раза)
7	Нуукская декларация, 2011 г. ^{vii}	Первая декларация, в которой был поставлен вопрос мира. Признавалась значимость поддержания мира, стабильности и конструктивного сотрудничества в Арктике. Подчеркивались экономические проблемы коренных народов Севера и региона в целом. Подписано Соглашении о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике как первое юридически обязывающее соглашение, заключенное под эгидой Арктического совета. Вопросы милитаризации не поднимались	«Устойчивое развитие» (4 раза); «коренные народы» (9 раз); «мир» (2 раза); «сотрудничество» (8 раз)
8	Кирунская декларация, 2013 г. ^{viii}	Вопрос о мирном использовании Арктики и сотрудничестве в регионе. Ставится вопрос о сотрудничестве с деловым сообще-	«Устойчивое развитие» (7 раз); «бизнес» (4 раза); «мир» (4 раза);

Продолжение табл. 3

№ п/п	Название декларации, год	Традиционный анализ документов	Контент-анализ
		ством для достижения экономического прогресса на арктических территориях. Экономическая деятельность в Арктике рассматривается как важная часть устойчивого и гармоничного развития народов и сообществ региона. Утверждается необходимость привлекать бизнес для участия в развитии региона. Также обсуждались вопросы климата и коренных народов Севера. Вопросы милитаризации не поднимались	«экономика» (8 раз)
9	Икалуитская декларация, 2015 г. ^{ix}	Вновь подтверждалось стремление к миру, стабильности и конструктивному диалогу в регионе. Встает вопрос о развитии туризма в регионе для привлечения внимания и развития региона. Также обсуждались вопросы климата и коренных народов Севера. Вопросы милитаризации не поднимались	«Устойчивое развитие» (3 раза); «стабильность» (1 раз); «мир» (4 раза); «туризм» (2 раза)
10	Фэрбанкская декларация, 2017 г. ^x	Отмечалась роль Парижского соглашения для сохранения Арктики. Также обсуждались вопросы климата и коренных народов Севера, мирного развития региона. Вопросы милитаризации не поднимались	«Устойчивое развитие» (7 раз); «мир» (4 раза); «коренные народы» (4 раза)
11	Рованиемская декларация, 2019 г. ^{xi}	Вновь подтверждалось стремление к миру, стабильности и конструктивному диалогу в регионе. Также обсуждались вопросы климата и коренных народов Севера, мирного развития региона. Вопросы милитаризации не поднимались	«Устойчивое развитие» (5 раз); «мир» (3 раза); «коренные народы» (7 раз)
12	Рейкьявикская декларация, 2021 г. ^{xii}	Отмечены усилия в работе Арктического совета за 25 лет его существования. Отмечалась роль Парижского соглашения для сохранения Арктики. Также обсуждались	«Устойчивое развитие» (24 раза); «мир» (4 раза); «энергетика» (9 раз); «диалог»

№ п/п	Название декларации, год	Традиционный анализ документов	Контент-анализ
		вопросы климата и коренных народов Севера, мирного развития региона. Вопросы милитаризации не поднимались	(2 раза); «коренные народы» (17 раз)

ⁱ Икалуитская декларация. Режим доступа: <https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/86/Икалуитская%20декларация%201998.pdf?sequence=6&isAllowed=y> (дата обращения: 06.03.2024).

ⁱⁱ Барроузская декларация. Режим доступа: 573-899-1-SM.pdf (дата обращения: 06.03.2024).

ⁱⁱⁱ Инарийская декларация. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901857440> (дата обращения: 06.03.2024).

^{iv} Рейкьявическая декларация. Режим доступа: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/89/ММ04_Reykjavik_Declaration_Rus.pdf?sequence=6&isAllowed=y (дата обращения: 06.03.2024).

^v Салехардская декларация. Режим доступа: <https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/90/АС%20Декл-я-ЯНАО-рус.25.10.2006.pdf?sequence=6&isAllowed=y> (дата обращения: 06.03.2024).

^{vi} Декларация Тромсе. Режим доступа: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/91/Tromso_Declaration_Rus.pdf?sequence=6&isAllowed=y (дата обращения: 06.03.2024).

^{vii} Нуукская декларация. Режим доступа: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/92/Nuuk_Declaration_Rus.pdf?sequence=6&isAllowed=y (дата обращения: 06.03.2024).

^{viii} Кирунская декларация. Режим доступа: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/778/ММ08_Kiruna_Declaration_Rus%283%29.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 06.03.2024).

^{ix} Икалуитская декларация. Режим доступа: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/776/acmmca09_iquait_2015_iquait_ministerial_declaration_2015_russian%282%29.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 06.03.2024).

^x Фэрбанкская декларация. Режим доступа: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1915/Fairbanks-Declaration-2017_RUSSIAN_FINAL_Signed.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 06.03.2024).

^{xi} Рованиемская декларация. Режим доступа: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2418/Rovaniemi_Ministerial_Statements.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 06.03.2024).

^{xii} Рейкьявическая декларация. Режим доступа: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2600/ММIS12_2021_REYKJAVIK_declaration-RU.pdf?sequence=6&isAllowed=y (дата обращения: 06.03.2024).

Источник: Министерские декларации Арктического совета.

КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СТАТУСА МЕЖДУНАРОДНОГО ОЛИМПИЙСКОГО КОМИТЕТА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Ю.А. Соколова¹

Аннотация. Все возрастающая политизация спорта открывает перед исследователями-международниками новую предметную область: анализ деятельности крупных «игроков» мировой спортивной арены именно как акторов международных отношений. Решение этой задачи требует понимания того, какие функции выполняют данные организации, в каких отношениях они находятся с государствами и иными структурами, насколько их действия соответствуют общепринятым нормам и практике, как и перед кем подотчетны они за свои решения и инициативы. В данном контексте

актуальным и практически значимым представляется критическое рассмотрение Международного олимпийского комитета (МОК) как единственного и широко признанного руководящего органа мирового олимпийского движения. Множество фактических ролей МОК под эгидой олимпизма входят в коллизию с его статусом международной неправительственной организации. Осмыслению данного противоречия в зарубежной англоязычной научной литературе последних лет и посвящено данное исследование.

Ключевые слова: Международный олимпийский комитет; олимпийское движение; неправительственные организации; международные организации; подотчетность; глобальное управление.

Созданная для возрождения Олимпийских игр и популяризации олимпийского движения неправительственная организация Международный олимпийский комитет выходит за рамки компетенций, отведенных ей статусом НПО.

Ограничения, накладываемые статусом НПО, определяются нормами международного права. Поскольку существующий международный порядок базируется на примате суверенных государств, именно государства способны наделять международные организации

¹ **Юлия Александровна Соколова** — студентка магистратуры (2020–2022) факультета мировой политики; магистерская программа «Международная безопасность».

правосубъектностью. Обретение организацией субъектности происходит в момент добровольной передачи ей государствами части своего суверенитета. Такого рода субъектностью обладают учрежденные на основе межгосударственного договора международные межправительственные организации (ММПО). Субъектность актора международных отношений, в свою очередь, рассматривается как его правомерная способность влиять на международные процессы. Вместе с государствами, что являются первичными субъектами международного права, ММПО, созданные государствами и наделенные таким образом вторичной правосубъектностью, легально и легитимно задают правила игры на международной арене.

Международная неправительственная организация, в свою очередь, создается на основе свободного волеизъявления граждан путем объединения физических или юридических лиц на основании учредительных документов, соответствующих законодательству одного из государств, на территории которого располагается штаб-квартира данной организации. Существовая в форме ассоциации со статусом юридического лица, признанного указом Швейцарского федерального совета от 1 ноября 2000 г.,¹ МОК подчиняется национальному праву Швейцарии. Таким образом, правосубъектность МОК на международной арене ограничена: фактически это значит, что решения, принимаемые организацией, не могут иметь для государств юридической силы. Данный тезис исходит из того, что Олимпийская хартия² — ключевой регламент международного олимпийского движения, включающий в себя, в том числе, Устав МОК, не является межправительственным соглашением. Тем не менее, за нарушение требований Олимпийской хартии организацией предусмотрены и активно применяются санкции. В случае с МОК наблюдается следующая картина: крупная НПО с мировым именем и разветвленной сетью филиалов создает на территории государств неподконтрольную им структуру, управляемую из штаб-квартиры в Лозанне. Создается ситуация, при которой организация существует автономно от международного правопорядка; можно сказать, что речь идет о своеобразном «корпоративном регулировании» международного олимпийского спорта.

---

¹ Официальный сайт Федерального совета Швейцарии. Режим доступа: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/20002659/index.html> (дата обращения: 06.03.2024).

² Официальный сайт Российского олимпийского комитета. Олимпийская хартия. Режим доступа: <https://olympic.ru/upload/2020/02/charter-26.06.2019-rus.pdf> (дата обращения: 06.03.2024).

В пункте Олимпийской хартии под названием «Миссия и роль МОК»¹ Международный олимпийский комитет представляет себя беспристрастным проводником ценностей олимпизма, отделяя спорт от мира политики. На практике же именно МОК решает, кто принимает престижные Олимпийские игры, МОК выносит вердикт в вопросах допуска или недопуска национальных сборных на Олимпиады, выбирает элитную группу корпораций, достойную называться «Лучшим олимпийским партнером», и яростно охраняет свой многомиллиардный бренд².

В международном сообществе МОК занимает нишу, которая охватывает государства, транснациональные корпорации, правительственные и неправительственные организации.

МОК находится на вершине иерархии взаимодействия с каждым из 206 Национальных олимпийских комитетов (НОК), которые, в свою очередь, базируются на территории каждой из стран и областей с частично признанным статусом, имеющих членство в МОК. Члены НОК являются представителями МОК на местах, а не делегатами от своих государств и территориальных образований в МОК. НОК обладают исключительными полномочиями по представительству своих стран на Олимпийских играх, тогда как МОК может принимать решения о приостановке или лишении признания любого из НОК. На практике это значит, что МОК имеет влияние вычеркнуть государство из олимпийского движения, руководствуясь саморегуляционными нормами Олимпийской хартии. Вместе с тем количество членов олимпийского движения превосходит численность членов Организации Объединенных Наций (ООН). Косово, Тайвань, Гонконг, Палестина, Гуам, Пуэрто-Рико независимо участвовали в олимпийских соревнованиях, хотя они еще не имеют полного членства в ООН. Такое участие становилось важным показателем статуса как для суверенных государств, так и для территорий с частично признанным статусом. С момента обретения независимости бывшими европейскими колониями участие в Играх рассматривалось как признак суверенитета.

В качестве руководящего органа МОК взаимодействует со спортивными некоммерческими структурами — континентальными олимпийскими ассоциациям и оргкомитетами Олимпийских игр; нахо-

¹ Официальный сайт Российского олимпийского комитета. Олимпийская Хартия. Режим доступа: <https://olympic.ru/upload/2020/02/charter-26.06.2019-rus.pdf> (дата обращения: 06.03.2024). С. 12

² *Nelson T., Cottrell M.P.* Sport without referees? The power of the International Olympic Committee and the social politics of accountability // *European Journal of International Relations*. 2015. P. 729–753.

дится в партнерстве с международными спортивными федерациями. Кроме того, согласно пункту Олимпийской хартии «Меры и санкции, дисциплинарные процедуры и разрешение споров»¹ МОК может исключать из Олимпийских игр как целые спортивные дисциплины и международные федерации, так и официальных лиц олимпийского движения, руководителей и членов любой из делегаций, судей и членов жюри, команды и отдельных спортсменов.

В рамках программы «Лучший Олимпийский Партнер» МОК на собственных условиях выбирает для сотрудничества крупные транснациональные корпорации. Средства, извлекаемые из этого сотрудничества, организация тратит на цели своего развития. МОК также имеет контракты с официальными вещательными компаниями по всему миру.

С 2009 г. МОК имеет статус постоянного наблюдателя при Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Такого рода активность, безусловно, дает МОК право на участие в международных отношениях от собственного имени, право вносить предложения в повестку Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам олимпийского спорта, однако не отводит по умолчанию МОК надсубъектных функций.

Влияние организации на правовой и экономический ландшафт суверенных государств позволяет рассматривать МОК и его членов не как пассивных регуляторов Олимпийских игр, а в качестве некоего «правлящего класса» международного олимпийского спорта. Своеобразной иллюстрацией данного тезиса служит наличие подтвержденных фактов коррупции в МОК, связанных с выбором стран-претендентов на проведение Олимпийских игр. Отметим также, что членами Международного олимпийского комитета, а также участниками его Сессии — высшего генерального органа организации, полномочного вносить изменения в Олимпийскую хартию, утверждать своих новых членов и руководство, бюджет, выбирать города — организаторы Олимпиад — являются преимущественно сторонние физические лица, большая половина из которых не связана со спортом напрямую. Согласно разделу Олимпийской хартии «Члены МОК»², в число 115 членов организации входят 15 спортсменов, 15 высокопоставленных представителей спортивных федераций и не более 15 высокопоставленных представителей НОК. Остальные

¹ Официальный сайт Российского олимпийского комитета. Олимпийская хартия. Режим доступа: charter-26.06.2019-rus.pdf (nos.by) (дата обращения: 06.03.2024).

² Там же.

70 человек значатся как «любые физические лица в возрасте от 18 лет и старше», не занимающие особый пост в МОК. В то же время предлагать к выбору кандидатов могут только члены МОК и организации, признанные МОК (международные федерации, ассоциации международных федераций, национальные олимпийские комитеты, всемирные или континентальные ассоциации НОК). Все кандидатуры для выборов в члены МОК выносятся для голосования на Сессии МОК. Голосование происходит тайно, решение принимается большинством голосов. Таким образом, МОК сам выбирает своих членов по аналогии с тем, как это происходит в любом из частных клубов. Вместе с тем можно констатировать, что организация обладает колоссальным влиянием, тогда как его высший орган нерепрезентативен.

Также стоит отметить, что спортивная НПО в Швейцарии получает не меньшие льготы, чем любая локальная некоммерческая организация, например Швейцарская ассоциация йодля¹. Речь идет о налоговых, фискальных, иммиграционных и таможенных послаблениях. При этом очевидно, что Международный олимпийский комитет — явление другого масштаба: он признан единственным законным органом управления Олимпийскими играми. Страны делегируют МОК большую ответственность за управление олимпийской системой и фактически утверждают его монополию в этой области. Согласно указу от 1 ноября 2000 г. Федеральный совет Швейцарии освободил МОК от прямого федерального налога, допустил его бесплатное распоряжение средствами, а именно — предоставил возможность получать, хранить, конвертировать и переводить все средства, любую валюту, другие ценные бумаги, а также свободно распоряжаться ими как в Швейцарии, так и в ее отношениях с зарубежными странами². Стоит добавить, что в случае преувеличения МОК своих полномочий не определено применимое право — споры между Швейцарией и МОК должны разрешаться путем переговоров сторон.

В отличие от многих других НПО, например от Международного комитета Красного Креста (МККК), МОК финансируется независимо от государств. Львиная доля взносов, внесенных в МККК, совершается непосредственно правительствами, в то время как поступления из частных источников редко превосходят 3% от общей суммы фи-

¹ *Carvajal D.* For FIFA executives, luxury and favors // *New York Times*. 2011. Accessed: <https://www.nytimes.com/2011/07/18/sports/soccer/18iht-fifa18.html> (accessed: 06.03.2024).

² Официальный сайт Федерального совета Швейцарии. Режим доступа: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/20002659/index.html> (дата обращения: 06.03.2024).

нансирования организации¹. МОК, в свою очередь, полностью финансируется из частных источников, причем подавляющая часть его доходов поступает от корпоративного спонсорства и прав на трансляцию олимпийских событий. Таким образом, тем более контрпродуктивно рассматривать МОК в качестве обычной некоммерческой организации. В связи с этим целесообразно провести качественный контент-анализ научной литературы по международным отношениям, с тем чтобы:

- выявить спектр ролей МОК на международной арене;
- выявить несоответствия фактических функций МОК его юридическому статусу;
- обозначить проблемные аспекты в деятельности организации.

МОК за рамками НПО

Ответ на вопрос о наиболее адекватном определении роли Международного олимпийского комитета в международных отношениях не может ограничиваться рассмотрением его юридического статуса. Такой подход не приблизит нас к пониманию всего спектра реальных функций МОК на международной арене.

Профессор по спортивной политологии Манчестерского университета Дж. Грикс (*Grix*) и аспирант-исследователь Университета Вустера В. Постлзвейт (*Postlethwaite*) в работе «Вне аббревиатур: спортивная дипломатия и классификация Международного олимпийского комитета» утверждают, что функции МОК значительно шире традиционно отводимых НПО [2]². Исследователи называют Международный олимпийский комитет транснациональной, многомиллиардной некоммерческой неправительственной организацией, члены которой не избираются, и констатируют ее значительное влияние на правовые основы национальных государств. В то время как в обыденном понимании, МОК — это негосударственный актор, спортивная неправительственная организация, в действительности она выполняет совокупность ролей в бизнесе, управлении, надзоре и регулировании социальной активности³. Последнее обстоятельство

---

¹ Nelson T., Cottrell M.P. Sport without referees? The power of the International Olympic Committee and the social politics of accountability // *European Journal of International Relations*. 2015. P. 729–753.

² Postlethwaite V., Grix J. Beyond the acronyms: Sport diplomacy and the classification of the International Olympic Committee. Available at: https://www.academia.edu/25210663/Beyond_the_Acronyms_Sport_Diplomacy_and_the_Classification_of_the_International_Olympic_Committee?sm=b (accessed: 06.03.2024).

³ Ibid. P. 1.

актуализирует необходимость исследования «экологической ниши» МОК в экономической, политической и социальной сферах.

В. Хергунер, профессор Демократического университета в Измире, в публикации под названием «МОК как транснациональная организация: смена парадигмы и ее возрастающая роль в глобальном управлении» утверждает, что Международный олимпийский комитет представляет собой транснациональную корпорацию (ТНК)¹. Определяя МОК как ТНК, исследователь обращается к критериям транснациональной организации, представленным С. Хантингтоном (*Huntington*) в работе «Транснациональные организации в мировой политике»². Аргументация данного подхода заключается в том, что МОК владеет правами (на трансляции соревнований, на использование собственного бренда в коммерческих целях и рядом других прав) и организует самое популярное в мире спортивное событие каждые два года. В свою очередь, масштаб роли МОК может быть подчеркнут оценочной стоимостью проведения Олимпиад (Пекин-2008—43 млрд долл. США, Ванкувер-2010—8,9 млрд долл. США, Лондон-2012—13,9 млрд долл. США, Сочи 2014—51 млрд долл. США), а также географией и хронометражем спортивных трансляций (более 100 000 часов Олимпиады-2012 в Лондоне транслировали в эфире от самой Великобритании до стран Африки к югу от Сахары). Это характеризует МОК как глобальный институт контроля одного из самых популярных и крупнейших международных событий.

В связи с этим Грикс и Постлзвейт отмечают, что программа «Олимпийский партнер», подразумевающая спонсорство Олимпиады со стороны частных организаций, делает МОК своего рода частной фирмой, независимой от государственного финансирования. Так, на Играх в Рио-де-Жанейро в 2016 г. программа накопила более одного млрд долл. США, с тем чтобы на следующей Олимпиаде сумма накоплений стала вдвое выше. Направляя средства на цели своего развития, с экономической точки зрения МОК обнаруживает черты бизнес-корпорации, а масштабы и глобальный характер данного бизнеса позволяют сравнить стратегию МОК с финансовой хваткой ТНК³.

¹ *Herguner B.* The IOC as a transnational organization: Paradigm shift and its rising role in global governance // *International Area Studies Review*. 2012. Vol. 15, № 2. P. 35—48.

² *Huntington S.P.* Transnational organizations in world politics // *World Politics*. 1973. Vol. 25, № 2. P. 68.

³ *Postlethwaite V., Grix J.* Beyond the acronyms: Sport diplomacy and the classification of the International Olympic Committee // *Diplomacy and Statecraft*. Vol. 27, № 2. P. 295—313.

Профессора политологии и международных отношений Университета Джорджа Вашингтона М.Н. Барнетт и М. Финнемор в работе «Политика, власть и патологии международных организаций»¹ пишут, что с середины 1990-х гг. доходы МОК только от вещания выросли в три раза. Если обратить внимание на недавние показатели доходности организации, они составили восемь млрд долл. США за четырехлетний период с 2009 по 2012 г. Эта цифра превышает совокупный ВВП многих государств, участвующих в олимпийском движении. Ссылаясь на данные факты, многие критики организационной структуры МОК утверждают, что, если заглянуть за пресловутый олимпийский занавес, мы увидим не торжество гуманитарных ценностей и спорта, а генерирующую деньги машину, создающую «золотой треугольник» вещания, рекламы и спонсорства². Стабильный спрос на услуги МОК дает организации возможность повышать ценность предложений о сотрудничестве, оставаясь для множества структур наиболее желанным партнером.

Политическое влияние МОК, указывающее на его свойства межправительственной организации, обнаруживается, если проанализировать эволюцию процедуры отбора стран в претенденты для проведения Игр. Профессор исторической урбанистики на факультете социальных наук Университета Оксфорд Брукс Дж. Голд и его коллега аспирант-исследователь М. Голд в работе «Олимпийские города: Возрождение, ребрендинг и урбанистическая повестка»³ отмечают, что в настоящее время успешное прохождение процедуры отбора хозяев Олимпиад требует от стран не менее десяти лет предварительной подготовки. Отмечаются неуклонная бюрократизация процесса отбора, возрастание требований в отношении усиления контроля и уступок со стороны принимающего города и национального государства. Обозначенную тенденцию прекрасно иллюстрирует трансформация содержания анкет стран — претендентов на статус хозяина Олимпийских игр⁴.

В 1968 г. вопросы МОК странам начинались с просьбы представить положение о программе художественного сопровождения Игр и пунктом о предполагаемом месте расположения Олимпийской деревни. Единственным вопросом о правовой базе государства был следующий: «Можете ли вы гарантировать, что Игры будут проведены

¹ *Barnett M., Finnemore M. The politics, power, and pathologies of international organizations. Cambridge University Press, 2003.*

² *Ibid. P. 712.*

³ *Gold J., Gold M. Olympic cities: Regeneration, city rebranding and changing urban agendas // Geography Compass. 2008. Vol. 2, № 1. P. 18.*

⁴ *Ibid. P. 18.*

должным образом и в соответствии с Олимпийскими правилами и положениями, если их проведение будет присуждено Вам?¹». Однако список требований постепенно расширялся. Так, в анкете для стран-претендентов, разосланной в 2004 г. к Олимпийским играм 2012 г. и занимавшей, *a propos*, 250 страниц, было уже четыре пункта, посвященных правовым аспектам². Фактически ответом на них должно было стать специальное соглашение правительства страны — хозяйки Олимпиады и ее региональных властей, фиксирующее их обязательства, в том числе, и по защите олимпийского товарного знака. Подготовка к Играм 2012 г. в Лондоне может служить примером того, как подобное соглашение воплощалось в жизнь.

Ряд деталей на этот счет приводит профессор кафедры политики и государственного управления Тихоокеанского университета в Орегоне Дж. Бойков в монографии «Празднование капитализма и Олимпиады»³. Автор пишет, что накануне Игр-2012 британский парламент принял закон, согласно которому коммерческое использование таких слов, как «Игры», «2012» и «Лондон», в непосредственной близости от спортивных объектов следовало трактовать как нарушение товарного знака. В рамках правовых инициатив накануне Олимпиады-2012 на 40 олимпийских объектах 800-м ритейлерам было запрещено продавать чипсы во избежание нарушения прав на фаст-фуд, обеспеченных МОК компании «McDonald's». Сообщалось, что в 2012 г. более 300 сотрудников правоохранительных органов патрулировали британские предприятия в целях контроля за исполнением данного правила. Приводя эти данные, Бойков утверждает, что в настоящее время Олимпийские игры являются не просто символом или отражением капитализма, но активным производителем социально-экономических отношений, которые соответствуют принципам неолиберального капитализма⁴.

Так, известен эпизод отказа Норвегии от борьбы за проведение у себя Олимпиады 2022 г. В СМИ тогда просочилась информация о необоснованных требованиях МОК к Осло: речь шла о том, что во время проведения Олимпиады с целью поддержания интересов партнеров и спонсоров МОК на улицах не должно было присутство-

¹ International Olympic Committee. The organization «Applicant Questionnaire». 1963. Olympic Studies Centre [IOC Archives, Lausanne, Switzerland].

² International Olympic Committee. The organization. «2012 Candidate Procedure and Questionnaire». 2004. Olympic Studies Centre [IOC Archives, Lausanne, Switzerland].

³ *Boykoff J.* Celebration capitalism and the Olympic Games. New York: Routledge Press, 2014.

⁴ Ibid. P. 5.

вать даже уличных торговцев. У норвежской стороны сомнения возникли в приемлемости такого рода контроля. В итоге парламент Норвегии отказался предоставить финансовые гарантии для проведения Игр¹.

Примеры Лондона и Осло, в свою очередь, иллюстрируют попытки МОК оказывать влияние на регулирование различных элементов государственных систем.

Специфику взаимоотношений МОК с государствами в работе под названием «Спорт без арбитров? Власть и политика подотчетности Международного олимпийского комитета»² раскрывают профессор политологии и заведующий кафедрой социальных наук Висконсинского университета в Платтвилле Т. Нельсон и член факультета политических наук Университета Линфилд М.П. Коттрел. Рассмотрев данный вопрос в рамках экономической концепции агентских отношений, которую сформулировали профессора бизнес-школы Гарвардского университета М. Дженсен и Х. Мекслинг³, исследователи обнаружили аномалию. Так, согласно модели «принципал—агент» лицо, дающее поручение, — принципал, как правило, находится на более высокой ступени властной иерархии, нежели лицо, выполняющее поручение, т.е. агент. Очевидно, что в случае с МОК имеет место инверсия данной схемы: принципал (государство), делегировавший агенту (МОК) часть полномочий, стал объектом применения влияния в ответ.

На эту парадоксальную инверсию обращали внимание и упоминавшиеся выше исследователи — Грикс и Постлзвейт. Они обозначали, что структура глобальной власти МОК проявляется в наличии Национального олимпийского комитета в каждом государстве — участнике олимпийского движения⁴. Фактически НОК — это своеобразные посольства Международного олимпийского комитета на территориях его 206 членов.

---

¹ *Postlethwaite V., Grix J.* Beyond the acronyms: Sport diplomacy and the classification of the International Olympic Committee // *Diplomacy and Statecraft*. Vol. 27. № 2. P. 295–313.

² *Nelson T., Cottrell M.P.* Sport without referees? The power of the International Olympic Committee and the social politics of accountability // *European Journal of International Relations*. 2015. P. 729–753.

³ *Jensen M.C., Meckling H.* Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs, and ownership structure // *Journal of Financial Economics*. Available: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0304405X7690026X> (accessed: 06.03.2024).

⁴ *Postlethwaite V., Grix J.* Beyond the acronyms: Sport diplomacy and the classification of the International Olympic Committee. Available: https://www.academia.edu/25210663/Beyond_the_Acronyms_Sport_Diplomacy_and_the_Classification_of_the_International_Olympic_Committee?sm=b (accessed: 06.03.2024).

Подобного рода наблюдения подтверждают, что МОК следует классифицировать как активного, а не пассивного глобального игрока, выполняющего лишь регулирующие функции. Организация обладает властью воздействовать на социальное, политическое и экономическое регулирование на разных уровнях и для разных аудиторий.

Коррупция среди членов МОК

Исследователи Альбертского университета Эдмонта Д.С. Мэйсон и Л. Тибо, научный сотрудник Университета Брукса Л. Мизенер в работе под названием «Принципал-агентская модель и векторы коррупции в спорте (на примере Международного олимпийского комитета)»¹ анализируют факты коррупции со стороны членов МОК в рамках торгов вокруг права на проведение Олимпийских игр. Так же как Нельсон и Коттрел, авторы применяют модель «принципал—агент»², однако уже не для анализа отношений МОК и государств, а рассматривая корпоративные отношения организации со своими функционерами. Акцентируя внимание на том, что не все члены МОК добросовестно выполняют свои агентские обязанности, авторы пишут, что с начала 2000-х гг. обвинения в коррупции начали появляться на первых страницах крупных газет по всему миру. Так, запрос в базе данных газет американской компании «Lexis-Nexis» в 2002 г. с использованием поисковых терминов «Олимпиада и коррупция» позволил получить более 600 газетных статей, опубликованных только за один год³. По итогам журналистских расследований факты коррупции были выявлены не только в период планирования игр в Солт-Лейк-Сити, но также частично во время Игр 1996 г. в Атланте, Игр 1998 г. в Нагано и Игр 2000 г. в Сиднее.

Британские журналисты-расследователи, авторы книги «Великая олимпийская афера. Мир захотел вернуть свои Игры»⁴, вышедшей в печать в 2000 г., А. Дженнингс и С. Самбрук, пишут о том, что факты коррупционной практики ряда членов МОК, в частности связанной с процессом подачи заявок на проведение Олимпийских игр, длились

¹ *Mason D.S., Misener L., Thibault L.* An agency-theory perspective on corruption in sport: The case of the International Olympic Committee // *Journal of Sport Management*. 2006. Vol. 20. № 1. P. 52–73.

² *Jensen M.C., Meckling H.* Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs, and ownership structure // *Journal of Financial Economics*. Available: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0304405X7690026X> (accessed: 06.03.2024).

³ *Mason D.S., Misener L., Thibault L.* An agency-theory perspective on corruption in sport: The case of the International Olympic Committee // *Journal of Sport Management*. 2006. Vol. 20. № 1. P. 52–73.

⁴ *Jennings A., Sambrook C.* The great Olympic swindle. When the world wanted its games back. London: Simon & Schuster, 2000.

последние 25 лет. Исследователь Университета Торонто Х. Ленский в монографии «Внутри олимпийской индустрии: власть, политика, действия»¹, а также канадский спортивный журналист Дж. Кристи в публикации «Олимпийское движение переживает второе рождение год спустя»² сообщают о том, что эти слухи в значительной степени игнорировались до 1998 г., а именно — до момента, когда член МОК М. Ходлер публично обсудил участие ряда своих коллег во взяточничестве и продаже голосов, представив это как укоренившуюся практику. Е.М. Свифт, репортер издания «Sports Illustrated», в статье «Как годы жадности и коррупции сказались на Международном олимпийском комитете»³ разбирает кейс о коррупции в МОК, связанный с руководителями Оргкомитета Олимпиады 2002 г. в Солт-Лейк-Сити, когда стало известно, что несколько членов МОК получили щедрые подарки и услуги в обмен на свои голоса за выбор места проведения Олимпиады.

Этот кризис и его обширное освещение в СМИ побудили МОК провести внутреннее расследование. Согласно окончательному докладу организации, были представлены факты о том, что в общей сложности 13 ее членов были вовлечены в коррупцию. Подсчитано, что Оргкомитет Солт-Лейк-Сити выплатил более 1 млн долл. США членам МОК в виде подарков и наличных денег, чтобы обеспечить голоса за свою заявку на проведение Олимпийских игр. В докладе было упомянуто, что функционеры МОК, а также члены их семей получали дорогостоящие подарки; что условия их размещения и содержания в городе были гораздо более щедрыми, чем того требовал официальный протокол. Во время визита делегатов от МОК в Оргкомитете Солт-Лейк-Сити также привлекали специальных лоббистов для того, чтобы вести договоренности о трудоустройстве и поступлении в престижные университеты родственников членов МОК⁴.

Единственным государством, которое инициировало свое расследование по факту произошедшего в МОК, стали Соединенные Штаты. В 1999 г. конгресс США внес законопроект, который должен был запретить финансирование МОК американскими корпорациями

¹ *Lensky H.J.* Inside the Olympic industry: Power, politics, and activism. Albany: State University of New York Press, 2000.

² *Christie J.* One year later, Olympic movement undergoes rebirth. *The Globe and Mail*. 1999. November 19.

³ *Swift E.M.* Special report. Breaking point. Years of greed and corruption have caught up at last with the International Olympic Committee. *Sports Illustrated*. P. 32–37.

⁴ *Jennings A., Sambrook C.* The great Olympic swindle. When the world wanted its games back. London: Simon & Schuster, 2000.

до осуществления организацией ряда реформ¹. Корпоративные спонсоры МОК также выражали обеспокоенность происходящим: так, например, руководство компании «McDonald's» обещало покинуть когорту олимпийских партнеров в случае, если коррупция подтвердится².

Однако скандал о коррупции в МОК так и не привел к серьезным подвижкам в вопросах открытости и подотчетности организации. В МОК отреагировали на случившееся увольнением нескольких функционеров, разработкой нового Кодекса этики, в котором разрешается принимать подарки только номинальной стоимости и в соответствии с обычаями принимающей страны. МОК также учредил Комиссию по этике, которой было поручено регулярно обновлять Кодекс этики и расследовать обвинения в нарушении этических норм. Хотя Комиссия МОК по этике была представлена в качестве независимой, ей разрешается расследовать только те нарушения, которые были переданы ей президентом МОК, и отчитываться она должна не перед независимым агентством, а непосредственно перед МОК³. Выводы Комиссии по этике являются полностью конфиденциальными и недоступными для общественности до тех пор, пока исполнительный совет МОК не примет решение по этому вопросу⁴.

Не вступил в силу и инициированный в США законопроект о возможных мерах в связи с коррупцией в МОК. И даже корпорация «McDonald's» по-прежнему носит почетный титул олимпийского партнера.

После столь громкого скандала МОК смог практически полностью взять под контроль распространение информации, касающейся любых новых нарушений или обвинений. В то время как притязания МОК на власть над широким движением, возможно, требуют большей открытости.

---

¹ *Abrahamson A.* IOC move could spark nepotism questions // Los Angeles Times. P. 4–3.

² *Nelson T., Cottrell M.P.* Sport without referees? The power of the International Olympic Committee and the social politics of accountability // European Journal of International Relations. 2015. P. 729–753.

³ *Mason D.S., Misener L., Thibault L.* An agency-theory perspective on corruption in sport: The case of the International Olympic Committee // Journal of Sport Management. 2006. Vol. 20. № 1. P. 52–73.

⁴ International Olympic Committee. Ethics commission. Available: <http://www.olympic.org/ethics-commission> (accessed: 06.03.2024).

Авторитет МОК как защита от призывов к внутренним реформам

В работе «Спорт без арбитров? Власть и политика подотчетности Международного олимпийского комитета» политологи Нельсон и Коттрел предлагают свое объяснение причин странной незаинтересованности субъектов мировой политики в призывании МОК к транспарентности решений, приличествующих статусу и влиянию организации. Авторы пришли к выводу, что организации удастся уклоняться от призывов к изменениям благодаря своему авторитету. Именно восприятие МОК усложняет традиционные механизмы подотчетности и создает феномен, при котором агенту разрешается сохранять контроль над своим собственным контролем и, таким образом, подвергаться гораздо меньшему давлению критиков¹.

Дж.А. Шольт (*Scholte*), профессор факультета глобальных исследований Гётеборгского университета, пишет, что подотчетность обычно определяется как условие или процесс, в которых актер отчитывается за свои действия перед теми, кого эти действия затрагивают².

Учитывая, что МОК подобной отчетности не ведет, комментируя это явление в совместной статье «Не просто игры: власть, протесты и политика на Олимпиаде»³, Коттрел и Нельсон критически анализируют два его возможных объяснения, выдержанных в реалистском и либеральном ключе. Первое предполагает, что спорт лежит на обочине международной политики, а потому зачастую игнорируется при определении сфер, требующих рассмотрения и контроля. Однако такое объяснение опровергается как историей использования государствами спортивных мероприятий в качестве платформы для политических демонстраций, так и тем, какое существенное влияние оказывали решения МОК на государства⁴. На этот счет научный сотрудник Висконсинского университета в Мэдисоне А. Сенн в монографии «Власть, политика, Олимпийские игры»⁵ приводит признание главы МОК в 1970-х гг. Л. Килланина о том, что 95% всех его

¹ *Nelson T., Cottrell M.P.* Sport without referees? The power of the International Olympic Committee and the social politics of accountability // *European Journal of International Relations*. 2015. P. 729–753.

² *Scholte J.* Global governance, accountability, and civil society. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

³ *Cottrell P., Nelson T.* Not just the games? Power, protest and politics at the Olympics // *European Journal of International Relations*. 2011. Vol. 17. № 4. P. 729–753.

⁴ *Ibid.* P. 736.

⁵ *Senn A.* Power, politics and the Olympic Games. Champaign, IL: Human Kinetics Press, 1999.

вопросов как президента МОК были связаны с национальной и международной политикой.

В свою очередь, либеральный подход видит в разрыве подотчетности следствие дефицита демократии. Речь идет о практике подотчетности обладающих властью перед теми, кто доверил им представлять свои интересы. Таким образом, проблемы МОК могли бы быть решены путем расширения участия соответствующих заинтересованных сторон в процессе управления. Однако, как отмечают профессор политологии Университета Дьюка в Дареме Р. Грант и профессор политологии Принстонского университета, представитель нелиберального институционализма в теории международных отношений Р. Кохейн в работе «Подотчетность и злоупотребления властью в мировой политике», демократическую модель очень трудно перевести в сферу глобального управления, учитывая, что не существует единой и объединенной глобальной общественности, аналогичной типам общественности, характерным для либеральных демократий внутри государств¹.

Обозначив уязвимость реалистского и либерального подходов, Коттрел и Нельсон предлагают третий вариант объяснения нетранспарентности решений МОК, основанный на более тщательном изучении условий, необходимых для работы механизмов подотчетности. Авторы приводят три условия подотчетности, которые в статье «Легитимность институтов глобального управления»² сформулировали упомянутый выше Р. Кохейн и А. Бьюкенен — профессор философии и философии международного права в Университете Дьюка в Дареме. Первое из них — это наличие стандартов, которым должен соответствовать агент, привлекаемый к ответственности; второе — доступ принципалов, тех, кто имеет право претендовать на подотчетность, к полной информации о работе организации; третье условие заключается в способности принципалов налагать санкции за несоблюдение агентом стандартов³. Если эти условия нарушаются, если стандарты расплывчаты, информация недоступна, а санкции слабы, то усилия по обеспечению подотчетности могут оказаться неэффективными. Вместе с тем Коттрел и Нельсон отмечают, что литература по международным отношениям часто не рассматривает влияние идеологических структур на политику подотчетности. Речь идет о том,

¹ Grant R., Keohane R. Accountability and abuses of power in world politics // American Political Science Review. 2011. P. 29–43.

² Buchanan A., Keohane R. The legitimacy of global governance institutions // Ethics & International Affairs. 2011. Vol. 20. № 4. P. 405.

³ Ibid. P. 426.

что фактор общественного влияния организации ранее не учитывался при оценке прозрачности ее работы¹.

Еще одна особенность МОК заключается в том, что, поскольку формально эта организация функционирует независимо от государственной системы, она не ограничена моделью «принципал—агент» и, следовательно, свободна от надзорной ответственности.

Именитый британский спортивный журналист Д. Миллер, автор монографии, посвященной масштабному отрезку истории Олимпиад «Официальная история Олимпийских игр и МОК»², также полагает авторитет МОК главной причиной того, что организация до сих пор удачно отклоняла все призывы к реформам. Миллер пишет, что с момента основания МОК в 1894 г. большинство олимпийских решений (включая решения относительно мероприятий, которые будут проводиться, правил регулирования этих мероприятий, судей и даже допуска стран к участию) принимались хозяевами Олимпиад. Например, Олимпийские игры 1904 г. в Сент-Питерсберге приглашали к участию 650 спортсменов, 580 из которых были американцами. Во время стокгольмских Игр 1912 г. делегации стран-гостей были предупреждены хозяевами Олимпиады о том, что, если возникают споры относительно любого из указанных в программе соревнований пунктов, правил и положений, официальной и верной будет являться только шведская версия³. В 1914 г. Олимпийский конгресс, включая представителей НОК от каждого государства олимпийского движения, проголосовал за предоставление МОК более широких полномочий в таких вопросах, как количество разрешенных въездов на соревнования, а затем уполномочил организацию решать сложные вопросы, связанные, например, с надлежащим гражданством спортсменов. Но все это, однако, не подразумевало надсубъектного влияния. Чем чаще Игры использовались странами и отдельными спортсменами в качестве площадки для политических демонстраций, тем дальше МОК уходил от роли простого агента и тем большее влияние приобретал под эгидой отстаивания ценностей олимпизма. Роль МОК возрастала от протеста к протесту, от бойкота к бойкоту, выходя за рамки полномочий, некогда отведенных ему государствами.

Яркими примерами политических агитаций на Олимпиадах служат «Нацистские Игры» 1936 г. в Берлине, «Черный салют» 1968 г. в Ме-

¹ *Nelson T., Cottrell M.P.* Sport without referees? The power of the International Olympic Committee and the social politics of accountability // *European Journal of International Relations*. 2015. P. 729–753.

² *Miller D.* *The Official History of the Olympic Games and the IOC: Athens to Beijing, 1894–2008*. Edinburgh: Mainstream Press, 2008.

³ *Ibid.* P. 25.

хико, бойкоты 1978, 1980 и 1984 гг. Ответ МОК на эту внешнюю политизацию состоял в том, чтобы четче обозначить социальную позицию, которая находится выше политической борьбы. В организации утверждают, что «никакие демонстрации, политическая, религиозная или расовая пропаганда не допускаются на любых олимпийских объектах, площадках или в других районах»¹. Подчеркнутая аполитичность МОК составляла первооснову его саморепрезентации. За прошедшее столетие МОК извлек выгоду из своей декларируемой аполитичности, универсальности аудитории и членства, а также из обращения к гуманитарным принципам, воплощенным в спорте.

МОК претендует на универсальность, его деятельность распространяется не на отдельную нишу, а на широкое олимпийское движение с обширной глобальной аудиторией и членством. Автор нескольких монографий о спорте и спортивном бизнесе Р. Сандомир², говоря о притязаниях МОК на универсализм, приводит слова одного из бывших президентов организации Х.А. Самаранча о том, что МОК «подотчетен миру». Однако что это означает на практике — не ясно. В этом смысле претендующими на подотчетность МОК являются и государства, и частные структуры, и жители стран, входящих в олимпийское движение. Коттрел и Нельсон³ акцентируют внимание на том, что степень политической мобилизации в данном вопросе едва ли могла бы объединить все человечество, а это, в свою очередь, делает притязания МОК на универсальное членство и ценности потенциально мощным нейтрализатором призывов к изменениям. Таким образом, в то время как теоретически МОК подотчетен всем, на практике он не подотчетен никому⁴.

Однако МОК активно отстаивает свой имидж и не менее активно оберегает идеологическую нишу, в которой существует. Фактически МОК не знает конкуренции в вопросах позиционирования себя на мировой арене как регулятора олимпийского спорта. Внутренняя реформа МОК в рамках повестки дня на 2020 г. была нацелена на более устойчивые контакты организации с мировой аудиторией. Рассма-

¹ International Olympic Committee. The organization. Available at: <http://www.olympic.org/about-ioc-institution> (accessed: 06.03.2024).

² Sandomir R. Confident Samaranch testifying at congressional inquiry today // New York Times. 2000. Available at: <https://www.nytimes.com/1999/12/15/sports/olympics-confident-samaranch-testifying-at-congressional-inquiry-today.html> (accessed: 06.03.2024).

³ Nelson T., Cottrell M.P. Sport without referees? The power of the International Olympic Committee and the social politics of accountability // European Journal of International Relations. 2015. P. 729–753.

⁴ Ibid. P. 10.

тривалась рекомендация о запуске олимпийского вещательного канала, который сможет охватить множество стран¹. На международном уровне существуют ограничения на телевизионные права и доступ в Интернет, однако, если национальное государство юридически допустит вещание канала МОК, данная организация будет иметь четкое и прямое влияние внутри государств на постоянной основе.

Рассматривая социальное влияние МОК в вопросах подотчетности, Коттрел и Нельсон приходят к выводу, что гуманитарные ценности олимпизма являются жизненно важными источниками силы и авторитета МОК. Авторы констатируют, что ценности МОК расходятся с его реальными действиями и что организация искусна в использовании своего авторитета.

Заключение

Критически рассматривая статус МОК на международной арене, зарубежные исследователи обращают внимание на ряд особенностей.

- Надсубъектные признаки в работе МОК с членами олимпийского движения обнаруживают в нем черты скорее межправительственной, нежели неправительственной организации.

- Заработок (преимущественно из частных источников) и распределение капитала на глобальном уровне, использование заработанных средств на цели своего развития выявляют в МОК скорее черты ТНК, нежели НПО.

- Влияние, которым обладает МОК на сегодняшний день, не было передано ему странами сознательно, а возникло стихийно в процессе исторического развития в результате использования странами Олимпийских игр как площадок для политических демонстраций, протестов и бойкотов. Вместе с тем масштаб влияния МОК требует от организации большей прозрачности.

- У МОК нет явных аналогов и нет рыночной конкуренции, это — естественная монополия. Таким образом, типичные для некоммерческих организаций форматы коллегиальной и рыночной подотчетности чрезвычайно сложны в применении в отношении МОК. Попытка применить к организации стандартные требования прозрачности проблематична в силу неясного определения круга акторов, которые могут требовать подотчетности МОК. Кроме того,

---

¹ International Olympic Committee. The organization. Olympic Agenda 2020 (olympics.com). Available at: <https://www.olympic.org/olympic-agenda-2020> (accessed: 06.03.2024).

круг этих акторов недостаточно однороден. Это и государства, и частные субъекты, и спортсмены, и население мира в целом.

- Противодействие коррупции среди членов МОК по-прежнему остается внутренним делом организации, свободный доступ к информации о фактах нарушения этики функционерами МОК отсутствует.

- МОК игнорирует многочисленные призывы к реформам и уходит от соответствующей его функционалу открытости благодаря своему социальному влиянию — статусу единоличного хранителя олимпийского пламени. Это влияние организация планомерно укрепляет.

- МОК не только активно применяет свою символическую власть, с тем чтобы защититься от усилий по обеспечению подотчетности, но и эффективно трансформирует свое социальное положение в материальные активы и политическое влияние.

Представляется, что тенденции к усилению автономных, а не агрегаторских ролей МОК, изначально возложенных на него государствами, отсутствие должной подотчетности организации актуализируют критического осмысления реального статуса МОК на современном этапе.

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК АКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

*С.С. Шестакова*¹

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность неправительственных организаций (НПО) в Республике Армения (РА) как инструмент влияния финансирующих их иностранных акторов. Предпринята попытка определить вовлеченность западных стран в гражданский сектор РА и механизмы, которые могли бы быть использованы для продвижения выгодной им повестки. В работе дана характеристика положению НПО в Армении за последние семь лет, отдельно проанализирована деятельность НПО, финансируемых западными фондами, а также восприятие России неправительственными организациями, формирующими общественное мнение.

Ключевые слова: Республика Армения; неправительственные организации; финансирование; Российская Федерация; США; ЕС; нарратив; инструмент влияния.

Последнее время в российском публичном дискурсе утверждается идея о выборе прозападного политического курса армянским руководством. «Заморозка» Арменией своего участия в Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в феврале 2024 г., стала еще одним поводом к будированию темы так называемого армянского переориентирования на Запад». Оценивая степень институциональной поддержки такого рода переориентации, мы в числе прочего должны ответить себе на вопросы: какова вовлеченность западных стран в гражданский сектор РА и какого рода механизмы могли бы быть использованы для продвижения выгодной им повестки?

Были выделены следующие ограничения исследования.

Не все НПО зарегистрированы в Министерстве юстиции РА, что затрудняет определение их общего количества. Тем не менее мы со-

---

¹ **Софья Сергеевна Шестакова** — студентка магистратуры (2022–2024) факультета мировой политики; магистерская программа «Международная безопасность».

знательно опирались на официальные данные зарегистрированных в Минюсте РА юридических лиц как наиболее полный из доступных нам списков.

Несмотря на наличие количественных показателей НПО на веб-сайте Минюста РА, в открытом доступе отсутствует объединенный список зарегистрированных НПО. В связи с этим возникает вопрос о способах выявления реально функционирующего процента НПО.

Ключевые характеристики НПО

Общая численность НПО на сентябрь 2021 г., согласно Минюсту РА, составляет 5,532. Отправная точка отсчета количественной динамики НПО — 2016 г. — связана с принятием нового закона об общественных организациях. Перед событиями «бархатной революции» апреля—мая 2018 г. численность НПО снизилась. На наш взгляд, это может косвенно свидетельствовать о консолидации сил схожих НПО в противодействии прежнему руководству. В свою очередь, сама «бархатная революция» способствовала росту числа НПО (табл. 1).

Нормативная и правовая основа функционирования НПО

Деятельность неправительственных организаций в Армении регулируется законом об общественных организациях (ОО). Первый был принят в октябре 1996 г.¹ Согласно ему ОО — *добровольное объединение* людей, основанное на общих интересах, созданное для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей. Пришедший ему на смену закон об ОО от 4 декабря 2001 г.² предвзялся преамбулой: РА придает особое значение НПО в развитии гражданского общества и стремится содействовать созданию НПО как юридических лиц. В законе говорилось, что НПО — это *некоммерческая организация*, которая в соответствии с законодательством объединяет людей для осуществления деятельности и защиты основных прав человека отдельных членов и других граждан.

¹ Закон об общественных организациях от 22 октября 1996 г. // Armenian Legal Information System. Режим доступа: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=337> (дата обращения: 06.03.2024).

² Закон об общественных организациях от 4 декабря 2001 г. // Armenian Legal Information System. Режим доступа: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=91330> (дата обращения: 06.03.2024).

Динамика изменения численности НПО в Армении (2016–2021)

Год	Декабрь 2016 ⁱ	Октябрь 2017 ⁱⁱ	Октябрь 2018 ⁱⁱⁱ	Сентябрь 2019 ^{iv}	Июнь 2020 ^v	Сентябрь 2021 ^{vi}
Численность зарегистрированных неправительственных организаций	4644	4782	4094	4668	4956	5532

ⁱ Численность зарегистрированных неправительственных организаций на 2016 г. // Министерство юстиции Республики Армения. Режим доступа: <https://www.moj.am/legal/view/article/982/> (дата обращения: 06.03.2024).

ⁱⁱ Численность зарегистрированных неправительственных организаций на 2017 г. // Министерство юстиции Республики Армения. Режим доступа: <https://www.moj.am/legal/view/article/1070/> (дата обращения: 06.03.2024).

ⁱⁱⁱ Численность зарегистрированных неправительственных организаций на 2018 г. // Министерство юстиции Республики Армения. Режим доступа: https://www.moj.am/storage/files/legal_acts/legal_acts_3840065512621_stat_2018-09.pdf (дата обращения: 06.03.2024).

^{iv} Численность зарегистрированных неправительственных организаций на 2019 г. // Министерство юстиции Республики Армения. Режим доступа: https://www.moj.am/storage/files/legal_acts/legal_acts_7002319509611_stat_2019-09.pdf (дата обращения: 06.03.2024).

^v Численность зарегистрированных неправительственных организаций на 2020 г. // Министерство юстиции Республики Армения. Режим доступа: https://www.moj.am/storage/files/legal_acts/legal_acts_9369152050511_stat_2020-06.pdf (дата обращения: 06.03.2024).

^{vi} Численность зарегистрированных неправительственных организаций на 2021 г. // Министерство юстиции Республики Армения. Режим доступа: https://www.moj.am/storage/files/legal_acts/legal_acts_3333545299361_stat_2021-3eram.pdf (дата обращения: 06.03.2024).

В настоящее время НПО функционируют по закону об ОО от 16 декабря 2016 г.¹ Согласно ст. 2 организация — *общественное объединение* граждан Республики Армения, граждан иностранных государств, лиц без гражданства (далее — физические лица) и (или) юридических лиц, имеющее статус некоммерческой организации. Все ОО должны быть зарегистрированы в Минюсте Армении. В 2020 г. были внесены поправки в ст. 24, ужесточающие порядок отчета о деятельности организации. Если ранее обязательным предоставление отчета было

¹ Закон об общественных организациях от 16 декабря 2016 г. // Armenian Legal Information System. Режим доступа: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=110802> (дата обращения: 06.03.2024).

только для тех ОО, которые финансируются за счет бюджетных средств, то новая редакция закона обязала документировать свою деятельность все ОО, включая те, чьи спонсоры — иностранные государства.

Спектр деятельности

На современном этапе спектр деятельности НПО Армении разнообразен: от продвижения устойчивого развития в области образования, здравоохранения, экологии, культуры и спорта до оказания юридических и бухгалтерских услуг. Однако заметная часть НПО в качестве основного направления своей работы выделяет одно из трех:

- защиту прав человека, содействие развитию гражданского общества и демократии;
- организацию гуманитарной помощи;
- работу с молодежью.

Географически наибольшая концентрация НПО наблюдается в крупных армянских городах: Ереване, Ванадзоре и Гюмри. Это связано с тем, что в небольших населенных пунктах зарегистрировать НПО значительно труднее, а также уровень образования и профессиональная подготовка граждан в больших городах, как правило, выше.

Отношение населения Армении к НПО неоднозначно. Согласно опросу общественного мнения, проведенному Международным республиканским институтом США с 15 по 27 июля 2022 г. среди 1502 граждан¹, из 9% от общего числа респондентов, обращавшихся за какой-либо программой социальной помощи в течение последних 12 месяцев, только 11% выбирают НПО и благотворительные организации. Население в большей мере обращается в государственные структуры, в частности 55% респондентов — в Местный центр единой социальной службы. У общества есть представление о НПО как о субъектах, подчиняющихся воле спонсоров. В 2016 г. армянские исследователи организовывали фокус-группы с целью определить отношение общественных активистов к НПО в РА. Один из респондентов сформулировал тезис, который лейтмотивом проходил через большинство бесед в фокус-группах: *«Поскольку организации финансируются, никогда не знаешь, присоединяются ли они к протесту по-*

¹ Public Opinion Survey: Residents of Armenia, July 2022 // International Republican Institute. Available at: <https://www.iri.org/resources/public-opinion-survey-residents-of-armenia-july-2022/> (accessed: 06.03.2024).

тому, что верят в дело, или потому, что им за это платят»¹. В связи с этим в последнее десятилетие динамично развиваются независимые гражданские инициативы, зачастую институционально и законодательно не подкрепляемые.

Финансирование НПО

По закону об общественных организациях предусмотрены следующие виды финансирования: членские взносы; гранты местные, иностранные; благотворительные акции, дары; средства, полученные в результате реализации предпринимательской деятельности. Более того, средства поступают от диаспоральных организаций и меценатов РА.

Особый интерес с точки зрения поставленной нами исследовательской задачи представляет изучение внешних каналов финансирования НПО в Армении. Традиционно спонсорами НПО выступают как министерства, представительства, так и фонды, организации зарубежных стран. Вторая группа, в свою очередь, подразделяется на государственные фонды (например, «Фонд партнерство Евразия» (Eurasian Partnership Foundation — EPF) и Фонд Поддержки Демократии (National Endowment for Democracy — NED), германские Фонд К. Аденауэра и Фонд Ф. Эберта, Европейский фонд за демократию (European Endowment for Democracy — EED), британские организации Британский Совет и Департамент международного развития (Department for International Development — DFID) и негосударственные фонды (например, армянский филиал Фонда «Открытое общество» (Open Society Foundation — OSF) — Фонд Сороса).

Значительный спонсор Армении — Агентство США по международному развитию (AMP США/USAID), которое, в свою очередь, финансирует NED и EPF (табл. 2). Еще в 1999 г. USAID пересмотрел свою стратегию развития демократии, отказавшись от развития демократических институтов (политические партии и избирательные комиссии), в пользу большего внимания к поощрению и предоставлению гражданам возможности вовлекать государственных чиновников и в содержательный диалог². При общей сумме финансирования в размере 36,22 млн долл. на 2022 г. треть (12,71 млн долл.)

¹ Paturyan Y., Gevorgyan V. Armenian NGOs and civic activists: Seeing eye to eye? // 24 World Congress of Political Science; July 23–28, 2016, Póznán, Poland. Research Gate. Available at: https://www.researchgate.net/publication/326782036_Armenian_NGOs_and_Civic_Activists_Seeing_Eye_to_Eye (accessed: 06.03.2024).

² USAID/Armenia FY2001 Program Description and Activity Report // USAID. Available at: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pdabt475.pdf (accessed: 06.03.2024).

Финансирование Армении со стороны USAID (2016–2022)

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Общая сумма ассигнований (млн долл.)	15	21,4	19,36	24	35,65	32,2	36,22
Сектор ПГО (млн долл. и % от общей суммы)	3,88 (26%)	6,6 (31%)	8,13 (42%)	10,72 (45%)	14,05 (39%)	15,37 (48%)	12,71 (35%)

выделяется на сектор «Правительство и гражданское общество» (ПГО)¹.

Тем не менее крупнейший спонсор Армении — Европейский союз (табл. 3). В 2017 г. было подписано ключевое Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Арменией и ЕС (Comprehensive Economic Partnership Agreement — СЕРА²). Согласно плановым показателям «Европейского инструмента соседства и партнерства (European Neighbourhood Instrument — ENI)» объем финансовой помощи РА на период 2017–2020 гг. составлял 144–176 млн евро³. В отдельную категорию финансирования был выделен сектор гражданского общества с целью развития социальных институтов и укрепления их роли в мониторинге политических процессов.

В 2008 г. Евросоюз основал Форум гражданского общества Восточного партнерства (Eastern Partnership Civil Society Forum — EaP CSF), направленный на продвижение ценностей европейской интеграции и содействие демократическим реформам, а в 2013 г. — Европейский фонд за демократию (European Endowment for Democracy — EED), охватывающий страны за пределами Восточного партнерства. В сентябре 2018 г. EED и EaP CSF провели семинар «Защита революции — проблемы реформ в Армении»⁴, на котором присутствовали

¹ U.S. Foreign Assistance By Country (Armenia) // USAID. Available at: <https://foreignassistance.gov/cd/armenia/2022/obligations/1> (accessed: 06.03.2024).

² Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the Republic of Armenia // European Council. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/treaties-agreements/agreement/?id=2017024&DocLanguage=en> (accessed: 06.03.2024).

³ Programming of the European Neighbourhood Instrument (ENI) — 2017–2020 // European Commission. Available at: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2018-10/armenia_ssf_2017-2020_final.pdf (accessed: 06.03.2024).

⁴ Securing the revolution — Reform challenges in Armenia, 17 September 2018 // Democracy Endowment. Available at: <https://democracyendowment.eu/en/news/129-securing-the-revolution-the-role-of-civil-society-and-reform-challenges-in-armenia.html> (accessed: 06.03.2024).

Финансирование Армении со стороны ЕС (2017–2020)

Сектор финансирования	Ориентировочная сумма ассигнований (млн евро; % от общей суммы)
Экономическое развитие и возможности рынка	50,4–61,6 (35%)
Укрепление институтов и надлежащее управление	21,6–26,4 (15%)
Связность, энергоэффективность, окружающая среда и изменение климата	21,6–26,4 (15%)
Мобильность и сотрудничество между людьми	21,6–26,4 (15%)
Дополнительная поддержка для развития потенциала / институционального строительства и стратегической коммуникации	21,6–26,4 (15%)
Дополнительная поддержка для развития гражданского общества	7,2–8,8

представители НПО «Ереванский пресс-клуб» и «Защита прав без границ». Было отмечено, что одна из задач по сохранению результатов «бархатной революции» — преодоление напряженности между традиционным гражданским обществом и новыми активистами.

Российское ассигнование армянских общественных организаций носит целевой характер. В отличие от ЕС и США, Россия преимущественно финансирует НПО соотечественников. По данным культурно-делового центра «Дом Москвы» в Ереване, на настоящий момент официально функционируют 11 общественных организаций российских соотечественников. Их основные задачи — помощь соотечественникам (в том числе правовая защита; гуманитарная и медицинская помощь ветеранам ВОВ, уязвимым слоям населения), пропаганда русского языка и русской культуры. Для эффективного управления был создан координационный совет общественных организаций российских соотечественников Республики Армения (КСООРС), который сотрудничает с правительством РА, посольством РФ в Армении и Россотрудничеством.

В 2021 г. новостное агентство «Sputnik Армения» опубликовало список 40 наиболее активных прозападных НПО, финансируемых зарубежными фондами¹. После анализа контента их веб-сайтов мы

¹ Прозападные НПО в Армении ежегодно получают свыше 30 млн долларов — на что идут эти деньги // Sputnik Армения. Режим доступа: <https://ru.armeniasputnik.am/20201222/Prozapadnye-NPO-v-Armenii-ezhegodno-poluchayut-svyshe-30-mln-dollarov-na-cto-idut-eti-dengi-25851013.html?ysclid=19o9zx6b9j396408157> (дата обращения: 06.03.2024).

отобрали шесть НПО по трем показателям (П), которые будут наиболее интересны российской дипломатии, определяя один как ведущий:

- П1: наиболее активно освещают (в том числе с явной антироссийской направленностью) внешнюю политику РФ;
- П2: популяризируют события «бархатной революции» в РА в 2018 г.;
- П3: ведут активную правозащитную деятельность и выступают с требованием либерально-демократических реформ.

Таблица 4 не содержит данных о размере финансирования, поскольку в своих отчетах многие НПО не указывают конкретных спонсоров либо указывают средства, выделенные только на отдельный проект. Данные, представленные в таблице, основываются на анализе информационных продуктов (например, размещение эмблем спонсоров).

Образ России в объективе НПО

Факт наличия финансирования из зарубежных фондов не является обязательным условием формирования антироссийских настроений. В частности, исследование Ереванского пресс-клуба в партнерстве с Фондом Ф. Эберта, освещающее конфликт на территории Украины, представляет собой достаточно объективный и сбалансированный аналитический продукт¹. С другой стороны, особое внимание привлекает, например, ярко выраженная последовательная антироссийская риторика публикаций «Союза информированных граждан». Своего рода исключением стала статья, вышедшая 17 декабря 2020 г. (карабахская война завершилась в ноябре 2020 г.). В публикации говорилось, что «из третьих стран только Россия коснулась заявления [о части территории РА как об “исторических землях” Азербайджана], сделанного во время военного парада в Баку»². В лучшем случае можно проследить смягчение риторики в отношении РФ. Негативная оценка роли Москвы становится константой, несмотря на факт того, что сдерживающим фактором агрессии Азербайджана в ноябре 2020 г. были российские миротворцы. Этот факт можно расценить как поддержку устойчиво заметного уровня антироссийских настроений западными фондами.

¹ Мониторинг освещения в армянском информационном пространстве войны в Украине // Yerevan Press Club. Режим доступа: <https://ypc.am/projects/monitoring-of-the-coverage-of-the-war-in-ukraine-in-armenian-information-space/> (дата обращения: 06.03.2024).

² Территориальные амбиции Алиева и реакция на них // Союз информированных граждан. Режим доступа: <https://uic.am/ru/11073> (дата обращения: 06.03.2024).

Характеристика шести наиболее активных прозападных НПО в РА

Название НПО	Заявленная сфера деятельности	Источник зарубежного финансирования	Перевод сайта на русский язык	Фактическая деятельность согласно выделенным выше трем показателям
Союз информированных граждан (www.uic.am)	Мониторинг избирательных процессов, участие в разработке программ реформ, борьба с фейк-ньюс (портал Fir.am)	<ul style="list-style-type: none"> Фонд «Открытое общество» (Soros); Фонд Поддержки Демократии (NED); Европейская комиссия; Посольство США в Ереване; Фонд демократии ООН; Пражский центр Гражданского общества; Черноморский фонд регионального сотрудничества (Румыния); Фонд партнерство Евразия (EPF) 	Да	<p>(П1)</p> <ul style="list-style-type: none"> Статьи: «Кровь, беззаконие, самоуправство: 30 лет деятельности российских пограничников в Армении» (сентябрь 2022 г.); «Признание США тенюцила армян и российская пропагандистская машина» (май 2021 г.); Семинар для журналистов на тему «Внешняя политика и освещение. Отношения ЕС—Армения»; «Союз информированных граждан» и демократические реформы в Армении (сентябрь 2020 г.)
Защита прав безграждан (www.rtwb.am)	Реформа судебной и пенитенциарной системы	<ul style="list-style-type: none"> Фонд «Открытое общество» (Soros); Фонд Поддержки Демократии (NED); Европейский фонд за демократию (EED) 	Нет	<p>(П3)</p> <ul style="list-style-type: none"> Требования увольнения начальника полиции, пересмотра проекта закона РА «Судебный кодекс РА» (сентябрь—октябрь 2022 г.); Осуждение подхода правящей

Продолжение табл. 4

Название НПО	Заявленная сфера деятельности	Источник зарубежного финансирования	Перевод сайта на русский язык	Фактическая деятельность согласно выделенным выше трем показателям
<p>Центр медиа-инициатив (www.mediainitiatives.am)</p>	<p>Содействие цифровизации СМИ, тренинги для журналистов</p>	<ul style="list-style-type: none"> • USAID; • Европейский фонд за демократию (EED); • Посольство США в Ереване; • Правительство Нидерландов; • Вышеградский Фонд; • Фонд Поддержки Демократии (NED) 	<p>Нет</p>	<p>политической партии к назначению члена партии на должность председателя ЦИК (октябрь 2022 г.);</p> <ul style="list-style-type: none"> • Дискуссия на тему «Защищено ли право на труд новой Стратегией охраны труда?» (октябрь 2022 г.)
<p>Армянский центр гуманитарных исследований (www.arghumanities.am)</p>	<p>Организация конференций и научных исследований по социально-политической теме</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Фонд К. Аденауэра; • Европейский фонд за демократию (EED); • Фонд «Открытое общество» (Soros) 	<p>Да</p>	<p>(П2)</p> <ul style="list-style-type: none"> • Раздел «Бархатные зарисовки», посвященный популяризации революционных событий в РА в 2018 г.; • Заявления для СМИ относительно квалификации депутата Ваагна Алексаняна об ограничениях на работу СМИ и насилии в парламенте <p>(П2)</p> <ul style="list-style-type: none"> • Доклад «Армения 2018: реалии и перспективы», посвященный анализу причин и перспектив бархатной революции в Армении. Пред-

Название НПО	Заявленная сфера деятельности	Источник зарубежного финансирования	Перевод сайта на русский язык	Фактическая деятельность согласно выделенным выше трем показателям
	тике			ставлен на заседании по поводу двадцатилетнего юбилея подписания Соглашения о культурном сотрудничестве между РА и ФРГ; <ul style="list-style-type: none"> Статья «Как устроена Россия. Симон Кордонский о сословной сущности РФ» (доступна только на русском языке)
Ванадзорский офис Хельсинкской гражданской ассамблеи (НСАВ) (https://hscav.am/en/)	Мониторинг правозащитной сферы, правовая помощь, миростроительство	<ul style="list-style-type: none"> Фонд «Открытое общество» (Soros); Фонд Поддержки Демократии (NED); Норвежский Хельсинкский комитет; Фонд Сигрид Раусинг Траст; МИД и представительство Чехии в Ереване; Европейская комиссия 	Нет	(ПЗ) <ul style="list-style-type: none"> Позиция НСАВ в отношении законопроекта о внесении изменений и дополнений в Судебный кодекс (июнь 2022 г.); Положение наблюдателей за выборами как правозащитников (ноябрь 2022 г.); Отчет о случаях смерти военнослужащих РА и Нагорного Карабаха в январе—сентябре 2022 г.
Ереванский пресс-клуб (https://urc.am)	Развитие медиа-сферы, мониторинг СМИ	<ul style="list-style-type: none"> Фонд Ф. Эберта; Фонд Поддержки Демократии (NED); USAID; 	Да	(ПЗ) Исследования: <ul style="list-style-type: none"> «Мониторинг освещения в Армянском информационном пространстве войны в Украине». Обь-

Окончание табл. 4

Название НПО	Заявленная сфера деятельности	Источник зарубежного финансирования	Перевод сайта на русский язык	Фактическая деятельность согласно выделенным выше трем показателям
		<ul style="list-style-type: none"> • Фонд партнерство Евразия (ЕРФ) 		<p>ект — онлайн-версии шести СМИ (газеты «Айкакан жаманак», «Аравот», «Грапарак», Общественное телевидение, civiinet.am и 168.am) (февраль-май 2022 г.);</p> <ul style="list-style-type: none"> • «Мониторинг освещения СМИ Армении внеочередных выборов в Национальное Собрание РА (июнь 2021 г.)

После обострения на границе Азербайджана и Армении в сентябре 2022 г. 43 НПО выступили с совместным заявлением не только начать переговоры по достижению устойчивого мира, но и призвать государства ввести санкции против Азербайджана, а независимые правозащитные организации — направить срочную миссию в Армению. В документе примечателен пункт, адресованный ЕС и США, — призыв прекратить «режим Алиева» на фоне грубых нарушений прав человека. Упоминание о России отсутствует¹.

Результаты опроса общественного мнения, проведенного Международным республиканским институтом США (МРИ) в июне 2022 г. среди 1499 граждан РА², показали: 17% респондентов считают, что наибольшую ответственность за боевые действия на территории Украины несут США, 16% — все стороны конфликта, 14% — лично президент Украины В. Зеленский, 10% — страны НАТО, 8% — лично президент России В. Путин, 6% — украинские власти и только 5% — Россия. Однозначно «за» введение экономических санкций против России — 8%, однозначно «против» — 52%.

Примечательно, что, согласно опросу от ноября—декабря 2021 г.³, Россия находится на третьем месте в списке угроз: 17% респондентов видят в РФ экономическую угрозу, 15% — политическую и 11% — угрозу безопасности. В этой связи парадоксально, что 47% выбрали бы Россию защищать границы Армении и только 18% — США, 14% — Францию. Более того, 64% позиционируют Россию как важнейшего партнера по безопасности, 32% — Францию, 31% — Иран.

При этом действия России зачастую провоцируют негативную реакцию со стороны армянской общественности, что, в свою очередь, может послужить триггером роста антироссийских настроений. Например, оживленную дискуссию в сети Facebook (запрещена в РФ) вызвала публикация Россотрудничества в Армении — «Русский дом в Ереване» от 6 ноября 2022 г.⁴ Россотрудничество назвало озеро

¹ Представители гражданского общества Армении выступили с обращением к правозащитным организациям мира // Arminfo. 05.10.2022. Режим доступа: Arminfo: Представители гражданского общества Армении выступили с обращением к правозащитным организациям мира (дата обращения: 06.03.2024).

² Public Opinion Survey: Residents of Armenia, June 2022 // International Republican Institute. Available at: <https://www.iri.org/resources/public-opinion-survey-residents-of-armenia-june-2022/> (accessed 06.03.2024).

³ Public Opinion Survey: Residents of Armenia, December 2021 // International Republican Institute. Available at: https://www.iri.org/wp-content/uploads/2022/01/Armenia-Final-PPT_31.01.2022_Eng.pdf (accessed: 06.03.2024).

⁴ Публикация Россотрудничества в Армении — «Русский дом в Ереване» от 6 ноября 2022 г. // Facebook (запрещена в РФ). Режим доступа: <https://z-p3-upload.facebook.com/RSGOVArmenia/posts/2554172778069331> (дата обращения: 06.03.2024).

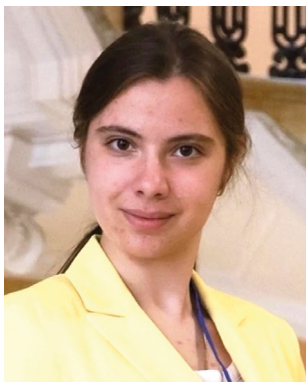
Севан азербайджанским топонимом Гокча (И. Алиев в своих заявлениях определяет Гокчу как исконную азербайджанскую территорию). Запись, призванная напомнить о многовековом характере союзнической связи между РА и РФ, привела к всплеску недовольства и негативным комментариям (например, *«Правильно говорят, такие “друзья”, что и врагов не нужно! Идите учите историю и желательно это все делать в Баку»; «Потом удивляются, почему у нас антироссийские настроения»; «Турецкий дом в Ереване»*). Правда, в тот же день Русский дом удалил слово «Гокча» из поста и дополнительно опубликовал уточнение, что цитировал русского историка В.А. Потто.

Заключение

За шесть лет численность неправительственных организаций в стране выросла на 16%. Несмотря на большое количество зарегистрированных НПО в Армении, отношение граждан к ним неоднозначное. На этом фоне растет популярность гражданских инициатив, нередко не имеющих институциональной формы существования. Ощущается сильное влияние иностранных спонсоров, преимущественно тех фондов, которые финансируются Еврокомиссией (EED), USAID (NED, EPF), а также Фондом «Открытое общество». Российские ассигнования в основном направлены на 11 НПО соотечественников, что заведомо ограничивает возможность широкого воздействия на армянских граждан. Более того, определяя в качестве своей целевой аудитории соотечественников, РФ фокусируется на русскоязычном населении, продвигая русский язык и русскую культуру (об этом, в частности, свидетельствует отсутствие перевода веб-сайтов и социальных сетей «Русского дома в Ереване», НПО на армянский язык), а также на общей истории (прошлом), вместо того чтобы определить будущие совместные ценности и проекты. К сожалению, в данном случае инструменты ЕС и США выглядят более привлекательными для широких слоев армянского общества.

Как показывают опросы общественного мнения, антироссийская риторика отдельных НПО, поддерживаемая западными фондами, не оказывает сильного влияния на общее отношение населения к России. В большей степени настроение армянского общества зависит от позиции Москвы в армяно-азербайджанском конфликте. В свою очередь, триггером негативной общественной реакции может стать малейшая небрежность, допущенная в касающихся Армении публикациях российских СМИ или высказываниях политически значимых российских фигур.

ЖЕНСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАНКОФОНИИ В АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

*З.А. Блинкова*¹

Аннотация. Исследование посвящено изучению комплекса различных мероприятий, проводимых Международной организацией франкофонии (МОФ), для обеспечения гендерного равенства и продвижения роли женщин в жизни общества. В заключение автор приходит к выводам об эффективности гендерной политики МОФ.

Ключевые слова: Международная организация франкофонии (МОФ); женщины; гендерное равенство; «Франкофония с ними» («La Francophonie avec Elles»); расширение прав и возможностей; устойчивое развитие.

Сегодня во франкоязычных странах проживает около 140 млн женщин. Несмотря на многочисленные достижения в области законодательства и образования, прогресс в области прав женщин и девочек постепенно замедляется, а иногда даже ставится под сомнение. Именно поэтому уже более 20 лет МОФ работает над преодолением гендерного неравенства в различных областях своей деятельности во франкоязычном мире.

История женской повестки дня

С конца XX в. МОФ работает над приданием равенству между мужчинами и женщинами приоритетного значения. В 2006 г. принцип равенства полов был включен в качестве руководящего принципа в программы МОФ.

20 марта 2013 г. в Париже состоялся первый Всемирный форум женщин стран Франкофонии, объединивший почти 700 женщин, выступивших за гендерное равенство. В ходе форума происходил

---

¹ **Злата Александровна Блинкова** — студентка магистратуры (2023–2025) факультета мировой политики; магистерская программа «Международная безопасность».

обмен опытом и поиск путей продвижения прав женщин. Центральной проблемой встречи стало насилие в отношении женщин.

3–4 марта 2014 г. в Киншасе (Демократическая Республика Конго) состоялся второй Всемирный форум, приоритетной повесткой дня которого были вопросы распространения грамотности, образования и профессиональной подготовки. В работе форума приняли участие более 1200 человек¹.

На XVII саммите Франкофонии в Ереване (Армения) в октябре 2018 г. МОФ приняла новую Стратегию в области гендерного равенства, прав и расширения возможностей женщин и девочек².

Деятельность фонда «Франкофония с ними» («La Francophonie avec Elles»)

Одним из основных механизмов обеспечения гендерного равенства, в частности, в странах Африки является фонд «Франкофония с ними». Его создание тесно связано со вспышкой пандемии COVID-19 в 2020 г., поскольку девочки и женщины, оказавшиеся в нестабильном положении, с низким или недостаточным доходом, больше всего пострадали от ее социально-экономических последствий. Именно поэтому МОФ создала такой механизм для помощи местным организациям гражданского общества в виде финансирования действий на местах, направленный на предоставление женщинам доступа к более высокому уровню доходов, образованию, здравоохранению, гражданству и профессиональному обучению, особенно в странах Африки к югу от Сахары.

Поскольку проблемных регионов оказалось очень много, фонд выбрал стратегию действия через систему «призывов», которые с 2020 г. выдержали четыре «издания», направленных на расширение экономических и социальных прав и возможностей женщин (укрепление деятельности, приносящей доход, борьба с насилием, участие в общественной и политической жизни, принятии решений и участие в урегулировании конфликтов, доступ к школьному и профессиональному образованию, к уходу и здравоохранению), а также усиленную поддержку проектов, ориентированных на активную роль жен-

---

¹ Загрязкина Т.Ю. Франкофонные исследования: монография / Т.Ю. Загрязкина, О.А. Крюкова, Е.А. Небезина, Д.П. Моисеева; под ред. Т.Ю. Загрязкиной. М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 130.

² Stratégie de la Francophonie pour la promotion de l'égalité entre les femmes et les hommes, des droits et de l'autonomisation des femmes et des. // Francophonie.org. 11.10.2018. Available at: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2019-09/som_xvii_strategie_efh_2018.pdf (accessed: 06.03.2024).

щин в устойчивом экономическом, социальном и экологическом развитии, поддержку официальной занятости и предпринимательства.

При выборе проектов для фонда первостепенное значение имеет небольшое количество ресурсов у местных организаций гражданского общества, поддержка организации-заявителя местными органами власти, ориентация проектов на продвижение положения женщины, соблюдение принципа многоязычия и поощрение использования местных языков, ведение проектной деятельности на французском и местных языках¹.

В общей сложности за три потока было проведено 197 проектов общей суммой более 8 млн евро в странах Западной и Центральной Африки (не считая набор на четвертый поток, закрывшийся в этом году: по итогам от его реализации ожидается осуществление 55 проектов на сумму более 3 млн евро²).

Деятельность МОФ в рамках реализации ЦУР

Основную деятельность по достижению целей устойчивого развития (ЦУР) осуществляет Институт устойчивого развития стран Франкофонии в рамках кампании «Цели-2030» для поддержания вклада франкоязычных организаций гражданского общества в реализацию ЦУР (особенно в Западной Африке), укрепления их структуры, развития и влияния. Проекты Института направлены на борьбу с недоеданием и антисанитарией, на внедрение альтернативных источников энергии, развитие образования и здравоохранения, экономическую автономизацию женщин (в том числе посредством устойчивого сельского хозяйства).

В качестве примера можно привести поддержку в 2020 г. МОФ при содействии Института устойчивого развития региональных проектов, направленных на укрепление и продвижение лидерства женщин в области устойчивого развития.

Для финансирования в размере до 10 тыс. евро за каждый были одобрены три проекта с высоким потенциалом, реализуемые женскими ассоциациями в Камеруне, ДРК и Руанде³.

---

¹ Organisation internationale de la Francophonie (OIF). Available at: <https://oif.wiwi.io/fr/applications/4eme-edition-du-fonds-la-francophonie-avec-elles?programId=64183dbb654e05483bacbad> (accessed: 06.03.2024).

² Fonds «La Francophonie avec Elles»: les projets lauréats de l'édition 2023 / Organisation internationale de la Francophonie. Available at: <https://www.francophonie.org/fonds-la-francophonie-avec-elles-les-projets-laureats-de-ledition-2023-2966> (accessed: 06.03.2024).

³ L'OIF soutient 3 initiatives féminines de gestion durable des forêts et d'autonomisation des femmes au Cameroun, en RDC et au Rwanda. Available at:

- Окружающая среда и расширение прав и возможностей женщин для устойчивого управления лесами (Камерун).

Этот проект проводится в коммуне Ангоссас, где основным видом деятельности является натуральное хозяйство и незаконная вырубка лесов. Экономическую основу домохозяйств составляют женщины, занимающиеся сбором и продажей сезонных недревесных лесных ресурсов (НЛР) по заниженным ценам. Почти 95% НЛР используется для домашнего потребления и традиционных лекарств. В то же время у женщин нет доступа к более доходной деятельности, что приводит домохозяйства к состоянию бедности и затрудняет удовлетворение женщинами в этих деревнях базовых потребностей (питание, здоровье и образование для их детей).

Поэтому предложенный экологический и социальный проект будет направлен на структуризацию деятельности и создание организации женщин этой провинции, чтобы они могли осуществлять групповые продажи не только для собственного потребления, и поможет женщинам и молодежи в создании агролесомелиоративных участков, а также целевая аудитория проекта будет обучена экологически устойчивому пчеловодству.

- Домашнее микологическое выращивание вешенки для расширения прав и возможностей женщин и устойчивого управления природными ресурсами в ДРК.

На востоке ДРК территории Бени, Луберо и Бутембо населены сельскими жителями, находящимися в прямой зависимости от лесных массивов для ведения сельского хозяйства, сбора и заготовки урожая. Леса этих территорий составляют большую часть общей площади субрегионов. Однако из-за долгой гражданской войны, массовых убийств и эпидемии Эболы уже создана атмосфера уязвимости в сельских общинах, особенно среди детей и женщин.

Именно поэтому был предложен экологический проект по выращиванию вешенок для содействия усилиям женских фермерских ассоциаций по борьбе с бедностью и деградацией лесных экосистем.

- Использование бамбука для устойчивого управления Национальным парком вулканов и расширения прав и возможностей женщин в регионе Бурера (Руанда).

Поскольку бедность затрагивает домохозяйства, проживающие на территории, граничащей с лесом Национального парка вулканов,

---

<https://www.moged.ifdd.francophonie.org/index.php/fr/actualites/item/306-afrique-centrale-1-oif-soutient-3-initiatives-feminines-de-gestion-durable-des-forets-du-bassin-du-congo-et-d-autonomisation-de-femmes-au-cameroun-en-rdc-et-au-rwanda> (accessed: 06.03.2024).

антропогенная нагрузка на природные ресурсы и биоразнообразии угрожает устойчивому управлению лесной экосистемой. Основными причинами бедности на территории проекта являются нехватка сельскохозяйственных земель, отсутствие несельскохозяйственных рабочих мест, доступ к которым имеют только 2% женщин по сравнению с 21% мужчин, изменения климата, эпидемии и деградация ландшафтов.

Данный план направлен на борьбу с незаконной вырубкой бамбука, которая является одной из основных угроз для парка и его биоразнообразия. Женщины будут вовлечены в предпринимательство через экологичное использование НЛР. Этот проект будет способствовать расширению экономических прав и возможностей женщин с целью их вовлечения в управление экономикой и социальной сферой, устойчивого управления лесами и рационального природопользования и поможет бороться с бедностью домохозяйств.

Для каждого проекта прописаны конкретная цель, задачи по ее достижению и планируемые действия по их реализации. По итогам осуществления каждого проекта прописывается сумма, затраченная на его проведение, и достигнутые в каждой области результаты¹, что позволяет отследить текущее состояние выполнения проектов и делает процесс мониторинга более прозрачным.

Однако необходимо учитывать, что доля затрат фонда, основного механизма укрепления положения женщин, на гендерные проекты относительно мала по сравнению с общим бюджетом МОФ: в то время как общая стоимость проектов за один призыв составляет не более 3 млн евро, а общая стоимость проектов (всего их 117 начиная с 2016 г.) в сфере устойчивого развития составляет чуть больше 592 тыс. евро², бюджет организации насчитывает свыше 64 млн евро³. Фактически это свидетельствует о том, что для МОФ гендерная повестка дня является важной, но далеко не приоритетной (для сравнения, например, на Франкофонские Игры было потрачено около 300 млн евро⁴).

¹ Projets d'Objectif 2030 — Objectif 2030. Available at: <https://www.objectif2030.org/projets/> (accessed: 06.03.2024).

² Ibid.

³ Conférence ministérielle de la Francophonie. 43e session — Djerba, 18 novembre 2022. Budget de l'OIF au titre de l'année 2023. Available at: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2022-11/Budget_OIF_2023.pdf (accessed: 06.03.2024).

⁴ RDC: un audit sur des dépenses liés aux Jeux de la Francophonie. Available at: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20231029-ixes-jeux-de-la-francophonie-en-rdc-ministre-des-finances-nicolas-kazadi-dénonce-des-dépenses-indues> (accessed: 06.03.2024).

Иные меры в сфере гендерного равенства

МОФ также поддерживает проекты по укреплению положения женщин в следующих сферах:

- политика (укрепление политических навыков женщин для подготовки к муниципальным выборам (Кот-д'Ивуар), занятия управленческих постов (Того), политического вовлечения (Камерун));
- образование (запуск Портала открытых образовательных ресурсов для обеспечения гендерного равенства);
- цифровые технологии и предпринимательство (запуск проекта «D-CLIC» для улучшения цифровых компетенций молодых женщин и мужчин для повышения их шансов на достойную работу в сфере бизнеса и предпринимательства);
- изменение климата (подготовка руандийских женщин-переговорщиков для реализации Парижского соглашения);
- борьба против гендерного насилия и дискриминации (открытие в Мадагаскаре Центра по расширению прав и возможностей жертв гендерного насилия).

Заключение

За период с начала XXI в. МОФ приложила большие усилия для продвижения гендерного равенства. Основным механизмом реализации женской повестки дня является «система призывов» фонда «Франкофония с ними», которая выдержала три издания начиная с 2020 г. Продвижение прав женщин также осуществляется через деятельность Института устойчивого развития стран Франкофонии в рамках кампании «Цели-2030» для достижения ЦУР (в качестве примера приведены кейсы ДРК, Камеруна и Руанды, где проводятся проекты устойчивого сельского хозяйства с целью экономической автономизации женщин). Кроме того, осуществляются меры в иных сферах, где особое внимание уделяется политике, образованию и повышению цифровых компетенций женщин для укрепления их положения в обществе.

РЕФЕРАТЫ

КУМАР Ш., ГАЗТАМБИДЕ-ФЕРНАНДЕС Р. НЕУЖЕЛИ МЫ ВСЕ ВМЕСТЕ В ЭТОМ ЗАМЕШАНЫ? COVID-19, ИМПЕРИАЛИЗМ И ПОЛИТИКА ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

KUMAR Sh., GAZTAMBIDE-FERNÁNDEZ R. Are we all in this together? COVID-19, imperialism, and the politics of belonging // Curriculum Inquiry. 2020. Vol. 50. № 3. P. 195–204.

Ключевые слова: империализм; COVID-19; новая этика; социальное неравенство; реформа образования; постмодерн.

Понимание империализма отличается в рамках различных парадигм политической теории и теории международных отношений. Современная интерпретация практики империализма предлагается в статье доктора Шашанки Кумара и профессора Рубена Газтамбиде-Фернандеса, подошедших к исследованию данной темы с позиции новой этики и сфокусировавшихся на проблеме усугубления социального неравенства в условиях мировой пандемии коронавируса.

Оба автора — специалисты Института образования Онтарио Университета Торонто, и в задачу их исследования входило не только обозначить имеющиеся социальные проблемы, вызванные империализмом, но также предоставить варианты решения выявленных проблем с помощью изменений в системе образования.

Указывая на отрицательные последствия антропогенного воздействия, авторы утверждают, что «истоки пандемии можно отнести к стрессовому взаимодействию вирус—животное—человек, что связано с деградацией среды обитания, вызванной добычей природных ресурсов в Китае» [с. 195]. Далее распространение коронавируса по всему миру пошло в соответствии с «ритмами транснационального капитализма» [с. 195], что усугубило социальное неравенство на локальном, национальном и международном уровнях. Ответом национальных государств на вызовы пандемии стала централизация власти. От подрыва основ справедливого распределения богатства только выиграли глобальные системы потребительского капитализма, которые, обещая изобилие, лишь способствуют бедности и «препятствуют системам и практикам социальной принадлежности, воплощающим справедливость, равенство и заботу» [с. 195]. С учетом всех

вышеозначенных взаимозависимостей пандемия COVID-19, по мнению авторов, является ярким проявлением империализма в действии.

Ш. Кумар и З. Газтамбиде-Фернандес понимают империализм как процесс социальной организации, характеризующийся: 1) централизованной политической властью над большими, постоянно расширяющимися территориями и населением; 2) крайне неравномерным распределением материальных благ; 3) безудержной эксплуатацией природных ресурсов и труда людей; 4) идеологическим обеспечением и оправданием этих моделей и действий. Соответственно, доказывается, что конец колониализма не привел к концу империализма. Современный империализм, таким образом, в качестве некой «мировой системы» национальных государств, многосторонних организаций и транснациональных корпораций является, помимо этого, набором несправедливых социоэкономических систем эксплуатации и подчинения. Следуя диалектической логике неомарксизма, авторы утверждают, что оборотной стороной этой оставляющей желать лучшего системы должны стать новые нормы, учитывающие условия и возможности глобального перемещения людей через национальные границы и направленные на снятие напряженности в межкультурной коммуникации [с. 196]. Однако усилия по разработке и принятию мер реагирования на насущные социальные проблемы современности, в частности — общемировой вызов пандемии COVID-19, оказываются малоэффективными в условиях нового империализма [с. 201].

При описании наиболее острых социальных проблем империализма канадские эксперты опираются на статьи своих канадских и зарубежных коллег, которые представляются им предлагающими наиболее мощное концептуальное и эмпирическое понимание данного феномена [с. 196].

Доктор Лигия Лопез Лопез, старший преподаватель Университета Мельбурн в своей статье «Когда осознание различия приходит в школе: в эти антикоричневые времена» утверждает, что в школах Нового Света и Австралии процесс обучения детей порождает и усугубляет расовые различия. Феномен «антикоричневости» определяется авторами как идеологическое обоснование «белой» европейской субъективности в качестве нормативной человечности посредством выделения «коричневых» людей как «недочеловеческих aberrаций» [с. 196]. Л. Лопез Лопез утверждает, что система образования в США основывается на практиках подавления и принципе превосходства белой расы. Последние она обнаруживает даже в централизованном обучении детей грамоте и мультфильмах *Disney*. Будучи сторонницей критической теории расы, она даже выступает против академического стиля напи-

сания статей, полагая его гегемонистским, колониальным и в целом — империалистическим. В своей личной практике сопротивления белой нормативности она периодически использует в преподавательской деятельности священные знаки та-моко, воспроизводя татуировки тела и лица, традиционные для народа маори. Тем самым австралийский профессор демонстрирует студентам инклюзивность и уважение к коренным народам своей страны, что, по мнению авторов настоящей статьи, является одним из методов борьбы с империализмом [с. 197].

О негативных проявлениях этического империализма рассуждает доктор философии Л. Дж. Словин. Сосредоточившись на изучении специфики социальной самоидентификации, он полагает, что столь распространенное на современном этапе нежелание представителей молодежи идентифицировать себя в качестве «взрослых» обусловлено несовпадением личных установок с навязываемыми обществом критериями «взрослости». Таковыми он считает белизну кожи, капитализм и гетеронормативность, уход из дома, самостоятельную жизнь, обретение финансовой безопасности, вступление в моногамный брак и рождение детей. Для автора «взрослость» выступает не просто биологической неизбежностью, обусловленной старением, а социально сконструированной категорией. Те, кто не подходит под эти критерии, не будут восприниматься как равноправные граждане. В свою очередь, в конфликтах и противоречиях, связанных с оказанием социальной помощи во время пандемии COVID-19, проявились эти различия и неравноправие. Государственная политика по противодействию пандемии выстраивалась «без какого-либо учета опыта, мнений и желаний тех, кто вписывается в категорию “не взрослых”». Была неадекватно определена нагрузка на такие социальные институты, как школы, в частности без учета того факта, что школьный персонал «в значительной степени феминизирован». И конечно же, еще одной серьезной проблемой стала «высокая заболеваемость COVID-19 и смертность среди медицинских работников, значительную часть которых составили женщины-представительницы расовых меньшинств из семей с низким доходом» [с. 198–199].

В совместной статье доктора Салли Боне и Эшли Тейлор «У меня есть идея! Инструкция по навигации беженцев-инвалидов в рамках политики и практики переселения» рассматривается история жизни и опыт переезда в США иракского беженца-инвалида Самира Омара. Авторы описывают, как империалистические отношения власти превращают Омара из инвалида физического в инвалида социального, погружая его в атмосферу экономической нестабильности и общественного отчуждения. Омар утверждает, что беженцам-инвалидам

должно быть разрешено переселяться со своими семьями и что политика переселения должна быть ориентирована на такое понимание гражданства, которое подразумевает социальное участие.

С помощью данного примера С. Боне и Э. Тейлор показывают, что социальная «инвалидность» является преднамеренным (а не случайным) последствием империалистической политики. Авторы также полагают, что, несмотря на формальные различия в области планирования и реализации, национальные и международная политики смягчения последствий COVID-19 основаны «на удивительно единообразных подходах к экономическому ущербу и восстановлению». Авторы считают, что соответствующие дискурсы отражают лишь желание элит вернуться в «нормальный для них мир до пандемии», в то время как COVID-19 обозначил перспективы изменений в обществе в направлении пересмотра места ранее исключенных из общественной жизни социальных групп (в частности, трудовых мигрантов) [с. 200].

Профессор Университета Альберты (Канада) Висам Абдул-Джаббар в своей статье «Аль-Кинди об образовании: междисциплинарное теоретизирование учебных программ и межкультурный минхадж» предлагает проанализировать взаимосвязь между политикой социальной принадлежности и межкультурным обменом, основываясь на высказываниях мусульманского философа IX в. Исхака Аль-Кинди. Абдул-Джаббар утверждает, что работа Аль-Кинди сводится к созданию плюралистической образовательной перспективы — минхаджа (арабский эквивалент учебной программы), отмеченного благодарностью, открытостью для эпистемологического обмена и трансформации, стремлением к междисциплинарности. Абдул-Джаббар обосновывает важность этого исследования, указывая на роль межкультурного интеллектуального обмена в формировании потоков материальных и социальных историй по всему миру, полагая, что это может стать новой глубоко мультикультурной по своей сути системой обучения [с. 200–201].

В заключение своего обзора Ш. Кумар и Р. Газтамбиде-Фернандес подчеркивают, что выявление, обозначение и отмена империалистических логики и практики в социальной жизни «должны стать основной задачей учебной программы, как в школах, так и за их пределами», а используемые ими подходы могут способствовать решению социальных проблем в целом и COVID-19 в частности, создав условия для общественного социального равенства [с. 202].

*Ю.А. Веселов*¹

---

¹ **Юрий Александрович Веселов** — студент магистратуры (2021–2023) факультета мировой политики; магистерская программа «Международная безопасность».

АРНИЛ Б.

КОЛОНИАЛИЗМ VERSUS ИМПЕРИАЛИЗМ

ARNEIL B. Colonialism versus imperialism // Political Theory. 2023. № 6. P. 1–31.

Ключевые слова: империализм; колониализм; внутренний колониализм; история политической мысли.

Современные ученые утверждают, что колониализм и империализм трудно, если вообще возможно, отличить друг от друга. Маргарет Кон полагает, что колониализм — это «практика господства, которая включает в себя подчинение одного народа другому», что приводит к «одной из трудностей в определении колониализма... его трудно отличить от империализма. Часто эти два понятия рассматриваются как синонимы»¹. Кришан Кумар в своей статье о возможных различиях между колониальным и имперским заключает: «Колонии... являются частью империи [и] существуют только как проявления имперского стремления»² [с. 2]. Стремясь разобраться в хитросплетении этих двух понятий, британско-канадский политолог Барбара Арнил сфокусировала свое внимание на теоретическом и практическом поле взаимодействия колониализма и империализма в истории международных отношений.

В качестве цели своего исследования она обозначила выявление концептуальных различий рассматриваемых явлений на основе сравнительного анализа. В соответствии с поставленной целью необходимо было решить следующие задачи: определить ключевые различия между колониальным и имперским; рассмотреть эволюцию империализма в XIX и начале XX в.; проанализировать причины слияния империализма и колониализма XX в.; выявить практическую и теоретическую значимость разграничения империализма и колониализма.

Первым важным концептуальным отличием, согласно автору, выступает этимология рассматриваемых явлений. Имперское и колониальное имеют разные этимологические основы, которые создают различные пути развития в соответствующих им современных идеологиях. Имперское происходит от глагола *imperare* — господствовать — над иностранными народами и землями. Колониальное про-

¹ Kohn M. «Colonialism». Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2012. <https://plato.stanford.edu/entries/colonialism/>

² Kumar K. Colony and empire, colonialism and imperialism: A meaningful distinction? // Comparative studies in society and history. 2021. Vol. 63. № 2. P. 280–309.

исходит от латинского существительного *colonia*, означающего аграрные поселения и тесно связанного с *colere* (возделывать) и *colonus* (сельскохозяйственный работник). Колонии были аграрными поселениями — отдельными «незанятыми» местами («empty» locations) на чужой земле, в которые из родного города переселялись «излишки» людей («excess» people). Там они должны были заниматься аграрным трудом, чтобы поддерживать свое существование и независимость.

Таким образом, колониализм, уходящий корнями в *colonia*, — это современная идеология, характеризующаяся тремя принципами: сегрегацией, аграрным трудом и «совершенствованием» («improvement») как «отсталых людей» («backward»), т.е. лишенных работы, неразумных и/или связанных обычаями, так и «незанятых» мест земли с помощью труда и/или образования [с. 6].

Автор отмечает Джона Локка как первого, кто разработал концепцию обоснованности колониализма в своей работе «Два трактата о правительстве»: «Бог отдал мир всем людям сообща ... то нельзя предположить, будто бы он хотел, чтобы мир всегда оставался в общем владении и невозделанным. Он дал его для того, чтобы им пользовались прилежные и рассудительные (и труд давал им право на это)»¹. Локк утверждает, что занятие аграрным трудом на «незанятой» земле создает частную собственность на ограниченной территории, создавая как экономические, так и этические преимущества, которых не может достичь империалистическое завоевание больших участков территории [с. 7].

В статье приводится три основных способа опровержения идей империализма Локком: во-первых, он утверждает, что имперские завоевания, несмотря на их масштаб, не дают оснований на владение «собственностью даже тех, кто на самом деле участвовал в ней [войне]»²; во-вторых, он отвергает империалистические притязания на суверенитет и/или право собственности на большие участки территории, основанные на завоевании, и вместо этого неоднократно призывает поселенцев ограничить собственность тем, что они могут возделывать; в-третьих, это отказ от иерархической организации населения, основанной на естественном расовом превосходстве [с. 8].

Таким образом, автор подчеркивает, что в колониализме Локка можно найти зарождающуюся, но очевидную приверженность продуктивной форме власти, которая отвергает завоевание и господство из метрополии над «низшими» («inferior»), но полностью вбирает

¹ Locke J. Two treatises on government / Ed. by P. Laslett. New York: Cambridge University Press, 1988. P. 180.

² Ibid. P. 178.

в себя преобразование «отсталых» изнутри — через аграрный труд, сегрегацию и европейское «образование» — все это под пристальным наблюдением колониальных властей.

Вторым ключевым различием между современным империализмом и колониализмом является их векторность: в то время как первый всегда направлен против иностранных народов и земель, второй также может быть направлен против местного населения, считающегося отсталым: неимущих и/или нерациональных европейцев, отправляемых во внутренние колонии в пределах границ собственного государства с конца XVIII по начало XX в.

В этой части работы приводится другой представитель истории политической мысли Иеремия Бентам, ставшим в свое время первым заступником внутреннего колониализма¹ в эссе 1797 г. «Совершенствование учета и контроля за бедными слоями населения» («*Pauper Management Improved*»), в котором он изложил масштабную национальную схему паноптикума для беднейших слоев населения. В его представлении все обнищавшее население было бы отправлено в колонии на пустырях в сельской местности и занято сельскохозяйственным трудом с целью благоустройства земли и самосовершенствования. Контролируемые акционерной компанией, а не государством, эти колонии должны были приносить прибыль своим частным инвесторам. Подобно Локку, Бентам защищает этические (большее счастье) и экономические преимущества (прибыль) внутренних колоний, открыто выступая как против империализма, так и, на протяжении большей части своей жизни, против колониализма поселенцев.

Стремясь еще более четко показать различие между колониализмом и империализмом, автор обращается к наследию Букера Таяля-ферро Вашингтона, Л.Н. Толстого и П.А. Кропоткина. Он отмечает, что для всех троих колонии были средством, используемым для борьбы с расизмом или капитализмом, частной собственностью и государством соответственно. Так, Вашингтон утверждал, что добровольное разделение колоний между освобожденными рабами-афроамериканцами позволяет им не только развивать частную собственность в условиях равенства и свободы, но и демонстрировать свою способность ко всем аспектам гражданства² [с. 10]. Колонии

¹ Бентам не первый, кто отстаивает это, — Артур Янг и сэр Джон Синклер сделали это раньше, но его предложение было всеобъемлющим в том смысле, что это была национальная схема колоний или паноптикумов на «незанятой» земле для всех бедняков. — *Примеч. ред.*

² *Washington B. T.* 1912. The rural negro community // *Annals of the American Academy of Political and Social Science Society.* 1912. № 40. P. 81–89.

духоборов в Канаде, чьему переезду из Российской империи содействовали Л.Н. Толстой и П.А. Кропоткин, основывались на аграрном труде и благоустройстве «незанятых» земель. Они также служили средством достижения радикальных политических целей: распространению идей анархизма, пацифизма, коллективной собственности. Оба примера показывают, что колонии с определенными ограничениями можно было описывать в терминах оспаривания господства, а не содействия ему [с. 11].

Последним и наиболее важным отличием колониализма от империализма является характер власти. Империализм коренится, по крайней мере первоначально, в завоевании. Европейские империи с XVI по XVIII в. использовали естественное право войны, чтобы претендовать на обширные территории завоеванных земель. Главной обязанностью подданных империи было повиновение высшей расе и метрополии.

Главной целью было достижение и преумножение экономического и политического процветания империи, а не улучшение положения людей или земель.

Колониализм, с другой стороны, с самого начала брал свое начало из производительной формы власти: колонизаторы живут среди колонизируемых, которые рассматриваются скорее как «отсталые», чем как низшие. Тем не менее автор указывает и негативные аспекты проводимой поселенцами колониальной политики, как, например, геноцид, по мере того как колонизация расширяет свои масштабы, а коренные народы продолжают сопротивляться власти, осуществляемой над ними и их территориями [с. 12].

Далее в статье говорится об эволюции рассматриваемых явлений, исходя из исторического контекста XIX и начала XX в., что приводит к их наложению и пересечению. Автор отмечает несколько тому способов: во-первых, замена европейскими империями собственных завоеваний призывами к цивилизаторским миссиям, прогрессу и/или демократии, продвигаясь таким образом к колониалистскому принципу совершенствования тех, кто считается отсталым; во-вторых, переосмысление империализма в начале XX в. европейскими критиками имперской власти — Джоном Хобсоном и В.И. Лениным — как международной системы капиталистической эксплуатации и принудительного отчуждения на поздней стадии, а не господства конкретной метрополии над конкретным территориальным владением или колонией. Так, подчеркивается, что даже при критике империализма у Ленина присутствует колониальный язык «отсталости» при описании колонизированных народов и стран. В «Империализме:

высшей стадии капитализма» он пишет об «отсталых странах» и «отсталом состоянии сельского хозяйства»¹.

К XX в. новое определение империализма как международной системы капиталистической экономики, отстаиваемое Лениным и Хобсоном, было принято многими индийскими и африканскими странами, которые рассматривали свою собственную борьбу как антиколониалистскую — изгнание определенных держав со своих территорий — в рамках этой более крупной системы. Таким образом, империализм одновременно отличался от колониального угнетения и был связан с ним [с. 14].

Период после Второй мировой войны ознаменовал полное отождествление колониализма и империализма, что было обусловлено прежде всего созданной системой ООН и развивающимися в ее рамках процессами деколонизации народов Африки и Азии.

В статье отмечено создание ст. 1 Устава ООН (самоопределение) и ст. 73 и 74 («Декларация в отношении несамоуправляющихся территорий»), «запустивших» международный процесс достижения национального самоопределения и одновременно — дискуссию вокруг «тезиса о соленой воде» («salt water thesis»). Второй этап в объединении исследуемых явлений ознаменовала собой Бандунгская конференция 1955 г., прошедшая на общей платформе антиимпериализма и антиколониализма. Тогда уже «тезис о соленой воде»² был использован в качестве основного критерия и в дальнейшем закреплен в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 1514 от 1960 г. [с. 16].

Новое определение колониализма как заморского господства также оказало огромное влияние на научные круги в 1960-х и 1970-х гг., когда ученые, критикующие колониальную власть, объединились вокруг господства как единственной наиболее важной характеристики колониализма [с. 18].

Исходя из этого, автор приводит четыре ключевые проблемы колониализма, определяемого как заморское господство и являющегося синонимом империализма.

1. Колониализм, понимаемый через «тезис о соленой воде», исключает:

¹ *Lenin V. Imperialism: The last stage of capitalism. London: Communist Party of Great Britain, 1917 (published in English in 1926).*

² Согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1541, «несамоуправляющимися территориями» считаются только те территории, которые расположены отдельно и отличаются в этническом и культурном отношении от управляющей страны. То есть вопреки попыткам отдельных западных экспертов представить центральноазиатские республики бывшего СССР колониями, они не могут считаться таковыми уже хотя бы потому, что не удовлетворяют тесту «соленой воды». — *Примеч. реф.*

- а) поселенческие колонии и коренные народы;
- б) внутренний колониализм и тех, кто подвергся ему.

2. Ключевые принципы, такие как сегрегация, труд / «незаняты» земли и совершенствование, которые долгое время определяли поселенческий и внутренний колониализм как идеологию, исчезают из анализа антиколониальных и постколониальных ученых, а также из теоретизирования о том, что представляет собой деколонизация.

3. Способность анализировать особый вид власти, присущий колониализму, в отличие от имперской мысли и практики, ограничена.

4. Колониализм, который в настоящее время определяется главным образом как господство, приобретает огромную риторическую силу, которую могли бы использовать всевозможные ученые / активисты, ищущие мощный негативный термин для описания множества несправедливостей. Деколонизация одновременно становится метафорой сопротивления всем этим различным формам господства, что уводит анализ от реальных исторических колониальных практик и тех, кто им подвержен¹.

Таким образом, проведение различия между колониализмом и империализмом важно для выявления различных нитей в истории политической мысли и практического анализа власти, встраивающейся в колониальные процессы и институты и присущей как самой идеологии, так и ее ключевым принципам.

*З.В. Мамаев*²

---

¹ Tuck E., Yang W. Decolonization is not a metaphor // Decolonization: Indigeneity, education and society. 2012. № 1. P. 1–40.

² **Захар Вячеславович Мамаев** — студент магистратуры (2023–2025) факультета мировой политики; магистерская программа «Региональные проблемы мировой политики».

ДОРУССЕН Х., БЕМЕЛЬТ Т., КЛЕЙТОН Г.
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ МИРОТВОРЧЕСТВО
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ
И ОПЕРАЦИИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА

DORUSSEN H., BÖHMELT T., CLAYTON G. Sequencing United Nations peace-making: Political initiatives and peacekeeping operations // Conflict Management and Peace Science. 2021. Vol. 39. № 1. P. 24–48.

Ключевые слова: операции по поддержанию мира; Организация Объединенных Наций; политические инициативы; решение конфликтов; урегулирование конфликтов.

Организация Объединенных Наций — крупнейшая международная организация, в задачи которой входит поддержание мира и безопасности. За время ее существования был разработан ряд миротворческих инструментов, включающих в себя политические инициативы (дипломатические, технократические, миссии политического развития) и миротворческие операции. Миротворческая деятельность ООН рассматривалась во множестве научных работ, однако фокус внимания исследователей был направлен преимущественно на операции, применяющиеся в «тяжелых» случаях, когда государство уже не способно самостоятельно разрешить сложившуюся ситуацию. Ситуации, в которых миротворческие силы не были задействованы, зачастую преподносились так, будто участия ООН не было вовсе. Обратив внимание на этот дисбаланс в освещении миротворческой деятельности ООН, авторы данной статьи — Хан Доруссен (Эссекский университет, г. Колчестер, Великобритания), Томас Бемельт (Эссекский университет, г. Колчестер, Великобритания), Говинда Клейтон (Швейцарская высшая техническая школа Цюриха, г. Цюрих, Швейцария) выбрали в качестве объекта своего исследования формы политических инициатив и операций ООН.

Цель исследования заключалась в изучении различных типов миротворческих инициатив ООН, условий их выбора, а также взаимосвязи между выбором типа инициативы и дальнейшими действиями, предпринимаемыми для разрешения конфликта. В соответствии с поставленной целью необходимо было: выделить типы миротворческих инициатив ООН; проанализировать причины выбора той или иной формы вмешательства в конфликт; описать влияние избранной формы вмешательства на дальнейшие шаги по разрешению конфликта.

Изучив миротворческие операции и политические инициативы ООН с 1946 г., авторы выделили четыре типа политических инициатив и операций ООН, отличающиеся по характеру целей, вовлеченных акторов и объектам применения [с. 25–27].

Дипломатические миссии. Цель — организация диалога между сторонами конфликта. Основными акторами в данном случае выступают специальные и личные посланники, представители Генерального секретаря либо посредников. В качестве примера авторы приводят реакцию ООН на кризис в Ракхайне (Мьянма, 2018 г.) [с. 25].

Технократические миссии представляют собой участие групп, комитетов и комиссий технических экспертов ООН, консультирующих или поддерживающих миротворческую деятельность. Пример — группа экспертов по Ирану, предоставлявшая Совету Безопасности сведения об иранской ядерной программе [с. 25].

Миссии по политическому развитию являются операциями внутри конкретного государства, направленными на содействие политическим преобразованиям и поддержание мирных процессов. Масштабы и область их применения могут различаться: от небольших гражданских миссий в Бурунди и Гаити до многоаспектных задач государственного строительства в Афганистане [с. 25].

Операции по поддержанию мира, которые носят преимущественно военный характер и направлены на взаимодействие и управление между вооруженными силами сторон конфликта [с. 27].

Определяя основные критерии выбора типа миротворческой инициативы, авторы утверждают, что выбор зависит, в первую очередь, от «цены» вмешательства в конфликт и стремления как непосредственных участников конфликта, так и ООН снизить свои затраты. Политические инициативы применяются прежде всего в тех ситуациях, когда конфликт еще не обострился до вооруженного противостояния или же после последних боевых действий прошел длительный период времени. Государства, участвующие в длительных конфликтах, с большей вероятностью предпочтут политические инициативы миротворческим операциям. В качестве примера действия подобной логики авторы приводят Тимор-Лешти, где политические инициативы предшествовали миротворческим операциям. Фактически ООН следует «эскалационному» принципу при выборе миротворческой инициативы: если определенные меры уже приняты, но столкновения продолжаются, новые, более дорогостоящие усилия будут произведены с большей вероятностью [с. 27–28]. Таким образом, увеличение угрозы мировому сообществу приводит к расширению миротворческой инициативы.

Авторы выделяют три фактора, определяющих направленность миротворческих инициатив ООН: процесс одобрения инициативы соответствующим органом ООН; финансирование и снабжение персоналом; согласие сторон конфликта. Немаловажную роль играет оценка потенциальных затрат на инструменты управления конфликтами. Наиболее сложно реализовать меры посредничества и укрепления мира — стороны охотно несут затраты только в том случае, если издержки эскалации конфликта очевидно оказываются выше [с. 28].

Ранжируя инструменты миротворческой деятельности ООН по их стоимости, Х. Доруссен, Т. Бемельт и Г. Клейтон ссылаются на работу Дерека Фрейзера и Уильяма Диксона¹, выделявших такие категории вмешательства третьей стороны в конфликт, как словесные выражения, дипломатические подходы, юридические и судебные процессы, гражданская и административная помощь, а также военное вмешательство. Каждая из категорий подразделяется на определенные стратегии и подходы. Кроме того, применяется классификация мер по их стоимости (автор — Эндрю Овсяк²) и по уровню эскалации конфликта (автор — Молли Мелин³). Обобщая все рассмотренные выше концепции, авторы предлагают свою классификацию, выделяя операции по поддержанию мира как наиболее дорогостоящие в терминах Э. Овсяка и относящиеся к наивысшему уровню эскалации в рамках типологии М. Мелин. При этом они исходят из гипотезы об определяющей роли стоимости операции при выборе типа миротворческой инициативы [с. 28–29].

Политические миссии ООН в сравнении с военными недороги — если в полевых операциях участвует около 500 человек, то при специальном посланнике находится приблизительно 50 сотрудников. На военные же операции приходится большая часть бюджета ООН. Существующие военные миссии размещают до 20 тыс. сотрудников и имеют годовой бюджет до 1 млрд долл. Кроме того, военные операции сопряжены с высоким риском, а неспособность миротворцев защитить гражданское население может привести к политическому и репутационному ущербу [с. 30].

Политические миссии сопряжены с гораздо меньшими рисками. Однако политические инициативы во многом зависят от готовности

¹ *Frazier D.V., Dixon W.J.* Third-party intermediaries and negotiated settlements, 1946–2000 // *International interactions*. 2006. Vol. 32. № 4. P. 385–408.

² *Owsiak A.P.* Conflict management trajectories in militarized interstate disputes: A conceptual framework and theoretical foundations // *International studies review*. 2014. Vol. 16. P. 50–78

³ *Melin M.M.* Escalation in international conflict management: A foreign policy perspective // *Conflict management and peace science*. 2015. Vol. 32. P. 28–49.

сторон конфликта к участию в мирном процессе, а также желания непосредственных участников боевых действий соблюдать требования достигнутых соглашений. Получение согласия на участие в переговорах является крайне сложной задачей, юридически согласие также может быть отозвано. По мнению авторов, политические инициативы более предпочтительны в тех ситуациях, когда угроза международному миру и стабильности очевидна, но недостаточна для вмешательства Совета Безопасности [с. 30–31].

В следующем разделе статьи авторы переходят к оценке влияния предыдущих решений на выбор типа миротворческой инициативы. Первоначальные действия зависят от решимости миротворца, в то время как последующие уже находятся под влиянием опыта предыдущих вмешательств. В основе миротворческих инструментов ООН лежит «эскалационная» логика — чем дольше продолжается вмешательство ООН, тем более дорогостоящие методы будут избраны. После начала вмешательства ООН вынуждена будет или поддерживать вмешательство, или расширять его, так как стороны конфликта продолжают полагаться на ООН в ходе мирного процесса. По мнению авторов, это также способствует эскалации. Для определения дальнейших действий, в том числе, может использоваться информация от технических миссий ООН. В большинстве же случаев соглашения удастся добиться только после начала военной операции. На установлении мира задачи ООН не заканчиваются — зачастую необходимо вмешательство в целях демилитаризации и установления безопасности в бывшей зоне боевых действий. Отсюда авторы выводят тезис об эскалации политических миссий до технократических и далее до более дорогостоящих [с. 31–32].

При проведении исследования использовались данные о 462 миротворческих инициативах, предпринятых впервые в ходе того или иного конфликта. Из статистических данных были исключены военные операции, рассматривались только дипломатические, технические и политические меры. В результате было проанализировано 139 операций по поддержанию мира, 104 меры политического вмешательства, 41 дипломатическая инициатива и 130 технических миссий. Авторы вывели формулу оценки миротворческих мер исходя из «эскалационной» логики, рассматривая изменение стоимости миротворческих инициатив. Кроме того, в формуле учитываются периоды боевых действий в ходе конфликта, военная история сторон конфликта, объемы ВВП на душу населения, численность населения по данным Всемирного банка за 2018 г., а также общее количество миротворческих операций ООН за определенный год. Также авторы

статьи определяют вероятность начала военной миротворческой операции — активные боевые действия увеличивают вероятность военного вмешательства на 30%, тогда как длительные периоды мира склоняют ООН к выбору политических инициатив [с. 33–36].

Было установлено, что наличие богатой военной истории у сторон конфликта снижает вероятность начала военной операции на 22% в сравнении со странами, ранее не сталкивавшимися с конфликтами. Этот вывод опроверг изначальное предположение авторов о том, что страны с богатой военной историей оказываются вовлечены в более «тяжелые» случаи конфликтов [с. 37].

В случаях когда отмечается вариант военного вмешательства, активный ход конфликта снижает вероятность начала технической миссии в сравнении с политическими инициативами. Другие же типы миротворческих инициатив не имеют серьезных статистических различий, основной раскол происходит между военными и невоенными типами вмешательства. Густонаселенные страны являются более привлекательными для начала политических миссий, большая численность населения также является определяющим фактором для технических миссий. Вероятность начала военной операции увеличивается, если в тот же год уже проводились другие военные операции [с. 37].

Оценивая влияние того или иного типа миротворческой инициативы, авторы пришли к выводу, что политические инициативы редко приводят к расширению вмешательства, чего нельзя сказать о технических миссиях. Миссии по политическому развитию, напротив, приводят к деэскалации, и им на смену приходят технические миссии, однако общая вероятность деэскалации крайне мала. К началу военной операции приводят скорее политические миссии, нежели какие-либо другие.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

При разрешении конфликтов ООН применяет широкий спектр инструментов поддержания мира, их выбор зависит в первую очередь от размеров финансирования и согласия принимающих сторон.

Инструменты поддержания мира включают в себя не только миротворческие операции, но также политические, технические и миссии по политическому развитию.

В основе миротворчества ООН лежит «эскалационная логика» — если в прошлом для разрешения конфликта предпринимались какие-либо действия, то с большей вероятностью будут предприняты новые и более дорогостоящие действия. В ряде случаев возможно снижение

интенсивности вмешательства в конфликт, однако такая вероятность крайне мала.

На выбор инструмента поддержания мира влияет множество факторов, включающих в себя военную историю сторон конфликта, экономические и демографические показатели, а также проведение военных миротворческих операций в период конфликта.

В заключение авторы намечают перспективы развития заявленной ими темы. Будущие исследования могут учитывать больше факторов, влияющих на начало проведения миротворческих инициатив. Целесообразно расширить список используемых методов, применив анализ социальных сетей или же анализ последовательностей, что позволит обнаружить новые факторы, влияние которых ранее считалось несущественным. Кроме того, в исследовании может быть поставлен вопрос об эффективности политической миссии как инструмента управления конфликтами [с. 44].

*И.Ю. Концевенко*¹

---

¹ **Илья Юрьевич Концевенко** — студент магистратуры (2021–2023) факультета мировой политики; магистерская программа «Международная безопасность».

Юэ Л. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В XXI ВЕКЕ: ПРИНЦИПЫ И ВЫЗОВЫ

YUEN L. Economic diplomacy in the 21st century: Principles and challenges // LSE IDEAS STRATEGIC UPDATE. L., 2020. P. 1–12

Ключевые слова: экономическая дипломатия; США; Китай; внешнеэкономическая деятельность; великие державы.

В статье адъюнкт-профессора экономики Лондонской школы бизнеса, председателя Комиссии по экономической дипломатии Лондонской школы экономики и политических наук и приглашенного профессора *LSE IDEAS*¹ Линды Юэ «Экономическая дипломатия в XXI веке: принципы и вызовы» рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается экономическая дипломатия на современном этапе. С точки зрения автора, большая их часть обусловлена изменениями в мировой экономике, возрастанием напряженности в отношениях между США и Китаем, а также негативной реакцией общества на глобализацию.

В качестве основных двигателей экономического роста автор рассматривает США и Китай. Благодаря их ничем не прикрытой конкуренции в политическую повестку дня вернулось такое выражение, как «соперничество между великими державами». Проведение экономической дипломатии, под которой подразумевается управление страной своими внешнеэкономическими отношениями (включая торговлю и инвестиции), должно адаптироваться под современные реалии.

Для того чтобы смягчить негативные последствия от напряжения между США и Китаем, другим государствам также следует влиться в глобальную экономику. В рамках экономической дипломатии необходимо стремиться найти баланс между коммерческой открытостью и стратегическими целями внешней политики, утверждает автор и последовательно рассматривает пять принципов экономической дипломатии, которые правительствам стран необходимо учитывать [с. 3].

Первый принцип заключается в том, что разработка торговой и инвестиционной политики должна оптимально позиционировать страну в глобальной экономике, в которой все большее место занимает торговля услугами и данными. Особую роль в поддержании «неви-

---

¹ LSE IDEAS — Аналитический центр по внешней политике Лондонской школы экономики и политических наук. — *Примеч. реф.*

димого баланса» (термина, обозначающего трансграничную торговлю нематериальными активами, которая варьируется от бизнес-услуг до электронных книг) в глобальной экономике играет рост торговли услугами и цифровизация торговли. В рамках Всемирной торговой организации (ВТО) тарифы на промышленные товары значительно снизились и являются довольно невысокими для большинства товаров, однако все еще существуют возможности для их дальнейшего снижения и расширения рынков.

ВТО большое внимание уделяет нетарифным мерам, которые могут принимать форму налогов на цифровые услуги, а также другим нормативным актам и лицензиям. Многие из них могут быть полезными с точки зрения налоговой политики и политики конфиденциальности, но они также могут выступать в качестве препятствий для любой торговли, если их не координировать должным образом.

Для стран с экономикой, которая основывается на услугах, соглашения о зоне свободной торговли (ССТ) должны будут охватывать различные регулирующие правила и стандарты. В мировом масштабе это представляет некоторые трудности, ведь экономики США, Китая и стран ЕС и других государств отличаются своими правовыми и регулирующими системами. В таком случае есть вероятность того, что мир сможет разделиться на блоки, где разные группы стран будут придерживаться различных технологических и других стандартов, создавая перспективу фрагментации глобальной торговой системы.

Автор предлагает использовать многосторонний подход правовой защиты по примеру Соглашения о торговле услугами (TiSA)¹, продвижение которого было прервано из-за смены администрации США и неприсоединения Китая к этим переговорам. Достижение глобальной либерализации экономики представляется трудным, если экономические сверхдержавы не проявят желания участвовать в переговорах. Однако эскалация экономического противостояния США и Китая сделала эту цель практически недостижимой даже в присутствии сверхдержав [с. 4].

Второй принцип гласит, что в эпоху обострения напряженности основы экономической дипломатии должны быть прозрачными и понятными. Структура должна быть основана на коммерческой открытости, согласуемой с целями внешней политики страны, целями

---

¹ Соглашение о торговле услугами (Trade in Services Agreement, TiSA) — предложенное в 2012 г. на встрече в Женеве торговое соглашение между 23 сторонами, среди которых были Европейский союз, Великобритания и США. Целью соглашения являлась либерализация таких торговых услуг, как банковские услуги, здравоохранение и транспорт. — *Примеч. редф.*

безопасности и другими соответствующими политическими целями. Для снижения неопределенности необходима разработка способов анализа иностранных инвестиций. Прозрачность позволит снизить тенденцию к использованию торговых мер для разрешения политической или другой коммерческой напряженности. Этот принцип будет полезным, в особенности для тех государств, которые не доверяют друг другу. К таким относятся США и Китай, Корея и Япония, где торговые споры не отделены от политических и даже исторических споров [с. 3–4].

Третий принцип означает, что любая внешнеэкономическая политика должна определяться внутренними факторами. С точки зрения оценки влияния на жизнь общества между внешней и внутренней экономической политикой не должно существовать различий. Негативная реакция на глобализацию выражается в том, что торговля приносит убытки, несмотря на выигрыш страны в целом. Соглашения о свободной торговле, инвестиционные соглашения и любая внешнеэкономическая политика должны учитывать все последствия для заработной платы и занятости населения. Так, в каждое предлагаемое торговое и инвестиционное соглашение можно включить оценку его влияния на общество. Это позволит понять, следует ли заключать такое соглашение.

Кроме того, важно учитывать внутреннюю фискальную политику, в частности налоги и государственные расходы, которые важны не только потому, что они являются основными инструментами политики перераспределения, но и потому, что трудно отделить влияние торговли от других факторов, таких как автоматизация.

Следствием автоматизации является вытеснение с рынка рабочей силы работников со средним доходом и работников средней квалификации. В условиях глобализации возникает большая необходимость в инвестировании в знания и навыки этих работников, чтобы они могли лучше адаптироваться к меняющейся экономике, которая будет определяться глобализацией и, особенно, технологическими изменениями. Государствам необходимо учитывать быстроразвивающиеся экономические тенденции при подготовке кадров [с. 5].

Четвертый принцип заключается в том, что национальные цели должны лежать в основе торговой и инвестиционной политики государства. Специализация на конкретном производстве может помочь стране повысить свою эффективность развития. Государство может повысить производительность труда в отраслях, нуждающихся в более высококвалифицированных работниках, чтобы сформировать свое сравнительное преимущество. Для предотвращения специали-

зации страны на отраслях с низкой добавленной стоимостью необходимо выстроить такую внутреннюю политику, которая будет поддерживать инновации и совершенствование профессиональных навыков.

Для достижения этих целей внешнеэкономическая политика должна способствовать развитию конкурентоспособной национальной экономики, которая поддерживается торговлей и иностранными инвестициями. В качестве примера можно привести сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), который способен привлекать иностранные инвестиции, а также поддерживать экспорт. Таким образом, для привлечения инвестиций из других стран необходимо развивать сферу ИКТ. При наличии поддержки со стороны государства и благоприятной экосистемы этот сектор сможет стать ресурсом конкурентоспособности, которая будет усиливаться за счет роста международной торговли и инвестиций. Однако без такого ресурса конкурентоспособности возможности внешнеэкономической политики ограничены, поскольку правительство не может продавать за рубежом то, чем оно не обладает в избытке [с. 6].

Пятый принцип гласит, что привлекательность страны как международного центра или благоприятного места для ведения бизнеса во многом зависит от ее управления и государственных институтов, а также от ее культуры и ценностей. Государствам необходимо развивать свою «мягкую силу», чтобы привлекать потенциальных партнеров. Автор считает, что не следует недооценивать воздействие «мягкой силы», способной улучшить имидж страны.

Экономическая дипломатия несводима просто к экономическим переговорам, это одновременно построение проекции ценностей, которые характеризуют общество. Большим доверием будут пользоваться те страны, которые соблюдают правила, ведут справедливую и прагматичную политику. Вопрос о том, как интегрировать «мягкую силу» во внешнеэкономическую политику государства, является проблемой. Необходимо задействовать гражданское общество, а также благотворительные и неправительственные организации, культурные учреждения. Включение этих заинтересованных сторон в формирование и функционирование внешнеэкономической политики страны может способствовать укреплению и продвижению «мягкой силы». Аналогичным образом следует привлекать и другие заинтересованные стороны, такие как бизнес, профсоюзы, органы защиты прав потребителей и т.д. Стоит отметить, что ряд крупных транснациональных компаний уже использует свою собственную версию экономической

дипломатии, так как в большинстве случаев они имеют опыт работы с правительствами различных стран мира [с. 6–7].

Автор задается вопросом о том, должна ли экономическая дипломатия страны играть глобальную роль. Некоторые аспекты мировой экономики, такие как замедление многосторонних торговых переговоров и важность скоординированных действий в отношении глобальных общественных благ, указывают на необходимость в этом [с. 7].

В заключение необходимо отметить, что роль дипломатии во внешнеэкономической политике еще не обрела такого признания, как соглашения о зоне свободной торговли и инвестиционные договоры, однако Линда Юэ считает, что «мягкая сила» и экономическая дипломатия могут послужить не только во благо развития одной отдельно взятой страны, но и всей глобальной экономической системы. Государствам необходимо выстраивать внешнюю и экономическую политику таким образом, чтобы это соответствовало ценностям их обществ. Торговая и инвестиционная политика должна быть последовательной, способной улучшить внутреннюю экономическую политику.

Глобальная экономика XXI в. открывает большие возможности, а также вызовы для экономической дипломатии. Именно в периоды сложных экономических потрясений происходит выстраивание нового консенсуса вокруг принципов, которые должны регулировать отношения страны с другими странами. Это может способствовать укреплению международной экономической системы в целом [с. 8].

*М.Р. Зайцев*¹

---

¹ **Михаил Романович Зайцев** — студент магистратуры (2021–2023) факультета мировой политики; магистерская программа «Международная безопасность».

ХЕЙВОРД К. «ГИБКОЕ И ТВОРЧЕСКОЕ»: ВКЛЮЧЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ В СОГЛАШЕНИЕ О ВЫХОДЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИЗ ЕС

HAYWARD K. «Flexible and imaginative»: The EU's accommodation of Northern Ireland in the UK-EU Withdrawal Agreement // Queen's University, Belfast, UK. *International Studies*. 2021. Vol. 58. № 2. P. 201–218.

Ключевые слова: Соглашение Страстной пятницы 1998 г. (Белфастское соглашение); управление границами; динамическое соответствие; многоуровневое управление; Протокол по Ирландии/Северной Ирландии; Соглашение о выходе (Великобритании из ЕС).

Белфастское соглашение (Соглашение Страстной пятницы) 1998 г., ознаменовавшее окончание переговорного процесса по вопросу разрешения североирландского конфликта на институциональном уровне, официально оформило позицию Северной Ирландии как региона, неразрывно связанного и с Великобританией, и с Ирландской Республикой. Многоуровневое управление и трансграничное сотрудничество стали возможны благодаря общему членству Соединенного Королевства и Ирландии в Европейском союзе, однако решение Лондона покинуть ЕС спровоцировало повторную эскалацию напряженности вокруг вопроса об ирландской границе, что повлекло за собой риски политического и экономического характера [с. 201].

В фокусе внимания автора настоящей статьи — профессора Университета Квинс в Белфасте Кэти Хейворд — динамика взаимоотношений Соединенного Королевства и Европейского союза после *Brexit* в контексте урегулирования североирландской пограничной проблемы. Предмет исследования — договоренности, установленные в рамках Протокола по Ирландии/Северной Ирландии¹ при выходе Великобритании из ЕС. Цель работы заключалась в определении специфики и политического значения того решения, что в конечном счете было найдено Соединенным Королевством и ЕС для реализации их совместного замысла по предотвращению установления «жесткой» ирландской границы. В соответствии с поставленной целью было необходимо решить следующие задачи: выявить, чем обусловлена важность поддержания открытости международной границы

¹ Protocol on Ireland and Northern Ireland [Electronic resource] // European Commission Available at: https://ec.europa.eu/info/european-union-and-united-kingdom-forging-new-partnership/eu-uk-withdrawal-agreement/protocol-ireland-and-northern-ireland_en (accessed: 06.03.2024).

на острове; изучить возможные сценарии разрешения проблемы; рассмотреть положения Протокола по Ирландии/Северной Ирландии и механизмы управления им; проанализировать, что означает Протокол для ЕС и почему его принятие стало беспрецедентным вызовом для интеграционного объединения.

29 марта 2017 г. премьер-министр Великобритании Тереза Мэй в именном письме для главы Евросовета Дональда Туска официально уведомила о начале процедуры выхода страны из ЕС в соответствии со ст. 50 Договора о Европейском союзе¹. Был подготовлен ряд руководящих принципов, среди которых обеими сторонами признавалась важность поддержания мирного процесса в Северной Ирландии и сохранения прозрачной границы между Соединенным Королевством и Ирландской Республикой, с тем чтобы не нарушать условия Белфастского соглашения 1998 г. [с. 202]. Впоследствии это приняло форму Протокола по Ирландии/Северной Ирландии, который был включен в ратифицированное в январе 2020 г. Соглашение о выходе Великобритании из ЕС². Установление физической сухопутной границы на острове предопределило бы нарушение Белфастского соглашения, заложившего основы трансграничного институционального сотрудничества между двумя странами в таких областях, как сельское хозяйство, здравоохранение, продовольственная безопасность и т.д., и спровоцирует повторный всплеск сепаратистских настроений Северной Ирландии [с. 203]. Отметим, что прозрачная граница между Соединенным Королевством и Ирландской Республикой обещает двусторонние перспективы экономического роста, поскольку допускается транспортировка товаров и сырья без таможенных проверок. Наличие пропускных пунктов не только усложнило бы повседневную жизнь приграничных регионов, работу бизнеса и передвижение людей, но стало бы для многих символической отсылкой к временам насилия и «Смуты». Исходя из этого, Лондон и Брюссель должны были найти способ управления ирландской границей после *Brexit* таким образом, чтобы максимально сохранить условия интеграции и стабильности в регионе. Однако переговорный процесс осложнялся несовпадением подходов сторон: в то время как Соединенное Коро-

---

¹ Treaty on European Union // Official Journal of the European Union Available at: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (accessed: 06.03.2024).

² Draft Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community // GOV: UK. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/691366/20180319_DRAFT_WITHDRAWAL_AGREEMENT.pdf (accessed: 06.03.2024)..

левство стремилось перейти к обсуждению будущей формы отношений, ЕС настаивал на первостепенном согласовании условий выхода. По этой причине переговоры были разбиты на два этапа. Первый этап был посвящен вопросам выхода: аспекту прав граждан ЕС в Великобритании (и наоборот), финансовому урегулированию и т.д. Второй этап выделялся для очерчивания рамок и формы будущих отношений. Но осознание Евросоюзом того факта, что его правила по управлению внешней границей не будут работать на острове после *Brexit*, подогрело опасения ЕС в том, что избегание «жесткой границы» фактически предоставит Великобритании возможность подорвать правовой режим объединения. В связи с этим возникло понимание, что данный вопрос необходимо рассматривать отдельно [с. 204].

Определение мер для достижения цели по поддержанию прозрачной границы стало одним из краеугольных аспектов в переговорах между Лондоном и Брюсселем. В Совместном докладе о прогрессе¹ 2017 г. были изложены три сценария достижения общей цели сторон: намерение Лондона избежать появления жесткой ирландской границы в рамках будущих отношений между Соединенным Королевством и ЕС; разработка «специальных предложений» с учетом уникальных обстоятельств проблемы. При отсутствии альтернативных договоренностей по таким предложениям предусматривалось, что Соединенное Королевство будет придерживаться правил Европейского единого рынка и Таможенного союза ЕС, которые поддерживают сотрудничество Север—Юг, экономику всего острова и обеспечивают защиту Соглашения 1998 г. Спустя 11 месяцев обсуждений в ноябре 2018 г. Великобритания и ЕС анонсировали Соглашение о выходе, в котором Протокол по Ирландии/Северной Ирландии был описан как бэкстоп («backstop»)² — страховочный механизм, позволяющий реализовать на практике третий сценарий. Однако обязательство соответствовать правилам ЕС даже в ограниченном масштабе вызвало решительные возражения большинства членов палаты общин Вели-

¹ Joint Report from the negotiations of the EU and the UK Government on progress during phase 1 of negotiations under Article 50 TEU on the UKs orderly withdrawal from the EU // GOV. UK Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/665869/Joint_report_on_progress_during_phase_1_of_negotiations_under_Article_50_TEU_on_the_United_Kingdom_s_orderly_withdrawal_fromthe_European_Union.pdf (accessed: 06.03.2024).

² «Бэкстоп» (backstop) предусматривает возможность для Северной Ирландии остаться частью Единого европейского рынка и Таможенного союза ЕС после *Brexit* до тех пор, пока Лондоном и Брюсселем не будут разработаны решения, обеспечивающие открытость границы.

кобритании, и они трижды проголосовали против Соглашения о выходе. Со сменой премьер-министра в июле 2019 г. формулировки британского правительства стали еще более жесткими и ход переговоров изменился. Пересмотренное Соглашение о выходе, объявленное премьер-министром Борисом Джонсоном и президентом Комиссии Жан-Клодом Юнкером в октябре 2019 г., включая новый Протокол по Ирландии/Северной Ирландии, было ратифицировано в январе 2020 г. На этот раз был взят курс на реализацию второго сценария, предусмотренного Совместным докладом: для Северной Ирландии должны быть выработаны «специальные решения» во избежание сухопутной границы на острове [с. 204–205]. Однако вне всяких сомнений то, что новый пограничный контроль между Великобританией и ЕС теперь будет осуществляться в пределах Соединенного Королевства между Северной Ирландией и остальной британской территорией.

Главным достижением в реализации второго сценария можно считать пересмотренный Протокол по Ирландии/Северной Ирландии, представляющий собой законодательную базу, регламентирующую особое правовое положение региона в постбрекзитный период, а именно статус субъекта, являющегося одновременно частью таможенного пространства Соединенного Королевства и сохраняющего за собой доступ к единому рынку и таможенной зоне ЕС. На практике это означает, что граница проходит по Ирландскому морю и она должна управляться и контролироваться властями Великобритании, хотя и с «присутствием» мониторинга ЕС. Таким образом, Северная Ирландия обязывается продолжать следовать правилам и положениям ЕС, влияющим на торговлю товарами, включая соблюдение стандартов качества продукции, санитарных и фитосанитарных мер, а также правил ЕС, регулирующих оптовые рынки электроэнергии. Значительной уступкой ЕС можно считать включение в Протокол механизма «предоставления или отказа в согласии» на применение статей 5–10¹. Предполагается, что 90 членов Законодательной Ассамблеи Северной Ирландии будут проводить голосование каждые четыре года по вопросу о дальнейшем применении этих статей. В случае если большинство проголосует за прекращение их действия, Объединенный комитет Великобритании и ЕС, осуществляющий надзор

---

¹ Статьи 5–10 Протокола по Ирландии / Северной Ирландии охватывают таможенную, перемещение товаров, налог на добавленную стоимость (НДС), внутренний рынок Великобритании, технические регламенты (которые перечислены в приложении 2 в виде примерно 287 законодательных актов ЕС) и единый рынок электроэнергии на острове Ирландия.

за Соглашением о выходе (и Протоколом, в частности), должен дать рекомендации по вопросу недопущения жесткой границы на острове. Стало быть, будущее единого рынка и Таможенного союза каждые четыре года будет поставлено в зависимость от голосов избранных представителей в регионе за пределами ЕС. Эта уступка обеспечивает баланс между осуществлением Протокола с предоставлением гарантий по защите правового режима единого рынка ЕС и недопущением слишком сильного давления на этот экономически и политически нестабильный регион [с. 206–207]. Однако в сферу действия Протокола входит также регулирование других областей: Соединенное Королевство обязуется не ограничивать права, гарантии и равенство возможностей, предусмотренные в Соглашении 1998 г. Кроме того, в ст. 11 Протокола говорится, что он «должен осуществляться и применяться таким образом, чтобы поддерживать необходимые условия для продолжения сотрудничества Север—Юг», в том числе в таких областях, как окружающая среда, телекоммуникации, здравоохранение и образование. Протокол также признает, что общая зона путешествий между Великобританией и Ирландией, предоставляющая взаимные права гражданам обоих государств в соответствующих юрисдикциях, остается неизменной [с. 205].

Для надзора за Протоколом по Ирландии/Северной Ирландии были созданы три новых органа, каждый из которых состоит из представителей ЕС и Великобритании. Органом, несущим общую ответственность за осуществление положений Протокола, является Объединенный комитет. В сферу его компетенции входит постоянное рассмотрение трех динамичных процессов: упрощения процедур торговли в Соединенном Королевстве в связи с постоянным перемещением товаров в Северную Ирландию и из нее; пересмотра применения правил, касающихся НДС и акцизов; контроля за тем, в какой степени осуществление и применение настоящего Протокола поддерживают необходимые условия для сотрудничества Север—Юг на острове. Предполагается, что все действия и окончательные решения, касающиеся вопросов, возникающих в связи с осуществлением Протокола, будут находиться в руках Объединенного комитета. Специализированный комитет призван содействовать осуществлению Протокола. Совместная консультативная рабочая группа, будучи форумом для обмена информацией и взаимных консультаций, должна информировать о работе Специализированного комитета [с. 207–209]. Создание перечисленных постоянно действующих органов, направленных на обеспечение контроля за реализацией положений Протокола по Ирландии/Северной Ирландии, отражает серьезность наме-

рений обеих сторон по недопущению установления физической границы на острове.

К. Хейворд выдвигает тезис о том, что Протокол по Ирландии/Северной Ирландии знаменует собой новый этап в развитии Евросоюза, поскольку представляет собой гибкий способ достижения цели по поддержанию целостности внутреннего рынка как ЕС, так и Соединенного Королевства благодаря существенной уступке со стороны интеграционного объединения с точки зрения его типичного взаимодействия с внешними субъектами. Во-первых, согласно Протоколу, ЕС включает в свой внутренний рынок регион государства, не являющегося членом объединения. С этой целью Евросоюз разделяет четыре основные свободы: Северная Ирландия не входит в единый рынок капитала, услуг и людей, но пользуется свободой перемещения товаров в ЕС и из ЕС. Во-вторых, Евросоюз делегирует полномочия по обеспечению контроля за соблюдением положений Протокола государственным органам страны, не являющейся членом Евросоюза [с. 201]. Несмотря на то что ЕС имеет право присутствовать, когда власти Великобритании выполняют условия Протокола (например, ветеринарные инспекции на пограничных постах в порту Белфаста), это отличается от постоянно действующего мониторинга и совместного обеспечения соблюдения. Данный компромисс требует большого доверия со стороны ЕС и Соединенного Королевства. Именно по этой причине представленный в сентябре 2020 г. британский законопроект о внутреннем рынке (Internal Market Bill)¹ вызвал беспокойство среди государств — членов ЕС по поводу возможного нарушения Лондоном Соглашения о выходе. Таким образом, Протокол устанавливает тесные и постоянные отношения между Лондоном и Брюсселем, требующие взаимных консультаций, обмена информацией и принятия совместных скоординированных решений. В определенном смысле теперь ЕС несет прямую ответственность за будущее региона, который находится за его пределами и даже за пределами ЕЭЗ.

В заключение статьи автор отмечает, что обсуждения между Соединенным Королевством и ЕС в течение переходного периода по поводу Протокола по Ирландии/Северной Ирландии оказались болезненно трудными даже после ратификации Соглашения о выходе. Обе стороны были глубоко обеспокоены тем, что осуществление Протокола может привести к возникновению рисков для целостности со-

¹ United Kingdom Internal Market Bill. Explanatory notes. [Electronic resource] // Parliament. UK Available at: <https://publications.parliament.uk/pa/bills/lbill/58-01/135/5801135en03.htm> (accessed: 06.03.2024).

ответствующих единых рынков. Необходимо было найти баланс в форме еще большего числа компромиссов. К. Хейворд подчеркивает, что для стабильности Северной Ирландии важно, чтобы намерение ЕС не допустить надлома в правовом режиме интеграционного объединения не обусловило его переход к позиции догматизма. В случае если двусторонний диалог будет подорван или если одна из сторон будет слишком сильно сопротивляться хрупкому компромиссу, под угрозой окажется цель Протокола — учитывать уникальные обстоятельства на острове Ирландия, поддерживать необходимые условия для продолжения сотрудничества Север—Юг, избегать жесткой границы и защищать Соглашение 1998 г. во всех его аспектах [с. 213–214].

*Д.В. Идрисова*¹

---

¹ Диана Векиловна Идрисова — студентка магистратуры (2021–2023) факультета мировой политики; магистерская программа «Международная безопасность».

ОПДАЛ И. ПРИВЛЕЧЕНИЕ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ К РАЗВИТИЮ АРКТИКИ В РОССИИ. ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В РЕНТНОМ ГОСУДАРСТВЕ

OPDAHL I.M. Enlisting oil and gas companies for Russia's Arctic development. Implementation in a rent-based political economy // Post-Communist Economies. 2022. № 6. P. 715–735.

Ключевые слова: российские нефть и газ; развитие Арктики; инфраструктура; Северный морской путь; политический процесс; имплементация.

Российская Арктика переживает вторую волну углеводородных мегапроектов. Добыча нефти и газа остается ключевым аспектом российских планов по развитию Арктической зоны, невзирая на существенные ограничения для новых проектов. Как в рентном государстве реализуются планы по региональному развитию на базе нефтегазового сектора? Целью исследования норвежского эксперта Ингрид Марии Опдал является изучение взаимодействия государственных акторов и деловых кругов вокруг увеличения углеводородного грузопотока по Северному морскому пути (далее — СМП), а также демонстрация обратной реакции российских элит на внешние ограничения арктического развития.

В соответствии с поставленной целью авторы решили следующие задачи: рассмотреть различные подходы в научной литературе к определению взаимосвязи между рентной экономикой и процессом развития в России; выяснить, с какой целью государственные акторы оказывают давление или предоставляют льготы для компаний в Арктике; объяснить процесс учреждения специальной экономической зоны в Российской Арктике, в котором особую роль играют нефтегазовые компании.

Принято считать, что российская экономическая модель базируется на ренте и том, как перераспределяются доходы, не связанные с ростом производительности труда [с. 717]. Нефть и газ составляли в среднем от 45% доходов федерального правительства за 2011–2018 гг., т.е. именно углеводороды являются главной рентой Российской Федерации. Автор подчеркивает, что, принимая во внимание важную роль перераспределения этой ренты в экономике, девелопментализм в России стоит рассматривать как набор стратегий для достижения относительно ограниченных целей в экономике. Такое развитие может принять форму авторитарной модернизации, подразумевая экономическое развитие без политических изменений.

Характерной чертой рентной экономики в России является то, что потоки распределяемой ренты управляются в рамках системы привилегий. Влиятельные общественные деятели, крупные компании способствуют поддержанию стабильности существующего политического режима, за что получают привилегии. Наиболее привилегированные компании нефтегазового сектора используют возможность продвигать свои интересы на высшем уровне и, следовательно, оказывать влияние на институциональную структуру. Разработка арктических месторождений является первоочередным объектом лоббирования со стороны таких государственных компаний, как Газпром и Роснефть, а также частной компании Новатэк. Последние, в свою очередь, берут на себя такие обязательства, как ответственность за развитие инфраструктуры и социальное обеспечение. Таким образом, взаимодействие государственных и частных акторов имеет форму обмена привилегиями и обязательствами.

Под влиянием санкционного режима в России начала проявляться общая секьюритизация экономической политики, которая особенно сильно сказалась на Арктической зоне РФ. Низкий уровень экономического развития региона все чаще начал восприниматься как угроза, и арктическая политика была скорректирована. Структура взаимодействия государства и привилегированных компаний также подверглась изменениям. Стратегические документы определили все более конкретные приоритеты развития Арктики, предписывая компаниям брать на себя дополнительные обязательства по развитию инфраструктуры. Компании охотно берут на себя эти обязательства, обеспечивая развитие транспортной и портовой инфраструктуры вдоль СМП, сосредоточиваясь преимущественно на производственных нуждах. В мае 2018 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил о цели расширить пропускную способность СМП и увеличить грузопоток по транспортному пути до 80 млн т в год к 2024 г., и таким образом, защита национальных интересов, цели регионального развития пересеклись в вопросе развития инфраструктуры. Эта инициатива стала призывом для нефтегазовых компаний к принятию на себя обязательств, что быстро переросло в соревнование между Роснефтью и Новатэком за выполнение плана.

В 2017 г., когда началась разработка нового арктического законодательства, Роснефть добилась больших налоговых льгот для разрабатываемых месторождений и начала лоббировать свой мегапроект на Таймырском полуострове, «Восток Ойл». Новатэк, в свою очередь реализовав масштабный проект по сжижению природного газа «Ямал СПГ» и тем самым выполнив важнейшую национальную задачу, также получила масштабные финансовые льготы. Эти обстоятельства ак-

туализировали проблему создания особого экономического режима в Арктике на региональном уровне. Нефтегазовые компании выступили с проектом закона, который предлагал нулевую ставку налога на добычу полезных ископаемых в Арктике для новых проектов и существенные льготы для старых проектов. Министерство финансов Российской Федерации выступило против данной инициативы, обозначив, что ежегодное недополучение доходов в таком случае составит до 300 млрд рублей в первые годы, а далее будет увеличиваться. Итоговая версия закона стала компромиссом между двумя сторонами. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. детально обозначили приоритеты в регионе: увеличение частных инвестиций на разработку континентального шельфа и на инфраструктуру вдоль СМП. Фискальный режим, согласованный окончательно в 2020 г., установил нулевую налоговую ставку на добычу нефти и газа только на 12 лет.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Российская Федерация реализует цели государственного развития в рамках текущей модели перераспределения ренты. Влиятельные нефтегазовые компании консолидируются вокруг высокоуровневых приоритетов режима, сохраняя элемент соперничества друг с другом. Политический приоритет высокого уровня имеет решающее значение.

2. Поставленные цели развития СМП представили собой политический приоритет высшего значения, что дало государству обоснование для привлечения компаний через налоговые льготы. Секьюритизация экономической политики и упор на защиту национальных интересов поспособствовали этому процессу.

3. Особая экономическая зона добавила крупным промышленным компаниям в Арктике еще один уровень привилегий, тогда как позиции местных заинтересованных сторон были ослаблены. Это создало еще одно препятствие к поиску альтернативных, не основанных на добыче ресурсов моделей развития региона.

4. Реакцией элит на изменяющуюся внешнюю среду и санкционный фактор явилось усиление существующей региональной модели экономического развития и приведение ее в соответствие с целями защиты национальных интересов.

*И.Д. Еремеев*¹

---

¹ Игорь Дмитриевич Еремеев — студент магистратуры (2021–2023) факультета мировой политики; магистерская программа «Международная безопасность».

БАДЕСКУ Г. СЛОЖНОЕ НАСЛЕДИЕ
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ЛОКАЛЬНЫЕ
И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРУДНОСТИ
В УВЕКОВЕЧИВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЮРЕМ
В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

BADESCU G. Difficult heritage in Southeastern Europe: Local and transnational entanglements in memorializing political prisons after socialism // Journal of Contemporary History. 2024. № 1. P. 91–119.

Ключевые слова: коммунизм; диктатура; сложное наследие; память; тюрьмы; Юго-Восточная Европа.

Опыт сохранения памяти о политических тюрьмах в Юго-Восточной Европе существенно отличается от аналогичного в странах Центральной и Восточной Европы (ЮВЕ), таких как Венгрия, прибалтийские страны или бывшая ГДР. В то время как в упомянутых государствах в рамках создания инфраструктуры памяти осуществлялось активное сотрудничество властей и общественных активистов, страны ЮВЕ демонстрировали отсутствие подобного взаимодействия. Создание символических объектов на базе бывших мест политического заключения велось в основном частными группами и представителями гражданского общества.

В качестве объекта исследования автор статьи, сотрудник Университета Констанца Грета Бадеску, рассматривает процесс увековечивания памяти о политических тюрьмах в странах Юго-Восточной Европы. Описывая характер данного наследия, он использует термин Шарон Макдональд «сложное наследие» («difficult heritage»), обозначавшее таким образом прошлое, признанное значимым в настоящем, но оказавшееся крайне неудобным с точки зрения выстраивания позитивной идентичности политики. Целью исследования является выявление причин, обуславливающих сравнительно поздний и внесоциалистический характер коммеморации заключенных политических тюрем периода социализма. В работе проанализированы сходства и различия данных процессов в трех странах ЮВЕ: Албании, Румынии и Хорватии. Особое внимание уделено роли конкретных акторов (лиц и организаций), которые способствовали конструированию объектов памяти.

Во введении отмечается, что на пространстве Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) органы государственной власти были ключе-

выми акторами пересмотра исторического наследия социалистической эпохи с использованием различных мер, включая люстрации, реституцию собственности, реабилитацию и т.д., а также осуществления политики памяти. Кроме того, активное встраивание данных стран в европейский режим памяти, ключевым элементом которого, согласно автору, являлся холокост, способствовало, с одной стороны, использованию западных практик в странах ЦВЕ, с другой — интеграции памяти о так называемых преступлениях коммунистических режимов в общеевропейский нарратив и приобретению последним дуалистического характера.

Бадеску отмечает, более ранние исследования конструирования прошлого в странах ЦВЕ и ЮВЕ носили преимущественно страноведческий характер. В своей же работе он акцентирует внимание на транснациональном взаимодействии. Также рассматривается развитие исторических нарративов Албании, Румынии и Хорватии в рамках трансформации памяти в контексте евроинтеграции. При исследовании специфики коммеморации объектов политического заключения автор анализирует трансформацию символического объекта во времени, а также обращается к действиям и взглядам общественных акторов, игравших наибольшую роль в процессе его конструирования.

В фокусе исследования находятся следующие политические тюрьмы, занимающие особое место в памяти о политическом насилии в рассматриваемых государствах: «Сигет» и «Питешти» в Румынии; «Спач» в Албании; «Голи-Оток» в Хорватии. В основе источниковой базы лежат устные интервью и заявления участников создания объектов памяти на основе бывших мест заключения, материалы национальных СМИ.

Автор подчеркивает, что одной из задач исследования было показать, как негосударственные мнемонические акторы осуществляют свои действия при отсутствии институциональной поддержки.

До 1980-х гг. во всех рассматриваемых странах конструирование прошлого развивалось в схожем направлении, несмотря на различия в политических режимах. Оно характеризовалось существованием нарратива продолжительной освободительной борьбы, в итоге возглавленной коммунистическими силами. Однако после политических трансформаций 1990-х гг. пересмотр коммунистического наследия осуществлялся в различных форматах. Например, в Хорватии конструирование новых национальных нарративов памяти привело к маргинализации коммунистического прошлого и падению интереса к истории тюрьмы «Голи Оток». В то же время в Румынии коммемо-

рация рассматриваемого элемента прошлого зависела от действующего политического режима, активизируясь в публичном поле в период 1996–2000 гг. В свою очередь, периоды правления президента Иона Илиеску (1990–1996 и 2000–2004 гг.) характеризуются автором как «политика забвения».

Руководство Румынии первым среди стран ЮВЕ переходит к открытому осуждению действий коммунистического режима. Триггером становится принятие Европейским парламентом в 2006 г. резолюции 1481, содержащей призыв к «международному осуждению преступлений тоталитарных коммунистических режимов». Она актуализировала дискуссии по конструированию нового нарратива памяти на официальном уровне, ранее развивавшегося в рамках деятельности преимущественно негосударственных акторов. Другим важным актом стала резолюция Европейского парламента 2009 г. «Европейская совесть и тоталитаризм» («European conscience and Totalitarianism»). Она отражала включение осуждения коммунистического прошлого в общеевропейский нарратив памяти наряду с холокостом. Однако резолюция вызвала определенные споры. С одной стороны, она приветствовалась большинством стран ЦВЕ, с другой — высказывались сомнения в обоснованности приравнивания преступлений нацизма и действий коммунистических режимов.

Принятие резолюции способствовало созданию «Платформы европейской памяти и совести», учрежденной 23 августа 2011 г., институционализирующей взаимодействия между объектами инфраструктуры памяти (музеи, мемориалы, исследовательские институты) на европейском пространстве. Одним из значимых элементов работы Платформы является рассматриваемый в данной статье объект в Сигете [с. 98–101].

В Румынии превращение политической тюрьмы «Сигет» в объект памяти в 1990-е гг. в качестве элемента «сложного наследия» осуществлялось по «инициативе снизу». В условиях недостатка государственного регулирования данной сферы центр памяти был создан бывшим диссидентом Анной Бландианой и писателем Ромулусом Русаном. Ими был использован опыт конструирования мест памяти в Европе, связанных с холокостом, в частности бывшего концлагеря «Аушвиц». Выбор тюрьмы «Сигет» был обусловлен ее особой ролью в пенитенциарной системе в первые годы существования коммунистического режима в Румынии, в частности в ней содержались многие известные политики межвоенного периода (например, ключевая фигура присоединения Трансильвании к Румынии Юлиу Маню).

Здание было приобретено фондом А. Бландианы *Civil Alliance Foundation* в 1993 г. Изначально музей был посвящен преимущественно известным узникам тюрьмы. Однако в 2000 г. НКО приняло решение о пересмотре концепции, с этого периода объект был связан с коммунистическим режимом Румынии. С тех пор экспозиция еще больше расширилась, затрагивая коммунизм в Европе в целом. При этом не затрагивался период использования здания в качестве перевалочного пункта при транспортировке евреев в Аушвиц во время венгерского правления и немецкой оккупации. По мнению автора, музей был призван демонстрировать преступления коммунистического режима и выступать пространством для их осуждения.

В 1998 г. тюрьма «Сигет» была признана Советом Европы одним из самых важных объектов коммеморации в Европе. Обретя национальную институциональную поддержку, музей стал элементом интеграции «сложного наследия» стран Юго-Восточной Европы в общеевропейский нарратив памяти. При этом внимание к символическому объекту со стороны государства было ограниченным [с. 102–103].

Другим символическим объектом на территории Румынии стала тюрьма «Питешти». Она использовалась еще до установления коммунистического режима для содержания арестованных во время мятежа 1941 г. студентов, сторонников фашистской организации «Железная гвардия». В 1948 г. она продолжила функционировать в качестве объекта для содержания осужденных студентов. В тюрьме действовала программа «перевоспитания», включавшая физические и психологические пытки, направленная на разрушение всей системы ценностей человека, его отречение от семьи и политических взглядов. Эксперимент длился до 1952 г., когда свидетельства о нем стали выходить за пределы Румынии. Тюрьма была закрыта в 1977 г. и в дальнейшем использовалась в качестве офиса государственной строительной компании.

Автор уделяет большое внимание процессу смены собственников здания в 1990-е гг. и созданию на его базе символического объекта. Мемориал был открыт в 2014 г. при участии Марии Аксинте, дочери бывшего владельца здания, по инициативе которой была начата работа по созданию символического объекта. Примечательно, что в здании была изменена планировка для организации мемориала, одна из его частей стала часовней. В статье отмечается, что данный аспект отражал распространенное в Румынии 1990-х гг. представление о «святых узниках». Они представлялись мучениками, а тюремное насилие приобретало контекст преступления против веры. При этом отмеча-

ется, что многие заключенные «Питешти» были сторонниками «Железной гвардии». Данный факт в совокупности с символическим образом объекта, а также в связи с популяризацией идеи мученичества политических заключенных в книге «Святой узник» члена «Железной гвардии» Валерия Гафенцу сделали тюрьму «Питешти» местом паломничества современных сторонников данной организации. Кроме того, объект стал использоваться для образовательных и академических целей, в том числе в сотрудничестве с «Центром изучения современной истории» в Бухаресте и немецким «Фондом Конрада Аденауэра».

Создание объекта памяти на базе тюрьмы «Питешти» отражает расхождение между историческими местами памяти и коммеморацией современных объектов на месте событий прошлого. Также история его создания и функционирования демонстрирует высокую роль частной инициативы при бездействии государственных органов в рамках политики памяти и взаимосвязь между национальным и транснациональным ее осуществлением. Однако использование объекта в политических целях служит примером, когда «наследие» может применяться для прославления представителей ультраправых идеологий [с. 103–107].

На протяжении десятилетий Албания не предпринимала действий, которые были свойственны множеству других стран с переходным режимом, таких как открытие архивов спецслужб, создание специальных общественных комиссий, пересмотр роли наследия коммунистического режима и т.д. В таких условиях символические объекты обретают особую роль в конструировании отношения к прошлому.

Процесс развития коммунистического режима в Албании и его смены отличался от других стран ЦВЕ. Существовая в изоляции от других социалистических государств, он сохранял жесткий репрессивный характер на протяжении десятилетий. Автор определяет Албанию под руководством Энвера Ходжа как самую жесткую диктатуру в послевоенной Европе, принимая во внимание, в том числе, и запрет любых религиозных практик в 1967 г. Процесс демократического транзита, запущенный после аналогичных событий в других странах в 1989 г., отличался нестабильностью и привел к гражданской войне 1997 г.

Бадеску отмечает, что политический режим современной Албании имеет тесные связи с предшествовавшим ему, что объясняет ограниченное вовлечение государства в пересмотр прошлого. Например, согласно представителям гражданского общества страны, публикация секретных архивов может спровоцировать новую гражданскую войну. Тем не менее в 2010-х гг. албанское правительство приняло решение учредить ряд организаций по исследованиям прошлого. В этом во-

просе присутствовала опора на румынский опыт, что связано как со сходствами политических режимов в двух странах в коммунистический период, так и с действиями конкретных акторов, участвовавших в процессе конструирования прошлого. Открытие вышеупомянутого музея в 2017 г. стало первым примером создания подобных объектов памяти в Албании. Помимо румынского опыта, при его создании принимались во внимание примеры Музея Штази в ФРГ и «Дома террора» в Будапеште.

Однако множество политических тюрем за пределами Тираны не стали объектами увековечения. Исключением является «Спач», получивший статус памятника в 2007 г. Однако в дальнейшем не предпринималось действий по созданию мемориального комплекса на базе данного объекта, что автор связывает с государственной бюрократией. В этих условиях инициативу проявили албанские НКО, в частности «Культурное наследие без границ, Албания», учредившая программу «Диалоги для Спач» в 2014 г., которая была направлена на выработку общего видения данного объекта памяти. Участники пришли к выводу, что создание подобных мест памяти является важным элементом демократического транзита, установления режима доверия между социальными группами. Финансирование «Диалогов» осуществлялось со стороны европейских НКО и правительства Швеции, что свидетельствует о взаимодействии в рамках политики памяти между странами Балкан и внешними акторами. Кроме того, с их стороны были выделены средства на восстановление здания после разрушения. В условиях недостаточного государственного участия, которое может объясняться нежеланием взаимодействовать со спорными вопросами прошлого, негосударственные организации во многом приняли на себя его роль в регионе.

При этом общий интерес к рассматриваемому объекту памяти был ограниченным в связи с его удаленным местоположением. Основной формой его работы были отдельные групповые экскурсии, проводимые волонтерами или бывшими узниками. Центральным объектом коммеморации стало лагерное восстание 1973 г., занимающее место в албанской коллективной памяти. Восставшие провозгласили стремление к объединению с Европой, что в настоящее время используется албанцами в рамках процесса получения членства в ЕС. Таким образом, объект памяти используется не только для коммеморации прошлого, но и для строительства будущего.

Существенный урон планам по работе над объектом нанесло землетрясение в 2019 г. Только в 2023 г. началась проработка нового плана восстановления [с. 108–112].

«Голи Оток» представляет собой остров у побережья Адриатического моря, использовавшийся в качестве места заключения после раскола между СССР и Югославией и исключения последней из Коминтерна в 1949 г. Тюрьма стала местом содержания коммунистов, заподозренных в симпатиях к И. Сталину. Тюремная администрация, по аналогии с румынской «Питешти», применяла пытки для «перевоспитания» заключенных, их отказа от собственных политических взглядов. Лагерь был переформирован в центр содержания под стражей несовершеннолетних в 1956 г., после нормализации отношений СФРЮ и СССР. Согласно исследованию Мартина Превишича, через «Голи Оток» прошли 16 000 человек. До смерти Иосипа Броза Тито в 1980 г. обсуждение «Голи Отока» было табуировано в публичной сфере СФРЮ, однако после 1980 г. данная тема получила отражение в прессе, художественных произведениях, а также в исследованиях историков.

Однако сюжет остался забытым в политике памяти стран бывшей Югославии. Это связано как с военными конфликтами, на фоне которых данный вопрос выглядел незначительным, так и с избранными стратегиями построения нарративов памяти, основанных на коммеморации текущих конфликтов, а также на пересмотре осужденных в социалистический период деятелей периода Второй мировой войны. Для сторонников правых идеологий «Голи Оток» не представлял интереса, так как его узниками также были коммунисты. Со стороны левых данный объект также был забыт, поскольку размывал поддерживаемый ими позитивный образ режима Тито. Наконец, бывшие югославские республики сконцентрировались на коммеморации событий национальной истории в их национальных границах, в то время как «Голи Оток» был частью общегославского прошлого, к тому же находился на территории Хорватии.

Таким образом, Г. Бадеску подчеркивает, что конструирование объекта памяти на основе тюрьмы «Голи Оток» осуществлялось только ограниченным количеством акторов из Республики Хорватии. На протяжении 1990-х и 2000-х гг. лагерь использовался для создания негативного образа Югославии при Тито, однако объекту так и не был присвоен статус мемориала. Управление госимуществом Хорватии планировало выставить остров на торги для создания там туристической инфраструктуры, что вызвало протесты со стороны Ассоциации узников «Голи Отока» «Ante Zemljak» и хорватской НКО «Documenta». Действия последней способствовали активизации общественной дискуссии вокруг объекта, что, согласно автору, соответствует процессу встраивания Хорватии в общеевропейский нар-

ратив памяти. Ранее организация фокусировалась на преступлениях хорватских вооруженных сил в отношении сербского меньшинства, чем ставила себя в оппозицию официальному дискурсу.

Автор пишет, что в рамках европеизации памяти осуществляются два основных процесса. С одной стороны, это создание мест памяти, посвященных холокосту и деятельности коммунистических режимов, с другой — создание локальной памяти о жертвах. И в данном контексте тюрьма «Голи Оток» как раз подходила в качестве места для создания такого объекта, объединяющего упомянутые тенденции. Со временем остров стал местом проведения коммеморативных практик, в частности в 2016 г. он стал местом проведения международного волонтерского лагеря «Ландшафт памяти». Однако, несмотря на деятельность негосударственных организаций, хорватское руководство не было заинтересовано в реконструкции объекта.

В статье приводится обоснование важности создания на базе тюрьмы «Голи Оток» объекта памяти, озвученное Соней Шримберк, директором отделения фонда «German Friedrich Ebert Stiftung (FES) foundation for social democracy» в Загребе. Во-первых, работа с данным местом памяти является элементом расширения взаимодействия с «тяжелым прошлым», которое не ограничивается событиями ВМВ и югославских войн. Во-вторых, существует европейское измерение памяти касательно этого места, которая необходима европейским левым для переосмысления коммунистической политики прошлого. Таким образом, не только встраивание в европейский нарратив памяти оказывало воздействие на «Голи Оток», но и само место памяти может повлиять на изменение европейской памяти [с. 113–117].

В заключение статьи автор обозначает четыре тенденции, обуславливающие коммеморацию политических тюрем на территории стран Юго-Восточной Европы.

Во-первых, активное взаимодействие со «сложным наследием» коммунистического прошлого начало осуществляться в рассматриваемых государствах только во втором десятилетии XXI в. и основную роль в этом процессе играли негосударственные акторы. Бадеску видит различные причины ограниченности государственного участия в переоценке прошлого в трех описываемых странах: отсутствие нужды в создании символического объекта на базе тюрьмы «Голи Оток» со стороны как правых, так и левых общественных сил в Хорватии; преобладание политических режимов Албании и Румынии от своих коммунистических предшественников. При этом места памяти использовались в своих целях отдельными политическими акторами.

Во-вторых, формирование концепций коммеморации рассматриваемых объектов было во многом обусловлено взаимодействием отдельных личностей между собой, а также посещением ими других мест памяти, учетом опыта других стран во взаимодействии с «тяжелым прошлым».

В-третьих, автор подчеркивает взаимосвязь между процессами конструирования мест памяти в Юго-Восточной Европе и европеизацией памяти. Создание мемориальных объектов, посвященных холокосту, оказало влияние на их конструирование в странах ЮВЕ. Кроме того, в процесс коммеморации наследия коммунистического прошлого были вовлечены многочисленные западные НКО. Кроме того, концепция «двойного авторитаризма» оказала воздействие на деятельность хорватских организаций, таких как «Documenta», которые ранее занимались вопросами югославских войн, перейдя в дальнейшем на такие места, как бывшая тюрьма «Голи Оток».

В-четвертых, процесс конструирования мест памяти был тесно связан с процессами приватизации объектов в постсоциалистических странах. Примерами этого являются такие места памяти, как «Голи Оток», «Спач» и «Питешти» [с. 117–118].

Г. Бадеску приходит к выводу, что процесс конструирования исторического наследия и мест памяти является сложным взаимодействием между местными, национальными, региональными и международными акторами. Сложности в коммеморации «сложного наследия» в странах Юго-Восточной Европы демонстрируют важную роль местных и транснациональных действий в данной сфере. Также опыт данных стран демонстрирует разницу между внешним видением и местными особенностями процесса конструирования памяти. Кроме того, места памяти в странах ЮВЕ не только отражают общеевропейский нарратив, но и раскрывают многосторонний характер памяти.

*М.Н. Мотин*¹

---

¹ **Максим Николаевич Мотин** — студент магистратуры (2023–2025) факультета мировой политики; магистерская программа «Дипломатия в архитектуре евразийской интеграции».

Сим Л-Ч. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИЕЙ: ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЕ СТОРОНЫ И ТЕХНОПОЛИТИКА

SIM LC. Powering the Middle East and North Africa with nuclear energy: Stakeholders and technopolitics // In Mills, R., Sim, LC. (eds.) Low carbon energy in The Middle East and North Africa. Springer Nature Switzerland AG, 2021. Ch. 10. P. 315–353.

Ключевые слова: ядерная энергия; Ближний Восток; Северная Африка; атомная энергетика; АЭС; многоуровневая перспектива; ГК «Росатом».

Спрос на электроэнергию на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА) постоянно растет. Чтобы удовлетворить этот спрос, в 2019 г. были реализованы и запланированы энергетические проекты стоимостью более 500 млрд долл. с акцентом на газ и возобновляемые источники энергии. Автор настоящего исследования — Ли-Чен Сим, доцент Университета Халифы в ОАЭ, считает, что в спросе на электроэнергию менее всего оценен вклад электроэнергии, вырабатываемой на ядерном топливе. Использование такой энергии кажется нелогичным по нескольким причинам. В сравнении с солнечными или ветряными электростанциями строительство атомных станций (АЭС) характеризуется длительным сроком возведения и высокими финансовыми затратами. Вклад в экологическую стабильность также неоднозначен — хотя АЭС выделяют самый низкий уровень парниковых газов среди всех основных вариантов производства электроэнергии, они при этом сталкиваются со значительными проблемами с отходами и водозабором. Политические, экономические и социальные разногласия в странах БВСА также влияют на оценку использования ядерной энергии. Выбор поставщика реактора и топлива тоже имеет свои геополитические последствия. Компании — новички в сфере ядерной электроэнергии в регионе, которые являются союзниками Америки, заинтересованы в привлечении ведущего поставщика — российской ГК «Росатом».

В своем исследовании автор, чтобы проанализировать внедрение атомной энергетики в Иране, ОАЭ, Турции и Египте, дискуссию о целесообразности ее внедрения в Саудовской Аравии и Иордании и отказ от атомной энергетики в Кувейте, предлагает использовать структуру, известную как многоуровневая перспектива (МУП). В работе представлен краткий обзор методологии МУП, включая следующие уровни: ниша, режим, ландшафт. Рассмотрено взаимодействие

между этими тремя уровнями анализа на основе углубленного тематического исследования ОАЭ, чья атомная станция в Бараке введена в эксплуатацию в 2020 г. Рассматривается эффективность стратегий, применяемых ОАЭ и другими странами БВСА для поддержания приверженности заинтересованных сторон ядерной энергетике. Анализируется вероятность появления большего числа ядерных новичков в странах БВСА.

МУП широко используется для анализа устойчивости переходных процессов в продовольственной, транспортной, жилищной, водной и энергетических системах. Она включает в себя три уровня анализа: нишевый (микро), режимный (мезо) и ландшафтный (макро). В промышленно развитых странах электроэнергетика, работающая на ядерном топливе, не является нишевой технологией. Что же касается региона БВСА, в 2019 г. на долю атомной энергетике приходилось всего 0,4% производства электроэнергии, что делает ее нишевой технологией здесь. Уровень ландшафта находится за пределами прямого контроля уровней ниши и режима. Это область медленно развивающихся долгосрочных тенденций, таких как изменение климата, миграция, демография, спрос на нефть, экономические идеологии. Сюда также входят непредвиденные краткосрочные потрясения, такие как стихийные бедствия, колебания цен на нефть, финансовые кризисы и политические катаклизмы. Уровень режима характеризует сеть действующих лиц, институтов, правил, материальной инфраструктуры, бизнес-моделей и общественных ожиданий. Системное изменение энергетического режима встречается редко, но может произойти, если крупные коалиции действующих лиц согласуют свое поведение. Однако в большинстве случаев пути смены режима являются постепенными.

Структура МУП имеет свои недостатки, тем не менее ее сила заключается в объяснительной способности, которая отражает системные изменения на этих трех аналитических шкалах, а также взаимодействие между ними. МУП также предоставляет возможность сосредоточиться на значении режима в содействии или препятствовании прорыву ядерной энергетике в нишу. Ландшафт меняется, уровень ниши не просто функционален и линейен. Именно «интерпретирующие субъекты» на уровнях ниши и режима «сражаются, ведут переговоры, ищут, учатся и создают коалиции по мере того, как преодолевают переходные процессы».

Предполагается, что уровень ниши является источником давления на режим в пользу радикальных, инновационных изменений, которые угрожают статус-кво. Это объясняет, почему режим обычно сопро-

тивляется нишевым прорывам. Например, рост возобновляемой энергии в США встречает сопротивление со стороны некоторых коммунальных компаний, так как несет угрозы их влиянию, сетям и доходам.

Ключевым ландшафтным фактором, определившим политику ОАЭ в области ядерной энергетики, был постепенный интерес к ядерной энергии и ее приемлемость на региональном и глобальном уровнях к началу XXI в. Руководство ОАЭ правильно оценило, что план Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) по совместному развитию ядерной энергетики неосуществим из-за исторических разногласий между странами-участницами, о чем свидетельствует провал других региональных инициатив, таких как газовая сеть ССАГПЗ и общая валюта. Опираясь на региональный опыт узаконивания ядерной энергетики, ОАЭ, Кувейт и Бахрейн разработали соответствующие планы. Региональная легитимность ядерной энергетики была отголоском времени, вызванного устойчивым ростом цен на нефть с начала 2000-х гг. Связь между ценами на нефть, счетами за импорт энергоносителей (поскольку газ часто индексируется в зависимости от цен на нефть) и интересом к ядерной энергетике позволила принять обоснованные решения в государствах — импортерах энергоносителей. В Иордании, где 96% потребности в энергии удовлетворяется за счет импорта, атомная энергетика рассматривается как способ снизить финансовое бремя в долгосрочной перспективе. Для Кувейта, где 64% от всего объема электроэнергии производится за счет нефти, с финансовой точки зрения имеет смысл высвободить нефть для экспорта и рассмотреть возможность производства энергии из более дешевых источников энергии.

Для ОАЭ стало ясно, что атомная энергетика как нишевая технология предлагает частичное, но инновационное решение проблемы энергоснабжения по нескольким параметрам: волатильности цен, политической стабильности поставщиков в топливном цикле и графику поставок. Цена на уран гораздо менее волатильна, чем на нефть или газ. Из-за структуры затрат на атомную энергетику с высокими первоначальными затратами и сравнительно низкими переменными затратами на топливо стоимость выработки электроэнергии на АЭС гораздо более предсказуема, чем стоимость газа или нефти. Например, затраты на топливо для АЭС и газовой электростанции комбинированного цикла составляют 0,85 долл. за миллион БТЕ и 3,45 долл. за миллион БТЕ соответственно. Другие неотъемлемые преимущества ядерной энергетики связаны с топливным циклом. Уран добывается в относительно стабильных странах, таких как Казахстан, Австралия,

Намибия и Канада. Обогащение предлагается предприятиями в Великобритании, Германии, Нидерландах, США, России и Франции. Лидерами рынка по производству топливных стержней являются российский «ТВЭЛ» (входит в состав «Росатома»), французский «Фраматон» и американский «Вестингауз электрик». Тот факт, что доставка ядерных топливных стержней для заправки АЭС требуется только раз в 24–36 месяцев, тоже является преимуществом.

Недостатки, связанные с атомной энергетикой, такие как долгое и дорогое строительство, понятны лидерам ОАЭ, но не рассматриваются ими как препятствие для заключения сделок. Египет был потрясен предложением России о предоставлении кредита под низкие проценты, который покроет 85% от общей стоимости строительства в размере 28,75 млрд долл., причем выплаты начнутся только после ввода АЭС в эксплуатацию. Экономика ядерной энергетики была также непомерно высока и для Турции. Нынешний проект АЭС в Аккую стал возможен только благодаря межправительственному соглашению с Россией, чья государственная компания «Росатом» профинансирует строительство, оцениваемое в 20 млрд долл. С точки зрения энергетического режима ОАЭ высокие цены на нефть означали, что доходы от экспорта нефти могли легко покрыть стоимость строительства АЭС в размере 24 млрд долл.

Для решения проблемы энергоснабжения еще в 2007 г. была создана межведомственная целевая группа по энергетике, возглавляемая Управлением по делам исполнительной власти Абу-Даби. Целью группы была разработка оценки всех вариантов повышения энергоснабжения и его безопасности. Назначение Хамада Аль-Кааби, первого инженера-ядерщика ОАЭ, на должность заместителя директора Управления и его роль в группе обеспечили наличие сторонников ядерной энергетики. Результатом работы группы стала «Белая книга» по оценке и развитию мирной атомной энергии в 2008 г. Другие нишевые технологии не получили большого распространения, поскольку были в то время слишком дорогостоящими (солнечная энергия) или не имели достаточных ресурсов (ветер), а уголь, хотя и был дешевым, не соответствовал критериям по выбросам.

Первой задачей государственных структур ОАЭ было создание новых действующих лиц на уровне режима, заинтересованных в производстве электроэнергии на ядерном топливе. В число таких участников входили Федеральное управление по ядерному регулированию (FANR), владелец АЭС — Emirates Nuclear Energy Corporation (ENEC), Центр ядерных технологий для стимулирования инноваций в области систем безопасности, ядерной инженерии, сотни подго-

товленных эмиратских инженеров-ядерщиков и специалистов по атомной энергии.

Напротив, Кувейт был гораздо менее успешен в создании сторон, выступающих за ядерную сферу. Это объясняется тем, что политическая система страны, в частности Национальное собрание, и его власть над бюджетными ассигнованиями препятствовали осуществлению крупных амбициозных проектов, таких как гражданская атомная станция, которые оказывали прямое влияние на непосредственные выгоды. Следовательно, сопротивление на уровне режима прорыву в нишу было огромным.

Турция и Иордания создали новых проядерных участников в виде Турецкого агентства по атомной энергии (ТАЕК) и Иорданской комиссии по атомной энергии (JAEC). Однако оба этих участника не пользовались доверием и в конечном итоге стали источниками негативных отзывов, что усугубило трудности реализации и поддержания программ в области ядерной энергетики в этих странах.

Вторым аспектом создания благосклонной коалиции, по мнению автора исследования, было предотвращение потенциального сопротивления путем усиления сопутствующих выгод от занятия ниши. Одним из самых ярких сторонников атомной энергетики в ОАЭ стала газовая промышленность, поскольку атомная энергетика, заменив газ в электросети, облегчила его монетизацию — экспорт газа, закачка его в нефтяные месторождения для повышения нефтеотдачи или использование его в качестве промышленного сырья значительно более ценны с точки зрения доходов. ЕНЕС также привлекала на свою сторону других действующих лиц на уровне режима, таких как промышленность и бизнес, которые традиционно полагались на расходы углеводородного сектора. К 2018 г. компания заключила контракты на сумму 3,8 млрд долл. с более чем 1500 местными предприятиями на закупку арматурной стали ядерного класса, кабелей и цемента.

Атомная энергетика с ее распределяемой энергией, крупными коммунальными предприятиями, принадлежащими государству, централизованными системами производства, распределения и передачи повторяет инфраструктуру традиционного ископаемого топлива, а также отношения «сверху вниз» между государством и обществом. Взаимовыгодные отношения между уровнями ниши и режима также очевидны в других странах БВСА. Первая в истории Турции АЭС в Аккую — часть амбициозного плана Реджепа Эрдогана «Vision 2023», направленного на то, чтобы сделать страну одной из 10 крупнейших в мировой экономике. Начав строительство в 2018 г., ТАЕК и «Росатом», который строит АЭС «Аккую», взяли на себя обязатель-

ство завершить строительство станции в 2023 г., чтобы отметить столетие провозглашения Турецкой Республики.

Третий аспект создания коалиции заключался, по мнению автора, в устранении потенциальных негативных отзывов по вопросам политики. Как экологическому регулятору АЭС в Бараке Агентству по охране окружающей среды Абу-Даби (EAD) было поручено рассматривать и утверждать заявки на получение лицензий на подготовку площадки, строительство и эксплуатацию АЭС. Хотя напряженность между природоохранными органами и операторами ядерных установок является обычным явлением, у ENEC сложились позитивные рабочие отношения с EAD. ENEC внесла конструктивные изменения в первоначальные реакторы, чтобы обеспечить экологический предел теплового выброса не более пяти градусов Цельсия для защиты морской флоры и фауны вокруг Бараки; построила гораздо более длинный волнорез, чем у эталонной станции в Южной Корее, чтобы свести к минимуму рециркуляцию тепла в мелководном Аравийском море; создала также искусственные рифы для выращивания новых районов обитания морской флоры и фауны в качестве компенсационной деятельности. Таким образом, у EAD не осталось причин задерживать или блокировать ядерную энергетику в ОАЭ.

ОАЭ также проявили инициативу в устранении негативных отзывов о своей политике из-за рубежа. Руководство страны осознавало, что риски безопасности, связанные с ее ядерной программой, будут находиться под глобальным наблюдением. Тогда Абу-Даби стал нанимать иностранцев с огромным опытом работы в атомной отрасли, особенно в области безопасности и нераспространения. Среди них был Ханс Бликс, бывший главный инспектор ООН по вооружениям и бывший глава Международного агентства по атомной энергии, который был назначен председателем Международного консультативного совета ОАЭ. Для сравнения: руководители регулирующих органов в Египте, Турции и Иордании являются местными гражданами, и это вызывает вопросы, поскольку все три страны являются новичками в ядерной сфере. Чтобы еще больше ослабить озабоченность иностранных государств, Абу-Даби подписал все основные и дополнительные протоколы о приобретении гражданских ядерных технологий. И даже согласился на «золотой стандарт», согласно которому запрет на обогащение и переработку урана закреплен в законодательном кодексе страны. Этот шаг снискал ОАЭ похвалу и уважение во всем мире.

Четвертым аспектом создания коалиции автор считает ориентированность на общественность ОАЭ. ENEC и FANR активно взаимодействовали с широкой общественностью посредством регулярных

информационных сессий, результатом которых стала подавляющая поддержка ядерной программы страны в 80%.

Применив структуру МУП для изучения процесса принятия решения и реализации программы атомной энергетики в ОАЭ, автор переходит к рассмотрению переменных, которые могут привести к нишевому прорыву в других странах БВСА в ближайшем будущем. На ландшафтном уровне это формирование конкуренции между поставщиками ядерных реакторов. На сегодняшний день лидером в регионе и во всем мире является российский «Росатом». Это единственный поставщик, предоставляющий услуги «одного окна» для полного ядерного цикла, включая организацию возврата топлива. Он также предлагает покупателям чрезвычайно привлекательные условия финансирования, предоставляя кредиты под низкие проценты. Россия также налагает на клиентов менее строгие юридические обязательства в отношении экспортного контроля, чем США, что усиливает антиамериканские настроения в некоторых странах. АЭС во Франции отстает от графика на семь лет, в Финляндии — на десять. Авторитет Южной Кореи в атомной промышленности был подорван скандалом с некачественными ядерными компонентами. Всемирный банк фактически ввел запрет на финансирование новых ядерных проектов. Следовательно, ГК «Росатом» — почти единственный игрок на рынке покупателей, испытывающих нехватку финансов. Военные успехи бывших и нынешних союзников США стали триггером дипломатического возвращения России на Ближний Восток, который после распада СССР был проамериканским. Успех «Росатома» также является демонстрацией видения президентом РФ В.В. Путиным современной российской экономики, которая пытается перейти от роли сырьевого придатка в мире к производству передовых ядерных технологий.

Однако при более тщательном анализе устойчивость российской модели экспорта реакторов оказывается под угрозой по нескольким причинам: конкуренции со стороны Китая, внешней политики, внутренних экономических кризисов и новых нишевых разработок. В странах БВСА Китай заключил предварительные соглашения с Ираном, Египтом, Суданом и Турцией. Большие финансовые возможности Китая позволят ему предложить лучшие финансовые условия, чем у «Росатома», что может компенсировать относительно менее зарекомендовавший себя послужной список Китая за рубежом.

Другие вызовы для «Росатома» исходят, по иронии судьбы, от самой России. Внешняя политика РФ привела к постоянно усиливающимся финансовым и инвестиционным санкциям в отношении

нефтяного, оборонного и банковского секторов. Несмотря на то что ядерный сектор был исключен из-под санкций, «Росатому», тем не менее, может оказаться трудно занимать деньги у западных банков для финансирования своего расширения.

Внутренние экономические кризисы, в основном из-за нереструктурированных структурных ограничений в российской экономике и плохого делового климата, также делают «Росатом» уязвимым перед сокращением госфинансирования, без которого клиенты из развивающихся стран не смогли бы приобретать ядерные реакторы.

Скорость глобального низкоуглеродного перехода является еще одним событием на ландшафтном уровне. Чем скорее будет введен глобальный налог на выбросы углерода, тем быстрее сможет произойти нишевый прорыв в области ядерных и других низкоуглеродных энергетических технологий. Другим фактором развития нишевого уровня, который повлияет на строительство новых АЭС в странах БВСА, является стоимость альтернативных источников энергии. Например, резкое падение цен на солнечные модули и ветряные проекты.

Таким образом, анализ заинтересованных сторон, отмеченных в данной работе, способствует пониманию того, почему некоторые ядерно-энергетические программы в странах БВСА более успешны, чем другие.

*А.В. Герасимова*¹

---

¹ **Анна Владимировна Герасимова** — студентка магистратуры (2023–2025) факультета мировой политики; магистерская программа «Медиаинформационная сфера мировой политики».

РЕЙНОР Б. ТЕНЬ САНКЦИЙ: РЕПУТАЦИОННЫЙ РИСК, ФИНАНСОВАЯ РЕИНТЕГРАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СМЯГЧЕНИЯ САНКЦИЙ

RAYNOR B. The shadow of sanctions: reputational risk, financial reintegration, and the political economy of sanctions relief // *European journal of international relations*. L., 2022. Vol. 28. № 3. P. 696–721.

Ключевые слова: санкции; международные отношения; политэкономия; международная политэкономия; глобализация; глобальные финансы.

Санкции в современных международных отношениях являются одним из наиболее распространенных инструментов внешней политики ключевых международных субъектов. Рост внимания к экономическим рестрикциям обусловлен глобализацией, которая привела к тесной взаимосвязи экономик различных государств, что стало причиной активного использования принудительных мер в целях оказания политического влияния на определенную страну¹. Однако, несмотря на достаточно подробно изученный вопрос применения экономических рестрикций, проблематика отмены санкций слабо изучена в международных исследованиях.

Данная статья обращает внимание на сложность отмены финансовых санкций из-за их негативного влияния на экономические выгоды целевых государств, риски для финансовых учреждений, а также репутационные издержки. Для изучения этой динамики в статье рассматривается реакция финансового рынка на смягчение санкций в трех ключевых странах: Иране, Северной Корее и Ливии. Основной темой исследования является «репутационный риск» как основной механизм, отличающийся в зависимости от последствий сотрудничества с определенным государством-объектом и ограничивающий реинтеграцию объекта в мировую экономику после отмены санкций.

Целью данной статьи является изучения вопроса различной динамики реинтеграции ранее подвергшихся санкциям государств в мировую экономику. В соответствии с поставленной целью необходимо было решить следующие задачи: определить степень взаимосвязи между вводимой санкционной программой США и стремлением отдельных финансовых институтов идти на сотрудничество с бывшими государствами — объектами рестрикций; оценить последствия

¹ *Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B.* Economic sanctions reconsidered. Peterson Institute for International Economics, 2009.

современной политики санкций; выявить перспективы смягчения экономических рестрикций; оценить готовность частных компаний к реинтеграции с бывшими подсанкционными объектами.

В своей работе эксперт Калифорнийского университета в Ирвайне Бенджамин Рейнор включает в анализ два неуспешных в процессе смягчения санкционного режима: в отношении Ирана (2010–2017) и Северной Кореи (2002–2007), а также успешный случай с Ливией (1996–2008).

Основная литература, связанная с тематикой экономических принудительных мер, в основном рассматривает вопрос эффективности рестрикций. Однако в большинстве исследований о международных отношениях санкции изучены на уровне взаимоотношений между национальными государствами, что, по мнению автора, не является верным подходом. Б. Рейнор делает акцент на роли международных компаний в контексте глобализации и роста влияния данного актора в глобальных экономических отношениях.

Как правило, совокупные ресурсы субъектов частного сектора превосходят ресурсы национальных правительств, согласно мнению автора, и, таким образом, для того чтобы смягчение санкций было эффективным и действенным, интересы правительств, вводящих ограничения, должны совпадать с интересами субъектов частного сектора. В постсанкционной среде частные компании играют особенно важную роль, поскольку их способность и желание воссоединить целевые государства с мировой экономикой в конечном итоге определяют то, какую экономическую выгоду могут получить эти государства и какие последствия будет иметь целевая страна в будущем.

Автор анализирует, насколько репутационные риски¹, которые могут оказать значительное влияние на развитие экономических связей, являются причиной ограниченной реинтеграции. Он отмечает тенденцию к меньшему контакту фирм с компаниями, которые попали под вторичные санкции, в отличие от тех, кто напрямую находился под санкционным контролем. Автор связывает это с «поведенческими тенденциями». Бизнес, оказавшийся под экстерриториальными санкциями, шел на прямое нарушение законодательства, а следовательно, это может являться постоянным признаком в их

---

¹ Банк международных расчетов (2019) определяет репутационный риск следующим образом: «Репутационный риск можно определить как угрозу, возникающую в результате негативного восприятия со стороны клиентов, контрагентов, акционеров, инвесторов, держателей долговых обязательств, аналитиков рынка, других соответствующих сторон или регулирующих органов, которая может негативно повлиять на способность банка поддерживать деловые отношения и доступ к источникам финансирования».

политике сотрудничества и значительной репутационной потерей в будущем. В то время как ситуация с компаниями, находящимися под прямыми санкциями, является более благополучной, так как отмена экономических рестрикций означает положительное изменение в политике как государства, так и самой фирмы. За этим следует вывод о том, что эффект вторичных санкций может привести к большим репутационным рискам, по мнению международных компаний, чем возможное влияние прямых рестрикций.

Более того, основной проблемой в процессе реинтеграции являются не только возможные репутационные риски для компаний, но и вопрос реакции рынка государства-объекта. Бенджамин Рейнор отмечает, что внутренние финансовые субъекты могут оказывать давление на свои правительства с целью введения защитного контроля за капиталом. Следовательно, велика вероятность того, что некоторым крупным международным компаниям не удастся вернуться на покинутый ранее рынок. Также возможен вариант, что при успешном возвращении потенциальный доход с данного региона не окупит потраченные усилия на реинтеграцию рынка в международную систему по причине закрытости рынка после опыта санкционного ограничения.

В своей работе автор на основании теоретических аспектов рассматривает, как смягчение определенных санкционных режимов воспринималось компаниями и как это влияло на реинтеграцию определенных государств в международную экономику.

В случае с Северной Кореей Соединенные Штаты в 2006 г. предприняли попытку вернуть страну в мировую экономику после соглашения Пхеньяна на шестисторонние переговоры. Смягчение санкционного режима, однако, не привело к желаемому результату, так как, несмотря на попытки со стороны Вашингтона вмешаться в процесс, китайские и европейские компании не были готовы к выстраиванию экономических отношений в силу потенциальных репутационных рисков из-за предшествующей в 2002 г. волны вторичных санкций. Автор приводит яркий пример с китайским банком *Banco Delta Asia*, который, по мнению регулирующих органов США, отмывал северокорейские средства, направленные на развитие и распространение ядерного оружия, через примерно 50 счетов. После *Banco Delta Asia* стал «изгоем в американской и международной финансовой системе», так как специалисты оценили репутационный риск как высокий и начали создавать «неофициальное финансовое эмбарго страны»¹.

¹ Zingales L., Rajan R. Banks and markets: The changing character of European finance // National bureau of economic research, Inc. 2003. Working Paper № 9595. P. 225.

В итоге нежелание мировых финансовых игроков соблюдать инициативы США по смягчению санкций было прямым следствием репутационной динамики, связанной со вторичными финансовыми санкциями Министерства финансов Соединенных Штатов Америки. В северокорейском эпизоде также явно выделяется тенденция влияния репутационного риска на поведение финансовых субъектов при реинтеграции.

Более того, автор также отмечает потенциальную неготовность Северной Кореи к принятию вновь новых экономических факторов в связи с предшествующей жесткой санкционной политикой. Однако в связи с неточностью данных об экономике данной страны однозначный вывод сделать крайне трудно.

Эпизоды санкционной политики в отношении Ливии и Ирана рассматриваются в статье в контексте сравнительного анализа. Как крупным государствам — субъектам принудительных мер, так и международным компаниям удалось реинтегрировать Ливию в международную экономику, но с Ираном данный процесс оказался заморожен.

В двух случаях причиной послужило создание ядерного оружия, однако отличительной чертой ливийского эпизода являются два фактора. Первый — Ливия стала активно сотрудничать с МАГАТЭ по вопросам, касающимся ядерной программы, так как потенциальное исключение ее из международного рынка являлось для страны большей угрозой, чем ядерный вопрос. Второй — координация США и ЕС в вопросе вторичных санкций, которые были в конечном итоге отменены со стороны ведущих акторов в данном эпизоде. И как раз с отменой вторичных мер исчезла такая угроза, как внесение в черный список казначейства США, а следом в значительной степени снизились соответствующие репутационные последствия, угрожающие исключением из американских финансовых рынков за взаимодействие с субъектом, находящимся под санкциями Вашингтона. Это привело к росту притока инвестиций в Ливию, а следом ее относительно быструю и эффективную реинтеграцию в международную экономическую систему.

В случае с Ираном Соединенные Штаты не пошли на уступки и ослабление вторичных санкций не привело к ожидаемому результату, так как репутационный риск сохранялся на высоком уровне, в отличие от Ливии, где он опускался до минимума в связи с полной отменой экстерриториальных мер.

В результате проведенного исследования было сделано четыре основных вывода.

1. Финансовые санкции эффективны в качестве инструмента изоляции субъектов от глобальной финансовой системы. Однако дальнейшая отмена рестрикций сложна из-за репутационных рисков, связанных с внесением фирм в черные списки, а следовательно, это становится причиной замедления процесса реинтеграции стран в международные экономические отношения.

2. Парадокс в инструментах управления экономикой США создает угрозу полной неэффективности финансовых инструментов в долгосрочной перспективе, так как международные компании сохраняют систему чрезмерного санкционного контроля.

3. Вопросы о достаточности угрозы вторичных санкций и их репутационном воздействии остаются актуальными, так как последствия различаются от государства к государству. Более того, проблема готовности страны — объекта рестрикций вступить в международные экономические отношения также остается открытой, в связи с тем что проанализировать рынок некоторых закрытых стран трудно (как, например, Северной Кореи).

4. Государствам — субъектам ограничительной политики недостаточно проявлять лишь механизмы принуждения как в вопросе соблюдения санкционных режимов, так и их смягчения. Министерства, отвечающие за политику применения экономических рестрикций, также должны оценивать уровень готовности международных компаний в вопросе реинтеграции, зависящей от уровня репутационного риска.

Автор исследования отмечает, что вопрос смягчения санкций и следующая за ним проблематика реинтеграции остаются актуальной повесткой, требующей дополнительного изучения на основе анализа иных эпизодов санкционного давления.

*П.Ю. Жукова*¹

---

¹ **Полина Юрьевна Жукова** — студентка магистратуры (2023–2025) факультета мировой политики; магистерская программа «Экономическая дипломатия».

ШАМСИ Р. С., САФЕИ С.
ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ПОЛИЦЕЙСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

SHAMSI R.S., SAFEI S. Artificial intelligence adoption in predictive policing to predict crime mitigation performance // International journal of sustainable construction engineering and technology. 2023. Vol. 14. № 3. P. 289–298.

Ключевые слова: искусственный интеллект; полиция; эффективность борьбы с преступностью.

Будущее работы правоохранительных органов тесно связано с интеграцией компьютерных технологий в традиционные методы полиции, в частности с использованием искусственного интеллекта, алгоритмов и обработки больших объемов данных для предотвращения преступной деятельности. Несмотря на обнадеживающие результаты, существует ряд проблем, таких как точность данных, подготовка сотрудников и их сопротивление изменениям. Профессионализм сотрудников в области технологий и использование инновационных методов обучения играют важную роль в успешной реализации этих подходов.

В Объединенных Арабских Эмиратах искусственный интеллект и анализ больших данных стали ключевыми компонентами в достижении цели «нулевой преступности», особенно благодаря программе *Ouoon*, запущенной дубайской полицией. Несмотря на этот прогресс, присутствуют недостатки в обучении сотрудников новым технологиям, что сдерживает полную реализацию их потенциала. Полиция в Абу-Даби нацелена на переход от реактивного к предиктивному подходу, используя технологии для предупреждения преступлений, что подчеркивает важность качественного обучения и эффективной адаптации сотрудников к новым методам работы [с. 289].

Прогресс искусственного интеллекта (ИИ) имеет значительное влияние на различные области, включая сферу борьбы с преступностью. В ОАЭ его применение приводит к изменениям в различных отраслях и услугах, включая здравоохранение. Искусственный интеллект оптимизирует рабочие процессы, улучшает обслуживание граждан и дополняет человеческую рабочую силу. Несмотря на большой потенциал, существуют проблемы в предсказании преступлений,

которые требуют экспертизы у полицейских в понимании применяемых алгоритмов.

В своей статье Рашед Салех аль-Шамси и Сю'аиди Сафэи рассматривают роль обучения в области искусственного интеллекта и анализа больших объемов данных в борьбе с преступностью, а также в оптимизации эффективности деятельности полиции при помощи совместного обучения. Рассматривая внедрение предсказательного моделирования в работу полиции Абу-Даби, данное исследование анализирует связь между эффективностью противодействия преступности и такими факторами, как применение технологий, профессиональная подготовка, производительность сотрудников полиции и совместное обучение [с. 290].

Авторы статьи отмечают, что внедрение инноваций в сфере правоохранительной деятельности представляет собой важный аспект для повышения производительности полицейских и улучшения взаимоотношений с обществом. Особенное внимание уделяется усовершенствованию процедур ареста и снижению риска травмирования при физическом вмешательстве. Это охватывает разнообразные стратегические, тактические и операционные аспекты работы полиции, призванные улучшить общественную безопасность и снизить риск возникновения конфликтных ситуаций в процессе выполнения служебных обязанностей [с. 291].

Отмечается срочная необходимость в обучении по предиктивному полицейскому делу из-за уменьшения ожидаемых преимуществ [с. 292]. Важно согласовать технологии и ресурсы полиции для эффективного использования системы. Подчеркивается пробел в исследованиях интеграции предиктивного полицейского дела. Сотрудники должны умело взаимодействовать с развивающейся технологией для понимания областей ее потенциального применения.

Сотрудничество играет существенную роль в достижении общих образовательных целей в контексте предиктивного полицейского дела. Оно способствует стимулированию инноваций и обмену идеями для достижения общих целей, осуществляемому как лично, так и при помощи технологий. Задачи, возникающие в рамках общих образовательных мероприятий, могут различаться по степени ясности, а участники взаимодействия могут принимать определенные роли в зависимости от характера проблемы [с. 292].

Несмотря на то что сотрудничество способствует нахождению краткосрочных решений, его долгосрочное воздействие улучшает способность группы к адаптации благодаря накопленному опыту. В сфере правоохранительной деятельности совместное обучение

способствует созданию продуктивной рабочей среды, дополняя социальные структуры. Более того, укрепленные совместные образовательные усилия могут привести к снижению уровня преступности и повышению эффективности деятельности в данной области.

Для сбора данных в данном исследовании использовалось анкетное исследование среди сотрудников отдела криминалистики в Абу-Даби. Методика выборки соответствует демографическому профилю отдела и основана на вероятностной выборке для обеспечения равных возможностей участия. Из общего числа полученных ответов, составившего 434, анализ проводился только на основе 316 ответов. Изначально было исключено 118 случаев для повышения качества данных [с. 292].

Демографический анализ показал, что среди респондентов 93 человека — мужчины, в то время как 213 — женщины. По возрастным группам наибольшее количество участников приходится на возрастную категорию от 31 до 35 лет (119 человек), в то время как наименьшее количество респондентов относится к возрастной группе от 41 до 45 лет (12 человек) [с. 292].

Сотрудники отдела представлены на разных уровнях — оперативном, среднем и высшем, причем наибольшее количество респондентов приходится на средний уровень (62%). Согласно опыту работы, наиболее распространены сотрудники с трудовым стажем от 11 до 15 лет (22,8%) [с. 292].

В данной статье акцентирована значимость проведения оценки надежности с целью обеспечения последовательности и стабильности собранных данных. Этот процесс гарантирует, что используемые измерительные инструменты последовательно предоставляют точные результаты, что, в свою очередь, улучшает достоверность выводов. Оценка надежности, проводимая путем анализа внутренней согласованности и воспроизводимости ответов, обеспечивает прочную основу для выводов, сделанных на основе предоставленных данных [с. 293]. Для оценки надежности использовался тест Кронбаха—Альфа, который показал значительную степень надежности всех конструктов в модели. Визуальный анализ показал, что все конструкты превышают установленный порог значимости 0,7 для теста надежности [с. 293].

Проведение описательного анализа для факторов, направленных на смягчение преступности, предоставляет информацию о структуре данных, их центральных характеристиках и уровне изменчивости. Использование статистических измерений, таких как средние значения, стандартные отклонения, асимметрия и эксцесс, позволяет сжато описать данные и выделить возможные тенденции и проблемы [с. 293].

Авторы отмечают наличие сильных корреляций между всеми факторами, что подчеркивает важность контроля за мультиколлинеарностью. Они обращают внимание на возможное воздействие избыточных корреляций на предсказательное моделирование и предлагают использование методов анализа мультиколлинеарности, таких как статистика толерантности и коэффициент инфляции дисперсии, для решения проблем в регрессионном анализе [с. 295].

Кроме того, подчеркивается важность разработки множественной линейной регрессионной модели, учитывающей разнообразные переменные, связанные со смягчением преступности. Такой подход позволяет количественно оценить как индивидуальные, так и общие эффекты, что предоставляет правоохранительным органам возможность стратегического распределения ресурсов и прогнозирования результатов в сфере смягчения преступности [с. 296].

По итогам исследования авторы статьи приходят к выводу, что создание множественной регрессионной модели для прогнозирования эффективности уменьшения преступности при внедрении предиктивного полицейского обеспечения с использованием искусственного интеллекта может значительно улучшить показатели предотвращения преступлений. Отмечается высокое качество обработки предикторов, позволяющее достигать высокой приспособленности системы к анализу системы потенциальных преступлений. Подчеркивается, что рассмотренные в статье инструменты предоставляют ценный ресурс отделу криминалистики Абу-Даби для улучшения принятия решений в области предотвращения преступлений. Однако эффективное внедрение систем анализа больших данных и технологий ИИ возможно лишь при условии специализированного полицейского обучения.

*Г.С. Ляховский*¹

---

¹ **Георгий Сергеевич Ляховский** — студент магистратуры (2023–2025) факультета мировой политики; магистерская программа «Международная безопасность».

Линь Н., Цзе В. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РЕАГИРОВАНИЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА НОВУЮ КАМПАНИЮ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КИТАЕ

LIN N., JIE W. Strategic responses of NGOs to the new party-building campaign in China // China information. 2022. Vol. 36. № 1. P. 46–67.

Ключевые слова: неправительственные организации (НПО); партийное строительство; изоморфизм; ресурсная зависимость; стратегическое реагирование.

В результате политики реформ и открытости на территории Китайской Народной Республики было учреждено огромное количество официально не аффилированных с государством общественных организаций, реализующих собственные интересы в экономической, социальной и культурной сфере. Однако, ввиду специфических условий политической и правовой среды в Китае, деятельность неправительственных организаций всегда, в той или иной степени, была под пристальным наблюдением партии и правительства. В последнее десятилетие Коммунистическая партия Китая стремится значительно усилить контроль над различными НПО в рамках утвержденной кампании по партийному строительству. Неправительственные организации при этом стремятся выработать для себя максимально эффективную стратегию реагирования на подобные шаги со стороны государства. Данные действия НПО и становятся предметом анализа Линь Ни (Гонконгский университет, г. Гонконг, Китай) и Цзе Ву (Фуданьский университет, г. Шанхай, Китай).

Цель исследования — выявить преимущественные черты ответной реакции НПО на политику государственного контроля в Китае в соответствии с характером учредителей и ресурсной базой общественных организаций. Авторами был проведен опрос сотрудников и руководителей более 60 различных НПО, среди которых были как организации, довольно тесно сотрудничающие с государством, так и международные неправительственные организации. В статье отмечаются особенности участия представителей партийного аппарата в деятельности НПО и то, насколько лояльно относятся к этому руководители некоммерческих организаций различного уровня.

Согласно авторам статьи, правительство КНР начиная с 1990-х гг. регулярно призывало различные неправительственные организации к сотрудничеству с правящей партией, однако данные усилия имели крайне ограниченный успех. С приходом к власти «пятого поколения руководителей» во главе с Си Цзиньпином Компартия Китая значи-

тельно ужесточила контроль над деятельностью негосударственных общественных организаций. После XIX съезда КПК в 2017 г. все зарегистрированные в Китае НКО были включены в так называемую кампанию «по партийному строительству» [с. 47]. По мнению авторов, с политической точки зрения партийное строительство в негосударственных организациях является адаптивной стратегией КПК, в ходе которой государственными и партийными органами власти осуществляется так называемый организационный изоморфизм различных НПО, итогом которого должна стать ликвидация неоднородного характера третьего сектора и привлечение максимального количества неправительственных организаций к сотрудничеству с государством. Для осуществления контроля за работой по развитию партийного строительства среди НКО на муниципальном уровне создаются специализированные партийные комитеты, возглавляющие до нескольких десятков отделений Компартии в местных общественных организациях. Более того, с начала 2019 г. Министерство гражданской администрации КНР обязало НКО указывать в уставе, что организация будет строго придерживаться принципа поддержки руководства партией. Все новообразованные НПО при регистрации обязаны включать данное положение в уставные документы, а действующие — вносить соответствующие изменения в уже существующий устав [с. 49].

Тем не менее, как утверждают авторы, осуществление КПК государственного контроля над третьим сектором сталкивается с вполне ощутимыми проблемами, первой из которых является несогласованность действий между местными органами власти относительно распределения обязанностей по «партийному надзору» над НКО [с. 50]. Нередкой бывает ситуация, когда на провинциальном уровне кампанией по партийному строительству среди НПО руководят сразу два партийно-государственных органа, что накладывает существенные ограничения на рабочий процесс. Более того, нередко сотрудники комитетов по делам гражданской администрации оказывались не в должной мере ознакомлены с задачами партийного строительства среди НКО, а профессиональные кадры просто не привлекаются к данной работе, так как зачастую при оценке деятельности местных партийных отделений работа в сфере партийного строительства в неправительственных организациях может практически не учитываться, что значительно снижает стимул к активному продвижению данной повестки.

Другой, не менее значимой проблемой обозначается вопрос зависимости некоммерческих организаций от тех или иных ресурсов,

необходимых для осуществления своей непосредственной деятельности. В зависимости от характера финансирования авторами статьи китайские НПО подразделяются на государственные и гражданские. Чтобы получить государственное финансирование или заключить контракт, государственные НПО должны всецело соответствовать требованиям партийного строительства. Более того, в состав исполнительных директоров и членов правления аффилированных с государством НПО часто входят отставные государственные служащие или партийные лидеры. Для гражданских НПО следование партийной линии практически никак не влияет на привлечение частных ресурсов. Таким образом, у них меньше стимулов для проведения политики партийного строительства и они могут проявлять умеренное сопротивление проникновению государственных структур в их профессиональную деятельность [с. 51].

При проведении анализа особенностей реагирования неправительственных организаций в Китае на кампанию партийного строительства авторами были проведены интервью с сотрудниками и руководителями 64 организаций третьего сектора в различных регионах КНР [с. 52]. НПО, участвовавшие в исследовании, были зарегистрированы как фонды, частные некоммерческие структуры или ассоциации. Кроме того, в число опрошенных также входили международные неправительственные организации. Типы выбранных организаций включали в себя как государственные, так и гражданские НПО, что позволило сравнить отличающиеся друг от друга ресурсным обеспечением и отношениями с государственными органами различные неправительственные структуры.

По итогам проведенного опроса выяснилось, что участие НПО в кампании по партийному строительству в части создания партийных отделений осуществляется в различных формах. Местные партийные органы требуют от каждой НПО назначить как минимум одного сотрудника в качестве представителя по партийному строительству. За исключением двух международных НПО, все опрошенные организации назначили своих представителей в партийные комитеты местного уровня. НПО с тремя и более членами партии обязаны создавать низовые партийные ячейки в своих организациях, а менее чем с тремя членами партии — совместные партийные ячейки с другими учреждениями. Из 64 опрошенных организаций 33 создали низовые партийные ячейки, 6 — совместные, 2 — временные и 3 — выездные. Восемнадцать НПО назначили только уполномоченных по партийному строительству в партийные комитеты местного уровня. Вышеупомянутые две международных неправительственные орга-

низации никогда не принимали участия в партийном строительстве [с. 54].

На основе полученных данных в работе выводится трехуровневая шкала, отражающая позицию и возможности НПО в установлении контактов с партийными организациями. Авторами статьи озвучиваются следующие стратегии реагирования на политику партийного строительства среди неправительственных структур: «принятие», «компромисс» и «избегание».

«Принятие» — это наиболее пассивная стратегия в ответ на институциональное давление. Организация, использующая данную стратегию, принимает институциональные установки и корректирует свою деятельность в соответствии с требованиями государственных органов, соглашаясь с принципами партийного строительства и подчиняясь политическим установкам партии. Данная модель поведения присуща как государственным, так и гражданским НПО. Для государственных НПО данная ситуация является более естественной, поскольку, являясь фактически придатками партийно-государственной системы, данные структуры имеют значительные связи с партийно-бюрократическим аппаратом страны. Эти организации рассматриваются как квазигосударственные учреждения, созданные в основном с целью продвижения государственных инициатив в сферах социального обеспечения, образования и здравоохранения [с. 55]. В силу своей организационной структуры и кадрового состава данные НПО, естественно, активно продвигают принципы партийного строительства. Гражданские же НПО, хотя и не являются напрямую аффилированными с партией, также зачастую идут на значительные уступки партийным органам, так как рассматривают данный шаг как средство установления связей с государством, способствующих увеличению финансирования и возможности избежать институциональных ограничений со стороны правительства.

«Компромисс» — это политика баланса, заключающаяся в попытке согласовать требования и ожидания нескольких заинтересованных сторон. Не стоит забывать, что НПО несут значительную ответственность не только перед государством, но и перед многочисленными донорами и бенефициарами организации. Когда заинтересованные стороны выражают противоречивые запросы, НПО всегда приходится идти на компромисс. По сравнению с политикой «принятия» данная стратегия более активна и предполагает наличие определенной самостоятельности организации в определении того, какие требования желательно удовлетворить, а какими можно пренебречь. Очевидно, что подобную тактику рассматривают для себя только гражданские

НПО, которые располагают источниками финансирования как из государственного, так и из частного сектора. В связи с этим может наступить достаточно ощутимая дилемма: с одной стороны, участие в партийных мероприятиях способствовало бы укреплению отношений с партийно-бюрократическим аппаратом и привлечению государственной поддержки; с другой — ограничивало бы пожертвования третьих лиц, поскольку частные спонсоры могут не захотеть, чтобы НПО тратили свое время и ресурсы на партийное строительство. Одним из наиболее частых решений подобного несоответствия интересов становится пассивное участие НПО в программах партии [с. 57]. Организация назначает уполномоченных по партийному строительству, которые принимают крайне пассивное участие в работе парторганизации, зачастую даже не присутствуя на регулярных мероприятиях, проводимых вышестоящими партийными инстанциями. В случае же если уровень частного финансирования не способен эффективно и своевременно покрывать все расходы и отвечать нуждам НПО, то, ожидаемо, организация склоняется к более тесному сотрудничеству с государством, которое широко приветствует политику сотрудничества с гражданскими НПО, поскольку оно позволяет не только повысить эффективность предоставления социальных услуг, но и снизить нагрузку государства в социальной сфере. Кроме того, успешное сотрудничество способствует привлечению других НПО к активному участию в партийном строительстве, а поскольку таким образом социальные услуги будут предоставляться, пускай и опосредованно, но от имени КПК, местные партийные организации при составлении отчета о проделанной работе также включают в него и деятельность сотрудничающих с государством различных неправительственных организаций [с. 58].

«Избегание» — это стратегия, используемая исключительно для противостояния институциональному давлению. Происходит как за счет сокрытия несоответствия политики НПО официальным партийным установкам, так и путем ухода организации из сферы своей деятельности. Гражданские НПО, отстаивающие интересы, несовместимые с позицией правящего режима, при сопротивлении политической ассимиляции зачастую демонстрируют внешнее соответствие правилам партийного строительства, тогда как в реальности прилагают еще меньшие усилия к продвижению линии партии, чем организации, руководствующиеся стратегией «компромисса». Символическое принятие установленных партийных норм является не более чем прикрытием нежелания данных организаций сотрудничать с государственными органами. Финансирование данных НПО за-

частую может происходить исключительно из зарубежных источников, без привлечений пожертвований внутри страны. В тех случаях, когда сокрытие истинных мотивов не представляется возможным, НПО могут рассмотреть возможность ухода из Китая [с. 59–60]. Авторы статьи отмечают, что после вступления в силу Закона об иностранных НПО, который ограничивает деятельность международных неправительственных организаций по нескольким направлениям, ряд международных НПО прибегли к тактике ухода, поскольку не представляли возможным подвергать свою организацию тщательному контролю со стороны партийно-государственных органов, требовавшемуся для продолжения их деятельности.

В заключение авторы обозначают, что за счет крайне неоднородной ситуации с развитием деятельности НПО в различных регионах Китая, а также из-за разрозненной политики государственно-бюрократического аппарата КНР по продвижению кампании партийного строительства в неправительственных организациях нельзя сделать категоричный вывод о том, что НПО в Китае находятся в однозначной зависимости от государства и не способны проявлять политику балансирования или противодействия. Тем не менее определенно можно сделать вывод о том, что за последние несколько лет между различными партийно-государственными структурами и НПО значительно усилились взаимные связи, в которых всякого рода НПО зависят от легитимации со стороны государства, а партийные власти рассчитывают на сотрудничество с неправительственными структурами с целью решения своих политических задач. На сегодняшний день трудно сказать, смогут ли усилия КПК по проникновению партийно-бюрократических структур в третий сектор полностью оправдать себя. В значительной степени это будет зависеть от уровня и направленности переговорной силы неправительственных организаций.

*О.С. Череповский*¹

---

¹ Олег Сергеевич Череповский — студент магистратуры (2023–2025) факультета мировой политики; магистерская программа «Международная безопасность».

ГРИНЧЕВА Н. ЗА РАМКАМИ ДИПЛОМАТИИ ОЦЕНОК: ОТ РЕЙТИНГОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» К КРИТИЧЕСКОЙ ИНДУКТИВНОЙ ГЕОГРАФИИ

GRINCHEVA N. Beyond the scorecard diplomacy: From soft power rankings to critical inductive geography // *Convergence: The international journal of research into new media technologies*. 2022. Vol. 28. № 1. P. 70–91.

Ключевые слова: «мягкая сила»; визуализация данных; геовизуализация; картографирование; рейтинги; Soft Power 30 Index.

Визуализация данных активно используется в научных исследованиях, позволяя легче воспринимать и оперативно обрабатывать различные сведения. В то же время она стала неотъемлемым инструментом политики искажения, влияющим на сознание людей. Наиболее ярко такие фальсификации проявляются в области изучения «мягкой силы», что связано с тенденциями глобализации, а также с достаточной неопределенностью критериев оценки самой концепции «мягкого влияния». Ведь если полагать ресурсами «мягкой силы» государства его культуру, ценности и внешнюю политику, которые в общем-то нематериальны, то возникают закономерные вопросы: а как их подсчитать, как сравнивать и анализировать? Существует множество рейтингов «мягкой силы», основанных на большом количестве данных. Однако результаты вышеозначенных рейтингов в большинстве своем субъективны и нацелены не столько на описание, сколько на формирование образа той или иной страны в определенной интерпретации. Понимая это расхождение, автор рассматриваемой статьи Наталья Гринчева (Высшая школа экономики, г. Москва, Россия; Мельбурнский университет, г. Мельбурн, Австралия) выбирает проблематику дипломатии оценок в качестве объекта исследования.

Цель исследования — изучение возможностей визуализации данных с учетом их политизации для более глубокого и интерактивного рассмотрения вопросов «мягкой силы».

Для достижения поставленной цели необходимо было решить ряд задач: установить недостатки традиционного механизма визуализации данных; определить присутствие политического фактора в оценках рейтинга Soft Power 30 как одного из наиболее авторитетных таких систем показателей; рассмотреть опыт использования системы геовизуализации данных; осветить результаты исследования в рамках проекта «Глубокое картографирование: создание динамического

веб-приложения музейной карты “мягкой силы”»; осмыслить необходимость рефлексивного дизайна и обоснованного подхода в географических методах исследования «мягкой силы».

Во введении к статье автор подчеркивает растущую роль визуализации данных, обуславливая емкостью, лаконичностью и удобством для восприятия ее форм. Раскрывая дефиницию, Н. Гринчева указывает, что «визуализация данных может быть определена как использование вычислительных методов для отображения данных с целью иллюстрации взаимосвязей, явлений или причинно-следственных связей»¹. История происхождения и развития визуализации берет начало в XVI–XVII вв., т.е. связана, по сути, с формированием национального государства.

Позднее в связи с ростом информации о планете, человеке и сферах его деятельности возникла необходимость структурировать и систематизировать разрозненные данные. Далее визуализация переместилась в средства массовой коммуникации и в конечном итоге стала оказывать влияние на восприятие того или иного объекта. Визуализация данных может включать в себя широкий спектр методов, позволяющих исследовать различные типы данных, от многомерных до нечисловых, географических и др. [с. 71]. Особое же значение автор придает картографии, с помощью которой формируются геоинформационные системы.

Такие многомерные структуры объединяют в себе, например, данные географической карты, природной среды, статистики смертности, разные числовые показатели и т.д. В общем, визуализация служит не только презентационным материалом, но и инструментом исследования, позволяя синтезировать новое знание и выдвигать гипотезы для последующих научных изысканий.

Наиболее активно и, вместе с тем, противоречиво ее механизмы реализуются, как было отмечено, в области «мягкого влияния». Автор статьи указывает, что «термин “мягкая сила”, введенный Джозефом Наем², относится к неосязаемым формам силы, таким как культура, идеология и институты, которые позволяют странам достигать своих внешнеполитических целей». Все чаще «мягкая сила» государства

¹ *Raisch M.J. Connecting the dots: visualizing international law / Ed. by E. Lovall // Proceedings of the Annual of the American Society of International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.*

² Джозеф Най-младший (1937 г.р.) — американский государственный деятель и политолог; один из основоположников школы неолиберализма в международных отношениях; как ученый исследовал и разработал теорию комплексной взаимозависимости, априорного консенсуса, однако наибольшую известность получил как создатель концепции «мягкой силы», разрабатывавшейся им с 1980-х гг. — *Примеч. реф.*

подвергается оценке на основе комплекса данных. Созданы и функционируют как государственные, так и негосударственные рейтинговые системы. Н. Гринчева перечисляет целый ряд таковых, но отдельно заостряет внимание на «Soft Power 30 Index», разработанный компанией «Portland», как на особенно авторитетной.

Следуя взгляду Ная на ресурсы «мягкой силы» как на активы, создающие привлекательность, портлендский индекс измеряет «мягкую силу» отдельных стран, используя более 75 показателей по шести субиндексам данных [с. 72]. Эти критерии включают в себя вклад в мировую культуру, привлекательность высшего образования, экономическую модель развития, отношение к туристам. Часто итоги рейтинга служат причиной изменений или диверсификации усилий государств в сфере их национальной политики «мягкой силы».

В то же время они являются эффективным методом манипуляции, продуцирующим необходимый бенефициару нарратив о государстве не только на международной арене, но и внутри него самого, среди населения. Однако автор выходит за рамки просто критики, в своей работе она демонстрирует опыт визуализации «мягкой силы», учитывая процесс политизации информации. В качестве примера приведен проект «Deep Mapping: Creating a Dynamic Web Application Museum Soft Power Map»¹, разработанный в 2018 г. Мельбурнским университетом и Австралийским центром движущегося изображения (АСМИ). АСМИ — это государственный музей, в котором хранится крупнейшая в стране коллекция документов с движущимися изображениями, начиная от фильмов и заканчивая цифровыми произведениями искусства и инсталляциями. Цель проекта — внести свой вклад в развивающуюся область «Digital Humanities»², которая в последние годы включает новые подходы к работе с большими массивами данных [с. 73].

В результате было создано веб-приложение «Музейная карта “мягкой силы”», основанное на визуализации данных с помощью искусственного интеллекта. Данный проект призван методами глубокого картографирования представить способности музеев оказывать глобальное влияние. Это многослойное картографирование не только выявило измеримые показатели «мягкой силы» музеев, но, что наиболее важно, показало, как именно они соотносятся с местными факторами, которые формируют социально-демографический контекст музейного влияния в разных странах [с. 73]. Таким образом,

¹ Глубокое картографирование: создание динамического веб-приложения музейной карты «мягкой силы».

² Цифровые гуманитарные науки.

геовизуализация, как подчеркивается, смогла качественно улучшить анализ и оценку осуществления «мягкой силы», преодолев функцию лишь количественного сопоставления информации.

Дальнейший раздел исследования «От дипломатии визуализации данных к политике рейтингов “мягкой силе”» вновь обосновывает и подводит итоги использования визуализации данных в политических целях. Практика реализации включает в себя также функцию информирования, содействие принятию решений, формирование общественного мнения, легитимацию какого-либо явления, введение в заблуждение, влияние на политику государств, стремление дополнительно нарастить конкуренцию между ними, увеличить конфликтотенциал. Причем акторами, осуществляющими перечисленные действия, являются не только государства, но и межгосударственные и негосударственные субъекты.

В части «Проблема количественной оценки» автор статьи отмечает, что «хотя индексы и информационные панели являются ценными отправными точками для анализа “мягкой силы”, они не дают содержательных объяснений» [с. 76], т.е. количественные показатели — это только начальный этап исследования, который должен перерасти в качественное изучение. Кроме того, в большинстве случаев рейтинги игнорируют исторический контекст развития стран, отождествляя действие их «мягкой силы» с лежащими в ее основе ресурсами. Опираясь в основном на ресурсно-ориентированный подход, трудно уловить влияние «мягкой силы» [с. 76].

Тот же портлендский индекс подвергается критике за смешение ресурсов «мягкого влияния» с его результатами, а также за снисходительное отношение к внешнеполитической стратегии стран при составлении рейтинга. Поэтому один из возможных вариантов преодоления этого недостатка заключается в подсчете действий национальных правительств по имплементации собственной «мягкой силы». Другой же путь лежит в области анализа данных четырех критериев: миграции, количества иностранных студентов, туристов и экспорта продукции кино. Хотя обе системы используют своего рода поведенческий анализ, который, как представляется, закрывает пробел в дилемме «ресурсы» и «эффекты», они по-прежнему не предлагают более целостного подхода, который включал бы все переменные на всех этапах процесса конвергенции «мягкой силы» — от ресурсов до результатов и итогов [с. 76].

Дополнительно Н. Гринчева в разделе «Угрозы колонизации данных» описала предвзятость портлендского рейтинга, объясняя это феноменом «колонизации» различных параметров Глобального Севера

Глобальным Югом. Учитывая, что изначально понятие «мягкой силы» было частью американского дискурса, призванного закрепить победу Соединенных Штатов в холодной войне и статус единственной сверхдержавы, рейтинговые системы в данной области выстраиваются вокруг западного неолиберального понимания мироустройства. Действительно, индекс «Soft Power 30» основан на многочисленных показателях нескольких ключевых субиндексов, которые включают, например, индекс свободы прессы, индекс «Freedom House» и индекс эффективного управления и верховенства закона Всемирного банка [с. 77]. Соответственно, происходит недооценка «мягкой силы» стран Глобального Юга. Такие государства, как Индия, Египет, Китай, которые имеют богатейшую историю и выдающееся культурное наследие, в абсолютном большинстве случаев оцениваются необъективно и отстают в рейтинге от стран Запада.

Именно поэтому в разделе «Новый подход к измерению “мягкой силы”: геовизуализация как критическая география» проанализированы механизмы решения обозначенных выше проблем. Так, было выяснено, что «оценки в масштабах страны или города не учитывают многогранный и сложный характер различных и очень часто конкурирующих субъектов в рамках конкретного национального или регионального сообщества» [с. 78]. Однако веб-приложение «Музейная карта “мягкой силы”» (MSPM) позволило комплексно исследовать явление «мягкой силы», изучать его как сложный процесс методами геовизуализации.

Данный подход состоит в создании многослойного картографирования, когда на нескольких срезах изображаются, интегрируются и сопоставляются различные типы данных. Приложение MSPM объединило большой объем социально-демографических данных и культурной аналитики из каждой страны по всему миру, чтобы показать, как вторичные факторы влияют на результаты использования «мягкой силы» в различных географических регионах [с. 79]. Оно позволило переключить внимание от конкуренции между странами за более высокое место в традиционных рейтинговых системах к рассмотрению достоинств и просчетов собственных компонентов «мягкой силы» в различных географических зонах, на одном или одновременно на нескольких уровнях.

Тем не менее картографический метод визуализации также подвергается критической оценки, главным образом в силу посредственного теоретического обоснования. Но уже в следующем разделе «Улучшение визуализации данных с помощью обоснованных подходов и рефлексивного проектирования» описано усовершенствование

геовизуализации с поправкой на критику. В качестве примера автор выделяет так называемую обоснованную визуализацию, суть которой заключается в многократном повторе сбора и анализа как количественных, так и качественных данных.

Для учета качественных данных, которые, действительно, трудно уместить в рамках визуализации, в приложении MSPM интегрирован аспект цифрового повествования в дополнение к подходу глубокого картографирования [с. 82]. Так, веб-приложение содержит гиперссылочный аппарат на текстовые, фотографические и иные материалы, что в совокупности с рефлексивным дизайном предоставляет исследователям возможность более творчески подходить к процессу научных разработок и в целом увеличить проявление своих взглядов в работе.

В результате проведенного исследования Н. Гринчева сформулировала несколько выводов.

1. Визуализация данных не может быть полностью объективной в силу самой сущности формируемых людьми материалов, поэтому любые рейтинги, включая портлендский индекс, не являются непреложной истиной.

2. Геовизуализация может быть использована не только как презентационный механизм, но и как инструмент комплексного исследования.

3. Проблема измерения «мягкой силы» стран заключается в большом количестве заблуждений: упрощенных количественных показателей; посредственной причинно-следственной связи между ресурсами и результатами «мягкой силы»; игнорировании ее географической переменной.

4. Несмотря на перечисленные недостатки, портлендский индекс «Soft Power 30» остается авторитетным и глобально влиятельным рейтингом, в значительной степени способным формировать поведение акторов на мировой арене.

5. Проект «Глубокое картографирование» смог предложить способы картографирования «мягкой силы», чем изменил и усовершенствовал ранее существующую систему ее оценки.

6. Приложение «Музейная карта “мягкой силы”» (MSPM) предоставило возможность изучать аспекты политической географии в сопряжении со сложной экосистемой «мягкой силы».

Таким образом, современные географические методы визуализации данных способствуют изучению стратегии «мягкой силы» государств как многопланового поступательного и динамичного процесса, отличающегося в зависимости от географических, социально-

Гринчева Н. За рамками дипломатии оценок: от рейтингов «мягкой силы»...

демографических, этнографических, исторических и иных условий. Как исследовательская платформа геовизуализация позволяет выдвигать теории и гипотезы для последующих научных разработок.

*А.В. Скрьльников*¹

---

¹ **Артем Владимирович Скрьльников** — студент магистратуры (2023–2025) факультета мировой политики; магистерская программа «Международная безопасность».

ЛАРС Г., РУРМАН Г., БИШОФФ ДЖ., ПЕНЗЕЛ Т.,
ВЕБЕР А. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ФРЕЙМИРОВАНИЕ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
АНАЛИЗ МЕМОВ, РАЗМЕЩЕННЫХ «ГЕРМАНСКИМ
ДВИЖЕНИЕМ ЗА ИДЕНТИЧНОСТЬ» В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

LARS G., RUHRMANN G., BISCHOFF J., PENZEL T., WEBER A. Strategic framing and social media engagement: Analyzing memes posted by the German Identitarian Movement on Facebook // *Social media + Society*. 2020. Vol. 6. P. 1–13.

Ключевые слова: коммуникация в социальных сетях; мемы; стратегическое фреймирование; контент-анализ.

На современном этапе социальные сети выступают важной платформой трансляции политических идей и продвижения определенных идеологий. Социальным сетям присущи и собственные инструменты для коммуникации, одним из подобных инструментов являются мемы. Мемы — это популярное понятие в интернет-культуре, которое описывает идеи, концепции, изображения, видео или фразы, быстро распространяющиеся и приобретающие популярность через Интернет. Мемы часто используются для передачи смешных или ироничных сообщений, комментариев на события или явления. Они могут быть созданы самими пользователями или стать популярными за счет широкого распространения в социальных сетях, форумах или других онлайн-платформах. В рамках анализируемой статьи исследуются мемы, размещенные Германским движением за идентичность (далее — GIM, *German Identitarian Movement*¹) на своей странице в Facebook², которые отражают шесть основных стратегических фреймов³, представляющих различные социальные проблемы, и призывают к социально-политическим действиям.

В первую очередь требуется обозначить основные характеристики GIM для понимания контекста проведенного исследования. Так, GIM представляет собой движение, ориентированное в большей степени на молодежь, что обуславливает активное использование движением коммуникации в социальных сетях. Центральная идео-

¹ GIM занесено в категорию правозкстремистских движений в Германии. — *Примеч. реф.*

² Facebook принадлежит компании «Meta», признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ. — *Примеч. реф.*

³ Фрейм — это схема убеждений или организованный когнитивный способ восприятия сложного набора шаблонов, рассуждений и решений. Фреймы фокусируют внимание на конкретных темах или перспективах. — *Примеч. реф.*

логия движения — этноплюрализм, т.е. естественное разнообразие культур и культурных идентичностей. Представители движения за идентичность не заявляют о превосходстве одной расы над другой, скорее они пытаются оформить высказывания в социально приемлемых, по их мнению, формах. Движение за идентичность выступает против выбора многих европейцев оставаться бездетными, против культурного смешения, нетрадиционных гендерных ролей, мультикультурализма, а также против растущей миграции людей в Европу, которая якобы усиливает так называемую исламизацию континента. Подобная характеристика идеологии GIM и современных коммуникационных каналов для распространения своих идей привела к тому, что в общественных кругах данное движение и ему подобные стали именоваться «новыми правами». GIM определяет этноплюрализм как идею о том, что нации и этнические группы сохраняют свою уникальность и независимость друг от друга. Организация считает, что этноплюрализм приводит к конфликтам и что различия между этническими группами могут быть источником напряженности и конфликтов в обществе. Однако многие люди и эксперты считают, что этноплюрализм может быть позитивным явлением, поскольку позволяет различным культурам сосуществовать в рамках общества, обогащая его разнообразием. Однако подход GIM к этноплюрализму является узким и приводит к шовинистическим и расистским взглядам на культурное многообразие. Распространение соответствующих тезисов в идеологии GIM на совокупность вышеперечисленных тезисов и активное использование сторонниками движения современных коммуникационных каналов для распространения своих идей обусловили его определение в современном германском политическом дискурсе в качестве «новых правых».

Вместе с тем авторы статьи Ларс Гюнтер, Георг Рурманн, Дженни Бишофф, Тесса Пензел и Антония Вебер подчеркивают, что сами представители данного движения не считают себя ни «правыми», ни «левыми», что создает некоторую путаницу и сложности в определении истинной политической позиции представителей данного движения, что, в свою очередь, представляется их намеренным стратегическим ходом. В некоторых случаях пользователи даже могут поддержать эти движения, не понимая, за что они выступают на самом деле.

В мае 2018 г., незадолго до удаления официальной страницы GIM в Facebook, она насчитывала более 65 тыс. лайков и имела более 68 тыс. подписчиков [с. 2]. Хотя активных членов GIM насчитывается всего около 100 человек, движение вызывает такой резонанс, как

будто их в сотни раз больше. Важно отметить, что большинство постов на удаленной странице в Facebook представляли собой именно *мемы*.

В последние годы общественные движения все чаще используют Интернет в различных целях, распространяя свою идентичность, вербуя новых членов, создавая и поддерживая транснациональные коалиции и мобилизуя (не)членов среди них. Считается, что Интернет в значительной степени повышает эффективность коммуникации, одновременно снижая затраты на нее. Можно охватить большую и разрозненную аудиторию, минуя традиционные СМИ и других посредников. В онлайн-контекстах традиционные средства мобилизации заменяются деятельностью в Интернете и социальных сетях. Поскольку Интернет предоставляет важные инструменты для более прямой и стратегической коммуникации и выражения социальной идентичности, его можно использовать в качестве платформы для мобилизации людей и стимулирования коллективных действий — как в онлайн, так и в офлайн.

В статье подчеркивается применение движением за идентичность нового способа организации общественных движений с помощью использования общих фреймов, которые можно персонализировать под разные ситуации, и цифровых медиа и социальных сетей, которые позволяют людям, находящимся на больших расстояниях друг от друга, объединяться без центральных организаторов. Такие действия требуют меньше ресурсов и обеспечивают более легкий доступ к участию и распространению сообщений. Активизм в социальных сетях становится ключевым пространством, где формируются и обсуждаются протестные идеи. GIM, особенно используя мемы в Facebook, старается воздействовать на молодых людей. Одной из целей GIM является использование социальных сетей для привлечения большего числа последователей и в результате — увеличение числа активистов офлайн.

Прежде чем перейти к исследованию конкретных мемов, размещенных в социальных сетях GIM, авторы статьи последовательно описывают процедуру использования фреймирования как основного подхода исследуемой коммуникации. Так, авторы указывают, что в процессе коммуникации можно выделить четыре точки, в которых можно определить фреймы: коммуникатор, сообщение (т.е. текст), получатель и культура [с. 3]. Поскольку данная статья посвящена фреймам в мемах, это согласуется с социологическим происхождением фрейминга, несмотря на существование и иных подходов к определению данного подхода в иных науках и дисциплинах.

Фреймы в контексте анализируемой статьи можно определить как интерпретационные шаблоны, т.е. набор центральных организующих идей, придающих смысл проблеме. Фрейм состоит из четырех так называемых *элементов*: определения проблемы; атрибуции причин; моральной оценки; рекомендаций по разрешению проблемы [с. 3]. Определение проблемы относится к вопросам и действующим лицам, атрибуция причин определяет, кто или что несет ответственность за проблему, моральный портрет рекомендует способы оценки проблемы, а рекомендации по ее разрешению указывают на то, как лучше решить проблему. То, как конкретные элементы группируются во фрейм, может оказывать различное воздействие на получателей такой информации.

Стратегическое фреймирование связано с идеей о том, что коммуникаторы (например, общественные движения) намеренно используют фреймы для привлечения внимания общественности, транслирования точек зрения на определенные темы и проблемы и, наконец, для убеждения потенциальных последователей. Стратегическая цель общественных движений может заключаться в том, чтобы мотивировать людей присоединиться к ним в ходе акций или демонстраций. В конце концов, общественные движения выступают за социальные изменения, которые они хотят либо осуществить, либо противостоять им. Социальные движения применяют стратегическое фреймирование для получения общественного признания и одобрения, определения противников и подчеркивания собственной роли.

Авторы переходят к анализу фреймов, заключенных в мемах, которые публиковались GIM в социальных сетях. Интернет-мемы можно определить «как единицы популярной культуры, которые циркулируют, имитируются и трансформируются пользователями, создавая в процессе общий культурный опыт». В исследовании было изучено 511 мемов, размещенных с апреля 2013 г. по март 2018 г. на странице GIM. Для анализа стратегической коммуникации в мемах использовалась специальная книга с кодами. В этой книге были определены различные характеристики постов, такие как дата, длина текста, тип изображения, цветовая гамма (черно-желтая), количество лайков, комментариев и акций, а также описательный текст. Кроме того, были определены категории, относящиеся исключительно к мемам. В этих категориях кодировались элементы фрейма, т.е. основные темы и действующие лица. Основными темами могли быть политика, мультикультурализм и идентичность, миграция, традиционные ценности или само GIM. Действующими лицами в меме могли быть политики, члены GIM, СМИ, известные люди или мигранты/

беженцы. Также кодировалась косвенная и прямая речь, используемая в мемах. По результатам проведенного анализа было выявлено шесть стратегических фреймов [с. 6]. Типичные примеры фреймов представлены на рис. 1.

После обозначения фреймов авторами исследуется каждый из выявленных фреймов более подробно.

Фрейм 1: Споры об идентичности.

Этот фрейм был посвящен проблеме так называемых споров об идентичности. Наиболее часто упоминались такие темы, как мультикультурализм и сама идентичность, традиционные ценности, исламизация и политические вопросы. Типичным примером (см. рис. 1) является мем, в котором прошлое называется временем этнокультурной идентичности. В других мемах приводятся цифры об увеличении доли мусульман, проживающих в Германии, или утверждается, что мультикультурализм разрушает разнообразие европейских стран. Таким образом, данный стратегический фрейм обсуждает идентичность в этноплюралистическом контексте.

Фрейм 2: Антимиграция.

Наименьшая часть фреймов была направлена против миграции. Ответственность за проблемы возлагалась на мигрантов, ситуации, такие как войны, и политиков. Например, в одном из мемов (см. рис. 1) людей просили защитить себя от превращения в меньшинство в своей стране. Другие примеры представляли собой цитаты ученых, утверждающих, что успешная интеграция мигрантов в германское общество будет иллюзией.

Фрейм 3: Традиционные ценности.

В этом фрейме основной темой были традиционные ценности. В 1/5 части всех мемов упоминались темы, связанные с мультикультурализмом и идентичностью. На рис. 1 выше приведен типичный пример цитаты Эдмунда Берка, подчеркивающей, что традиционные ценности наших предков должны быть сохранены. Среди других примеров — критика гендерного подхода и СМИ. Таким образом, данный фрейм подчеркивает крайне консервативное мировоззрение.

Фрейм 4: Членство в GIM.

Самореклама GIM и его деятельности находилась в центре внимания этого фрейма. В качестве примеров можно привести мемы с просьбой о пожертвованиях, участии в движении, анонсы демонстраций (см. рис. 1), рекламу товаров интернет-магазина GIM.

Фрейм 5: Критика общества.

В этом фрейме были представлены различные социальные проблемы: политические вопросы, миграция, а также мультикультурализм

Debating identity (translated: there was a time of ethno-cultural identity, without a multicultural utopia, Islamization, political correctness, gender mainstreaming, ethno-cultural self-elimination)

Recruiting for the GIM (translated: 17. June, Berlin: Demonstration "Europe's future — move and change")

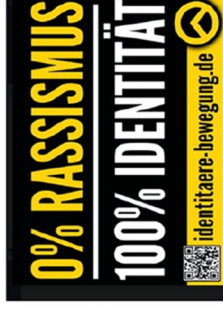
Anti-migration (translated: defend yourself against the great replacement: soon we will be a minority in our own country)

Criticizing society (translated: Maas (at the time German Federal Minister of Justice and Consumer Protection) and Facebook censor patriotic campaigns)

Traditional values (translated: "People will not look forward to posterity, who never look backward to their ancestors", Edmund Burke, 1729–1797)

Self-portrayal of the GIM (translated: zero percent racist, 100 percent identitarian)

Рис. 1. Типичные примеры идентифицированных фреймов [с. 8]

и идентичность. В примерах этого фрейма критикуются, например, отсутствие пограничного контроля, цензура в Интернете (см. рис. 1), деятельность левых протестующих и т.д.

Фрейм 6: Самопрезентация GIM.

В этом фрейме образ и самопрезентация GIM были основными темами. Примерами данного фрейма являются мемы, освещающие различные каналы, по которым заинтересованная аудитория может следить за деятельностью GIM (например, рассылки и блоги), графики, показывающие, как организована деятельность GIM и ее региональных групп, а также используемые ими лозунги, такие как «ноль процентов расизма, сто процентов идентичности» (см. рис. 1).

После выявления фреймов авторы обсудили полученные результаты. По количеству лайков было установлено, что фрейм «Критика общества» получил больше всего лайков, а фрейм «Традиционные ценности» — наименьшее количество лайков. По количеству комментариев фрейм «Критика общества» также получил наибольшую популярность. Наименьшее количество комментариев зафиксировано для фреймов «Традиционные ценности» и «Самопрезентация GIM». По результатам исследования стало ясно, что посты, созданные GIM, получили много комментариев и лайков. Необходимо отметить, что самые негативные фреймы, связанные с критикой общества, и фреймы против миграции вызывали больше вовлеченности у пользователей. Это означает, что такие мемы были распространены на Facebook больше, чем другие.

Таким образом, все выявленные фреймы являются проявлением активизма в социальных сетях. Некоторые из них призывают противодействовать миграции. Требуется подчеркнуть, что два самых популярных фрейма («Споры об идентичности» и «Критика общества») не содержат рекомендаций о том, как решить проблему. Возможно, это делается для привлечения большего числа людей через широкую критику социальных проблем. Однако в этих фреймах можно заметить характерные черты «новых правых»: акцент на консервативных ценностях, противодействие мультикультурализму, миграции и исламизации, а также акцент на этнических вопросах и призыв массово противостоять миграции. Государственные и другие организации уже относят этот активизм к правым политическим движениям. Фреймы и этнические темы, выявленные в этом исследовании, могут считаться современной формой расизма: культурным расизмом.

Другие фреймы также показывают, что GIM использовало свою страницу в Facebook для организации коллективных действий в реальной жизни. Однако не ясно, насколько эти действия были успеш-

ными. Обычно коллективные действия требуют долгосрочного участия группы, что может быть сложно в онлайн. Вопрос о том, как онлайн-участие может привести к коллективным действиям в реальной жизни, остается открытым и нуждается в дальнейшем исследовании.

Авторами также указывается на следующие ограничения проведенного исследования, которые могли в той или иной мере исказить полученные результаты [с. 10].

1. В данном исследовании анализировались только мемы GIM. В будущих исследованиях могут быть учтены мемы и иные элементы. Кроме того, мемы, использованные в данном исследовании, были собраны с помощью скриншотов. При таком способе сбора данных невозможно учесть, были ли мемы отредактированы или удалены до 1 мая 2018 г.

2. Исследование проводилось в контексте германского общества. Интересным будущим исследовательским проектом было бы сравнение результатов разных стран.

3. Хотя фреймовый подход, в частности стратегический фрейминг, оказался подходящим для ответа на поставленные вопросы проведенного исследования, следует подчеркнуть, что вопрос о том, как лучше всего определить фреймы, все еще остается спорным. В этом же ключе следует добавить, что определение того, что представляет собой мем, также является спорным. В данном исследовании интерактивный характер мема и способы его распространения изучались только в свете вовлеченности в социальные сети. Насколько пользователи изменяют эти мемы или их элементы, когда делятся ими, или, возможно, даже создают *контрмемы*, не было частью исследования.

4. Исходя из исследовательского характера данного исследования, переменные, собранные в ходе контент-анализа, были взяты из более широкой литературы по фреймингу, выборочному кодированию и разработке кодовой книги. Такой подход не может гарантировать, что все релевантные переменные были учтены. В будущем исследовании можно было бы учесть и другие социальные сети.

5. Что касается построения и установления фреймов, будущие исследования могут сочетать контент-анализ постов с контент-анализом освещения GIM в СМИ и/или опрос пользователей Интернета, ставящих лайки или следящих за страницей или каналом, в сочетании с репрезентативными опросами. Несмотря на то что GIM было основано только в 2012 г., в Facebook оно уже охватило десятки тысяч человек.

Таким образом, авторами была доказана возможность использования интернет-мемов в социальных сетях для целей продвижения тех или иных идей среди отдельных социальных групп; подобная особенность мемов, по нашему мнению, предопределила их активное использование для целей ведения информационной войны в XXI в. Представляется, что полученные результаты исследования авторов статьи могут быть далее разработаны за счет расширения географических границ исследования, а также анализа большего количества интернет-платформ.

*Я.О. Сиромская*¹

---

¹ **Ясения Олеговна Сиромская** — студентка магистратуры (2023–2025) факультета мировой политики; магистерская программа «Международные стратегические коммуникации».

ГУАДАГНО Р., ГУТЬЕРИ К. ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

GUADAGNO R., GUTTIERI K. Fake news and information warfare: An examination of the political and psychological processes from the digital sphere to the real world // Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online / Ed. by S. Samolenko, I. Chiluba. Hershey, PA: Information Science Reference, 2019.

Ключевые слова: информационная война; фейковые новости; слухи; заблуждение; пропаганда.

В рамках данного материала будет рассмотрена одна из глав сборника по исследованиям обмана, фейковых новостей и дезинформации в Интернете («Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online»). Редакторами данного сборника стали Иннокент Чилува — профессор Ковенантского университета (Нигерия) и Сергей Самойленко — преподаватель кафедры коммуникации в Университете Джорджа Мейсона.

Фейковые новости — ложная информация, выдаваемая за истину, — являются эффективным оружием в век информации. В рассматриваемой главе Розанна Гуадагно (адъюнкт-профессор информационных систем в Университете Оулу) и Карен Гутьери (аналитик-исследователь в Армейском кибернетическом институте (АСИ) и доцент кафедры социальных наук Военной академии Соединенных Штатов) анализируют фейковые новости и усилия России по ведению кибервойн на протяжении всего времени в качестве примера информационной войны. В главе определены ключевые термины и проведен обзор существующих политологических и психологических исследований, связанных с получением понимания последствий психологической кибервойны посредством распространения фейковых новостей. В частности, авторы предполагают, что существуют социальные, контекстуальные и индивидуальные факторы, которые способствуют распространению и влиянию фейковых новостей, и рассматривают эти факторы в данной главе.

Как отмечают авторы главы, фейковые новости — явление не новое. Однако новым является широкое и быстрое распространение фейковых новостей в новых средствах массовой информации. Информационная эпоха открыла двери для большего числа участников и более интенсивных форм манипулирования, чем когда-либо. Авторы считают, что это имеет последствия в реальном мире. Подпрыгивает

сама демократия. Индивиды предпринимают действия, в том числе насильственные, в ответ на стимулы медиасферы.

Цель главы — осветить социально-психологическую динамику фейковых новостей. Что делает фейковые новости эффективными?

Авторы выделяют три понятия, которые могут стать основой для фейков: слухи, теории заговора, а также заблуждение. Слухи и теории заговора, по мнению авторов, играют огромную роль в нынешней реальности. Изучение их социально-психологических свойств может дать некоторые подсказки относительно того, как работают фейковые новости и как с ними бороться. Заблуждение, хотя и встречается реже, чем слухи или заговоры, все же распространено среди населения и подчеркивает индивидуальную реакцию на информацию.

В главе также более детально рассматриваются фейковые новости, слухи, сплетни, городские легенды и заблуждения.

Авторы следуют определению фейковых новостей как информации, которая выглядит как новость, но не имеет фактического обоснования для своих утверждений. Фейковые новости распространяют дезинформацию.

Слухи — это неподтвержденная информация, находящаяся в широком обращении. Хотя достоверный слух трудно проверить, его также трудно немедленно опровергнуть. Слухи особенно распространены во времена социальной неопределенности, выступая в качестве своего рода «импровизированных новостей», чтобы помочь обществу разобраться в неоднозначной ситуации. Слухи, как правило, более сенсационны, чем реальные новости, однако им не хватает доказательств. Слухи часто говорят о предвзятости слушателя. В качестве примера авторы приводят тот факт, что Дональд Трамп распространил слух о том, что президент Барак Обама родился за пределами Соединенных Штатов. Движение *Birther*, которое занималось вопросом происхождения Барака Обамы, приветствовало идею о том, что он не может быть главой государства.

Сплетни и городские легенды — это разговорные формы, связанные с историей, которая затрагивает слушателей, например с новой информацией, которая привлекает внимание. Однако сплетни носят более личный характер и менее значимы, чем слухи; городские легенды представляют широкий, но не лично значимый интерес.

Теории заговора предполагают наличие схемы и сокрытия. Тот факт, что заговоры действительно существуют, позволяет психологическим операциям легко манипулировать теориями, которые не являются или не могут быть проверены фактами или объективным методом. Популярные теории заговора включают сокрытие прави-

тельством некоторых аспектов убийства Джона Ф. Кеннеди, неопознанных летающих объектов и даже террористических атак 11 сентября.

При заблуждении люди искренне верят в то, что увиденное или услышанное ими является точным, потому что у них есть мотивация интерпретировать то, что они видят, в соответствии со своими предпочтениями. Среди населения в целом часто встречается заблуждение, которое заключается в поддержании веры, несмотря на доказательства или их отсутствие. Заблуждение носит личный характер, в отличие от широко распространенных заговоров или религиозных верований.

Распространение фейков. В политическом понимании фейки — это инструмент психологической войны, который распространяет пропаганду с целью продвижения собственной позиции, дела или кандидата против позиции других. Если пропаганда является открытой, независимо от того, правдивая она или ложная, она считается «белой», когда автор берет на себя ответственность за нее; «серой» — когда у нее отсутствует идентифицируемый источник; «черной», когда она намеренно представляет ложный источник.

Технологические разработки, которые обеспечивают дешевую, мгновенную и широкомасштабную коммуникацию, являются важными элементами динамики распространения фейковых новостей. Социальные сети создали привлекательную экосистему для фейков. По данным исследовательского центра *Pew Research Center*, в 2017 г. 93% американцев сообщили, что читают новости онлайн¹. Многие американцы читают новости через социальные сети — 35%, пишет *Pew Research Center*, что примерно соответствует проценту тех, кто заходит непосредственно на веб-сайт, чтобы прочитать новости (36%). Сегодня удивительное количество пользователей читают новости в социальных сетях ежедневно. Например, среди пользователей Facebook² 74% сообщили, что заходят на сайт по крайней мере раз в день; 51% — чаще одного раза в день. Более 60% пользователей Snapchat и Instagram активны ежедневно. Более 40% пользователей Twitter и Instagram заходят на сайт хотя бы раз в день. В результате социальные сети предоставляют возможность ботам и троллям — людям, стремящимся создать конфликт, — распространять дезинформацию.

В современную эпоху социальных сетей люди считают себя полноправными участниками формирования информационного потока.

¹ Pew Research Center. Digital News Fact Sheet. Available at: <https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/digital-news/> (accessed 06.03.2024).

² Деятельность Facebook и Instagram в России признана экстремистской и запрещена. — *Примеч. редф.*

Мотивированные рассуждения, эмоциональное заражение и социальное влияние — все это, по-видимому, играет определенную роль в восприимчивости к фейковым новостям. Особую обеспокоенность, по мнению авторов, сегодня вызывает их роль в поведении, то, как вовлеченность в социальные сети побуждает людей к действиям в реальном мире, иногда с ужасными последствиями.

Мотивированное рассуждение предполагает, что люди с большей вероятностью придут к тем выводам, к которым они хотят прийти. Человек может желать быть рациональным и искать доказательства в различных источниках, но исследования мотивированного рассуждения показывают, что сам поиск, включенные в него рассуждения направлены в сторону доказательств, которые подтвердят его собственные убеждения. Тогда авторы предполагают, что там, где есть идеологическая поляризация, есть и мотивированные рассуждения.

Что касается эмоционального заражения, то эмоциональная реакция подпитывает мотивированные рассуждения. Как объясняет Ричард Херрманн: «Привязанность вызывает более интенсивные положительные и отрицательные эмоции, которые, в свою очередь, формируют интерпретацию разворачивающихся событий»¹. Эмоциональные реакции также коррелируют со склонностью делиться с другими в феномене эмоционального заражения. Исследование распространения городских легенд и видеороликов в Интернете показало, что люди с большей вероятностью распространяли городские легенды, которые вызывали интерес, удивление или отвращение.

Социальное влияние относится к изменению отношения, убеждений или поведения в результате реального или воображаемого внешнего давления. Социальное влияние и убеждение являются результатом ряда универсальных эвристических сигналов или методов принятия решений, которые лежат в основе многих ключевых аспектов социального поведения человека. Этими принципами являются авторитет, социальная значимость, приверженность и последовательность, симпатия и взаимность. Эти эвристики часто используются в кампаниях информационной войны, чтобы повлиять на отношение и убеждения людей.

Авторы главы делают вывод, что фейковые новости влияют на эмоции, поведение и убеждения людей и быстро распространяются в социальных сетях. Это имеет ощутимые последствия в реальном мире

---

¹ *Richard K. Herrmann. «How Attachments to the Nation Shape Beliefs About the World: A Theory of Motivated Reasoning». URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-organization/article/abs/how-attachments-to-the-nation-shape-beliefs-about-the-world-a-theory-of-motivated-reasoning/#>*

и поднимает этические вопросы, касающиеся использования персональных данных людей, собранных компаниями социальных сетей, и способов, которыми социальные сети могут пользоваться для распространения ложной информации. Хотя многие из этих проблем не новы, компонент социальных сетей является таковым. Из-за того что социальные сети способствуют вирусному распространению информации среди огромного числа людей пугающе быстрыми темпами, лучшим способом остановить этот тип информационной войны, с точки зрения авторов, вполне может быть разработка способов ее выявления и запрета выпуска до того, как она будет размещена в социальных сетях.

Во-первых, авторы призывают к осторожности при чтении заголовков новостей в Интернете, особенно тех, которые получены из неизвестного источника или из источника с низким уровнем авторитетности.

Во-вторых, они предлагают компаниям, работающим в социальных сетях, уделять больше внимания предотвращению вирусного распространения дезинформации.

В-третьих, авторы предполагают, что для защиты людей от того, чтобы они стали мишенями в будущей кампании информационной войны, необходимо принять законодательство, регулирующее этическое и безопасное использование данных людей в социальных сетях.

Наконец, они предлагают, чтобы государственная политика разработала принципы для обучения медиаграмотности на уровне общества, чтобы люди имели полное и ясное представление о рисках, связанных с использованием социальных сетей.

*О. Бабаева*¹

---

¹ **Огульбике Бабаева** — студентка магистратуры (2023–2025) факультета мировой политики; магистерская программа «Международные стратегические коммуникации».

Научное издание

**ВЕСТНИК
МАГИСТРАТУРЫ ФМП**

Сборник

Под редакцией Л.Э. Слуцкого

Оригинал-макет подготовлен в Издательстве «КУРС»

Подписано к использованию 07.05.2024.

ООО Издательство «КУРС»

127273, Москва, ул. Олонцкая, д. 17А, офис 104.

Тел.: (495) 203-57-83. E-mail: kursizdat@gmail.com <http://kursizdat.ru>